

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 20. № 3

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Современное переводоведение: максимы, константы и векторы развития»

“Modern Translation Theory: Maxims, Constants and Development Vectors”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 20. No. 3

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021

Том 20. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021

Volume 20. No. 3

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021. Vol. 20. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

“Modern Translation Theory: Maxims, Constants and Development Vectors”

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vögeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Vöyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *A.S. Astakhova, N.M. Vishnyakova,*
Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova, E.A. Agarkova*

Making up *O.N. Yadykina*

Technical editing *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Apr. 2, 2021.

Date of publication Aug. 12, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 16.6. Published pages 17.9.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–44).

Order 121. «C» 18.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021. Т. 20. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

«Современное переводоведение: максимы, константы и векторы развития»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седельце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманит. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина*
Редакторы английских текстов:
О.С. Волкова, Е.А. Азаркова
Верстка *О.Н. Ядыкиной*
Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 02.04 2021 г.
Дата выхода в свет 12.08 2021 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,6.
Уч.-изд. л. 17,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–44).
Заказ 121. «С» 18.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru
Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

- Новикова Э.Ю., Наумова А.П.* Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов 5
- Серебрякова С.В., Милостивая А.И.* Ситуативно-когнитивный подход в переводоведении: истоки и эвристический потенциал 18
- Митягина В.А., Чеметева Ю.В.* Перевод аналитической статьи для массмедиа: прагматика дискурсов 29
- Попова О.И., Волкова И.Д., Фадеева М.Ю.* Локализация и интернационализация текстов медийного дискурса [На англ. яз.] 45
- Гусейнова И.А., Горозжанов А.И., Кудинова Е.С.* Гений переводчика и социальные сети [На англ. яз.] ... 55
- Петрова О.В., Сдобников В.В.* Портрет преподавателя перевода в российских вузах [На англ. яз.] 65
- Камилова С.Э., Миркурбанов Н.М.* Лингвостилистическая детерминация передачи национальной специфики художественного перевода (на материале узбекской прозы) 75
- Королькова С.А., Новожилова А.А.* Эффективность систем машинного перевода в урбанистическом дискурсе 87
- Нечаева Н.В., Хельмле К.-С., Каирова Э.М.* Перевод на ясный и / или простой языки как интралингвальный вид перевода и подготовка переводчиков 99

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Марьянчик В.А.* Имплицитные смыслы художественного дискурса: лингвостилистический анализ рассказа И.А. Бунина «Убийца» 109

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Зеликов М.В.* Об исследовании парадигмы расширения в испанистике в работах 1970–2020 годов 120

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Токарев Г.В.* Прагматика квазисимвола 142
- Прокофьева Н.А., Акулович И.А.* Языковые средства комического в кликбейте [На англ. яз.] 151

ДИСКУССИИ

- Дружинин А.С.* Кинофильм как источник эмпирических данных о языке (на примере контрфактуальных высказываний) [На англ. яз.] 166

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

- Novikova E.Yu., Naumova A.P.* Translation Discourse 4.0: Variety of Formats, Genres and Trends 5
- Serebriakova S.V., Milostivaya A.I.* Situated Cognition Approach in Translation Studies: Origins and Heuristic Potential 18
- Mityagina V.A., Chemeteva Yu.V.* Translation of Analytical Articles for Mass Media: Pragmatics of Discourses 29
- Popova O.I., Volkova I.D., Fadeeva M.Yu.* Localization and Internationalization of Texts of the Media Discourse 45
- Guseynova I.A., Gorozhanov A.I., Kudinova E.S.* Translation Genius and Social Networks 55
- Petrova O.V., Sdobnikov V.V.* A Translation Teacher Profile in the Russian Context 65
- Kamilova S.E., Mirkurbanov N.M.* Linguistic-and-Stylistic Determination of National Peculiarities Representation in Literary Translation (Exemplified by Uzbek Prose) 75
- Korolkova S.A., Novozhilova A.A.* Efficiency of Machine Translation in Urban Discourse 87
- Nechaeva N.V., Helmle K.-S., Kairova E.M.* Easy and Plain Language Translation as an Intralingual Type of Translation & Training the Intralingual Translators 99

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Maryanchik V.A.* Implicit Meanings of the Discourse of Fiction: Linguistic-And-Stylistic Analysis of the Story by I.A. Bunin “The Murderess” 109

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Zelikov M.V.* On Investigations of Paradigm of Extension in Spanish Studies During 1970–2020 120

MATERIALS AND REPORTS

- Tokarev G.V.* Pragmatics of Quasi-Symbol 142
- Prokofeva N.A., Akulovich I.A.* The Language Means of Comicality in Clickbait Headings 151

DISCUSSIONS

- Druzhinin A.S.* Motion Pictures as a Source of Empirical Language Data (A Case Study of Counterfactuals) 166

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.1>

UDC 81'25:81'42
LBC 81.18

Submitted: 20.12.2020
Accepted: 30.03.2021

TRANSLATION DISCOURSE 4.0: VARIETY OF FORMATS, GENRES AND TRENDS

Elina Yu. Novikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Anna P. Naumova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the specific character of modern translation discourse, trends and opportunities of realization in the era of changes and global challenges. The relevance of the article is determined by the need to establish common and distinctive forms of expression and formats of translation discourse. The representative sources of three communicatively active discursive practices constitute the empirical base of the paper: scientific / translation studies translation discourse; professional / industry translation discourse; didactic translation discourse. The textual material of the discourse under consideration is analyzed in order to identify thematic dominants of three subtypes under consideration. The similarities and differences of the topics discussed by the translation community within the framework of the selected discursive practices are determined. Sources of translation discourse in Russian and German linguistic cultures were also involved in the analysis to identify common and distinctive features. The analysis revealed the tendency of the Russian-language translation discourse to be a more profound scientific search and substantiation of translation problems, and, on the contrary, the tendency of the German- and English-language discourses to discuss applied issues. The analyzed subtypes of translation discourse reveal certain unifying features: current challenges reaction rapidity, new phenomena and trends in society. However, these subtypes have translation tools of their own, traditions and formats that shape thematic dominants of each direction of the discourse. Thus, the paper revealed the dynamic nature of the discourse, on the one hand, and its sustainable development, on the other.

Key words: translation discourse, didactics of translation, professional community, communication, translation studies.

Citation. Novikova E. Yu., Naumova A.P. Translation Discourse 4.0: Variety of Formats, Genres and Trends. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 5-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.1>

УДК 81'25:81'42
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 20.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС 4.0: РАЗНООБРАЗИЕ ФОРМАТОВ, ЖАНРОВ И ТРЕНДОВ

Элина Юрьевна Новикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Анна Петровна Наумова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье показаны специфика современного переводческого дискурса, тренды и возможности реализации в эпоху перемен и глобальных вызовов. Актуальность работы обуславливается необходимостью установления общих и отличительных тем и форматов переводческого дискурса. Материалом исследования послужили тексты трех коммуникативно активных подвидов переводческого дискурса: 1) научного / переводоведческого переводческого дискурса; 2) профессионального / отраслевого переводческого дискурса; 3) дидактического. Текстовый массив рассматриваемого дискурса изучен с целью выявления его тематических доминант в трех указанных подвидах. Установлены сходства и различия обсуждаемых переводческим сообществом тем в рамках выделенных дискурсивных практик. К анализу привлекались также источники переводческого дискурса на материале русскоязычной и немецкоязычной лингвокультур для выявления общности или расхождений. Определено, что в русскоязычном переводческом дискурсе отражен более глубокий, чем в иноязычных дискурсах, научный поиск, дано обоснование переводческих проблем и, напротив, в немецкоязычном и англоязычном дискурсах актуализируются практически значимые вопросы. Анализируемые подвиды переводческого дискурса обнаруживают определенные унифицирующие черты: быстрота реакции на актуальные вызовы, новые феномены и тренды общества. В то же время они имеют собственный инструментарий, традиции и форматы, задающие тематические доминанты каждого из направлений дискурса. В результате исследования выявлены такие черты, как динамичность дискурса и устойчивость его развития.

Ключевые слова: переводческий дискурс, дидактика перевода, профессиональное сообщество, коммуникация, переводоведение.

Цитирование. Новикова Э. Ю., Наумова А. П. Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 5–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.1>

Введение

Актуальное для современной науки дискурсивное осмысление коммуникации детерминирует рассмотрение переводческой отрасли с позиций дискурсивной лингвистики. В ряде лингвистических исследований последних лет обозначены границы переводческого дискурса, с одной стороны, и унифицировано понятие «переводческий дискурс» (далее – ПД) – с другой. Одна из самых распространенных трактовок переводческого дискурса фокусируется на переводном дискурсе, в основе которого лежит технология перевода. Так, А.А. Каразия трактует переводной дискурс с позиции коммуникации, при которой в процессе переводческой деятельности появляется переводной текст [Каразия, 2016]. Термин «переводной дискурс» используется и Н.К. Гарбовским, который имеет иной взгляд на данное понятие и рассматривает такой дискурс как совокупность переводных текстов в одной лингвокультуре, они вторичны по отношению к текстам другой лингвокультуры и в значительной степени отличаются от первичных текстов «своей» лингвокультуры [Гарбовский, 2012]. Идеи Н.К. Гарбовского получили дальнейшее развитие в работах Е.С. Краснопеевой, которая для переводного дискурса вво-

дит понятие «абстрактный конструкт» и рассматривает реализацию такого дискурса в дискурсивных пространствах большинства культур [Краснопеева, 2015, с. 110]. При таком подходе учитывается ситуативная обусловленность конструкта, которая задает специфику переводческого действия, что в определенной степени коррелирует с концепцией дискурсивной зависимости переводческого действия. Представители данного исследовательского направления трактуют ПД как дискурсивно зависимое коммуникативное действие, как «переводческое пространство», в котором факторы дискурса (спортивного, туристического, экономического, социального, технического, политического и др.) влияют на принятие переводческого решения [Кушнина, 2009; Кушнина, Аликина, 2010; Левицкий, 2017; Митягина, 2017; Новикова, 2017; Milton, 2004; Wolf, Fukari, 2007]. Переводчик выступает агентом дискурса, он наделен дискурсивным мышлением, как любая языковая и коммуникативная личность, и координирует коммуникативный сценарий конкретного дискурса. Важно отметить, что в результате переводческого действия создается переводческое пространство, отражающее особенности, признаки и конвенции коммуникативного акта. Такое пространство задает рамочные усло-

вия переводческой программы, которая имеет динамичный характер и модифицируется в каждом конкретном случае.

В науке получил распространение и подход, при котором ПД рассматривается как разновидность аргументативного дискурса [Воскобойник, 2004; Куницына, 2009; Писанова, 2011; Гарбовский, 2010; 2012; Мишкурин, 2012; и др.]. Предметом исследования выступают переводческие комментарии, предисловия и прочие письменные сопровождения к тексту перевода. В таких исследованиях анализируются переводческие действия применительно к художественным произведениям конкретных авторов, то есть исследуется художественный переводческий дискурс. В русле такого подхода Е.Ю. Куницына обозначает переводческий дискурс как «пространство игры и метаигры переводчика» [Куницына, 2018, с. 293].

Аргументативность, будучи конститутивным признаком переводческого дискурса, позволяет смещать вектор исследования в сторону аргументативно-диалогического дискурса. Представители рассматриваемого направления исследуют диалогическое взаимодействие переводчика с другими акторами коммуникации (заказчиками, клиентами, переводчиками и др.). Благодаря стратегиям аргументативного убеждения переводчика участники коммуникации понимают и адекватно воспринимают необходимость / целесообразность / невозможность и т. п. переводческих услуг [Дондукова, 2012].

Современный формат коммуникации без границ, в том числе в глобальной сети Интернет, создает возможность изучения профессионального дискурса переводчика в рамках деловой коммуникации (см., например: [Наумова, 2013; Митягина, Наумова, 2019]). В фокусе внимания лингвистов оказывается общение специалистов-переводчиков между собой, осуществляемое в целях оптимизации профессиональной деятельности [Наумова, 2016]. Такое взаимодействие реализуется в широком жанровом диапазоне: от научной статьи, выступлений на конференциях до интернет-блогов переводчиков. В пределах профессионального дискурса переводчиков реализуется переводоведческий дискурс, основным критерием которого выступает теоретическое осмысление перевода.

В качестве составляющей ПД может быть рассмотрена и дидактически ориентированная коммуникация о переводе и переводчиках.

Понимание сложной природы ПД, его гетерогенный характер и многоформатность критериев, конститутивных признаков, параметров и дискурсивных практик приводят исследователей к трактовке ПД как метадискурсивной переводческой эпистемы, как сложного эпистемического конструкта, формирующего многогранный переводческий ландшафт [Власенко, 2015, с. 136]. Именно такое понимание ПД принято в нашем исследовании.

В рамках предлагаемого исследования обратимся к рассмотрению ПД с учетом форматов и трендов переводческой деятельности в быстро меняющихся условиях эпохи 4.0. Актуальность исследования объясняется дефицитом переводоведческих исследований интегративного характера, способствующих гибкому восприятию современных лингвистических, социокультурных, технологических процессов в практической деятельности переводчиков и ее адекватному отражению в теории. Особый исследовательский интерес вызывают конгруэнтность, диффузность и полидискурсивность ПД, соединяющего множество дискурсивных практик, каждая из которых имеет недостаточное освещение в исследованиях теории перевода.

Дискурсивные практики ПД представляют собой системообразующий текстовый континуум, формируемый участниками дискурса в процессе профессиональной коммуникации переводчиков, переводоведов и преподавателей перевода о технологии перевода и способах оптимизации качества переводного текста; новых переводческих теориях и моделях; новых методических и дидактических подходах, соответствующих современным трендам рынка переводческих услуг, и др. В связи с этим эвристичность приобретает системное описание доминантных дискурсивных практик с учетом социокоммуникативных характеристик дискурса ввиду его очевидного социального взаимодействия в разных профессиональных контекстах. Цель исследования заключается в установлении направлений тематического развития современного ПД в дискурсивных практиках трех подвидов ПД: научном пе-

реведоведческом; профессиональном / отраслевом; дидактическом.

Исследование вносит вклад в развитие нового направления науки о переводе – интегративного переводоведения; в разработку гибридной методологии и инструментария для исследования дискурсивных практик переводческой деятельности; позволяет уточнить дискурсивно значимые конститутивные признаки и жанровую парадигму переводческого дискурса, типологизировать переводческие действия и деятельность в онлайн-пространстве эпохи 4.0.

Материалы и методы исследования

Полемичность анализа ПД определила границы предприняемого исследования, а также обусловила выбор методов и отбор источников эмпирического материала для анализа, критериями которого послужили:

- востребованность в профессиональном переводческом сообществе;
- отсутствие узкоформатной направленности;
- актуальность, репрезентативность, достоверность и многочисленность представленных данных;
- межкультурный характер;
- устойчивый характер коммуникативной активности.

Материал исследования дает представление о лингвокультурной специфике анализируемого дискурса, к анализу привлекались русскоязычные, немецкоязычные и англоязычные источники, что позволило определить сходства и различия ПД в неблизродственных лингвокультурах.

Анализ переводоведческого ПД проводился на материале тематических изданий научных трудов 2019–2020 гг.: научный журнал «Вестник Московского Университета. Серия 22, Теория перевода» за 2020 г.; сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», проходившей в Симферополе 23–25 апреля 2020 г.; сборник материалов конференции союза устных и письменных переводчиков Германии «Übersetzen und Dolmetschen 4.0. Neue Wege im digitalen Zeitalter», проходившей в 2019 году.

Указанные источники представляют собой крупные серийные издания, посвященные актуальным проблемам теории и практики перевода и востребованные исследователями.

Анализ профессионального ПД проводился с использованием материалов журнала практикующих переводчиков «Мосты» в 2020 г., переводческих конференций «Translation Forum Russia» (2020) и «UTIC» (2020), интернет-форума на крупнейшем мировом переводческом онлайн-ресурсе Proz.com. Обращение к указанным источникам объясняется их практико-ориентированным характером: на этих дискуссионных площадках высокого статуса происходит обмен опытом практикующих переводчиков, обсуждение актуальных вопросов отрасли, презентация переводческих трендов действующими переводчиками и представителями переводческих компаний. Кроме того, интернет-форум, как один из наиболее широких и многоаспектных форматов ПД, дает возможность обсуждать конкретные переводческие проблемы и варианты переводческих решений в тех или иных конкретных ситуациях.

Дидактический ПД характеризуется на основе источников, адресованных преподавателям перевода: материалы вебинаров и семинаров Ассоциации преподавателей перевода, материалы общероссийского совещания по подготовке переводчиков (СПР); учебники по переводу, опубликованные издательством «Р.Валент» в 2019–2020 годы.

Для достижения поставленной цели в исследовании применялись контент-анализ и дискурсивный анализ, эмпирический материал отобран методом сплошной выборки. В работе использовался также прием количественных подсчетов, позволивший определить долю статей на определенную тему в общем массиве исследуемых публикаций. Для статей на определенную тему, представленную единичными публикациями (1–3), используется маркер «+» (тема отражена в публикациях, но эпизодически), для статей с частотностью до 50 % от общего объема анализируемого материала – «++» (тема отражена в публикациях достаточно часто), для статей с частотностью свыше 50 % от общего объема анализируемого материала – «+++» (тема отражена в публикациях очень часто).

Результаты и обсуждение

Тематические доминанты переводческого дискурса продемонстрируем в ходе анализа трех его подвидов: научного / переводоведческого ПД; профессионального / отраслевого ПД; дидактического ПД.

Научный / переводоведческий ПД

Переводоведческий дискурс в целом отличается широтой подходов и исследовательских интересов как отечественных, так и зарубежных переводоведов. Научный дискурс по теории перевода реализуется в монографиях, статьях, материалах конференций и др. Выявить тренды переводоведения во всей полноте вряд ли представляется возможным, поэтому сконцентрируем наше внимание на ограниченном, но весьма репрезентативном материале, который был выбран нами для анализа. Научный ПД реализуется как в письменной (научные публикации), так и устной (выступления на конференциях) формах коммуникации. Эмпирическим материалом в исследовании стали научные публикации.

Так, научный журнал «Вестник МГУ. Серия 22, Теория перевода» (источник I) специализируется на рассмотрении теоретических и практических аспектов перевода, ориентирован в большей степени на переводоведов и имеет ограниченный круг авторов. 2020 г. внес коррективы в профиль профессии переводчика, что отразилось в том числе и на специфике научного ПД. Быстро меняющиеся условия переводческой деятельности в сторону ее дигитализации и автоматизированной обусловленности находят свое мгновенное отражение и описание в научном переводоведческом дискурсе. Однако проведенный анализ публикационной активности журнала и тематических доминант, представленных в нем, показывает приверженность журнала традициям классического переводоведения. Об этом свидетельствуют рубрики журнала в выпусках 1–4 за 2020 г.: *75 лет синхронному переводу; трансдисциплинарная наука о переводе; методология перевода; история перевода; переводческая критика; лингвистические и культурологические аспекты перевода; вопросы терминологии; об-*

щая теория перевода; к 75-летию победы в Великой Отечественной войне. В данных рубриках частотны статьи, посвященные технологии перевода, частным переводческим проблемам, дидактике перевода и различным аспектам художественного (включая поэтический) перевода.

Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», Симферополь, 23–25 апреля 2020 г. (источник II), в отличие от «Вестника МГУ», охватывает более широкую аудиторию авторов, отражает на своих страницах многообразие тем и исследовательских ракурсов. Данный сборник формируется по материалам регулярно проводимой конференции, востребован среди лингвистов и переводоведов, о чем свидетельствует количество включенных в него публикаций (110 статей). Наиболее распространенные темы в сборнике, не имеющем рубрикации, отражают общие проблемы художественного перевода, аудиовизуального перевода, вопросы методики и дидактики, а также частные переводческие проблемы.

Сборник трудов, опубликованный по итогам ежегодной конференции, организованной Германским союзом устных и письменных переводчиков (источник III), представляет результаты работы зарубежных переводоведов и переводчиков (113 статей). В 2020 г. конференция была посвящена анализу профессии переводчика в современном цифровом мире. В сборнике представлены следующие рубрики: *Влияние внешних факторов на взаимодействие переводчиков с клиентами; Создание контента в эпоху 4.0; Машинный перевод, автоматический перевод; Специальные языки и машинный перевод; Устный перевод; Компетенции и позиционирование на рынке услуг; Маркетинг; Защита данных; Эргономика, Вопросы здоровья.* Данные рубрики сбалансированы по количеству статей, однако большинство тем публикаций отражают проблемы машинного перевода и информационных технологий в переводе (устном и письменном). Следует отметить также, что все статьи сборника имеют исключительно практико-ориентированный характер, публикации, посвященные узко специальным научным темам, истории перевода, художе-

ственному переводу, вопросам дидактики, аудиовизуальному переводу и др., не представлены.

Обобщим полученные результаты в таблице 1.

Результаты анализа актуального научного ПД позволяют установить следующее:

1) наблюдаются культурологические различия в освещении актуальных тем, связанных с профессией переводчика. Если научные публикации в источниках I и II имеют смешанный характер (научный и практический), то в источнике III они ориентированы на решение прикладных задач;

2) большинство опубликованных в источниках I и II материалов посвящено вопросам художественного перевода, в то время как в источнике III внимание полностью сконцентрировано на цифровой составляющей переводческой профессии XXI в., что, вероятно, объясняется заявленной темой конференции;

3) единичными публикациями представлено дискурсивно обусловленное переводове-

дение, то есть наблюдается сниженный интерес к анализу переводческого действия в различных дискурсах;

4) темы здоровья переводчика, менеджмента качества, новых технологий в устном переводе и вопросы взаимодействия с заказчиком отражены в публикациях зарубежных авторов (источник III) и не представлены в российских изданиях (источники I и II). Это является показателем смены исследовательского фокуса зарубежных переводоведов в сторону изучения реальных условий и проблем профессии, а не теоретических основ перевода.

Профессиональный / отраслевой ПД

Профессиональный / отраслевой ПД представлен в трех форматах: письменном, устном и интернет-опосредованном. Данная диверсификация способов профессионального взаимодействия обусловлена фундаментальной целью анализируемого подвида ПД – оптимизацией переводческой деятельности на

Таблица 1. Тематические доминанты научного / переводоведческого ПД

Table 1. Thematic dominants of scientific / translation studies translation discourse

Темы	Источники		
	I	II	III
Технология перевода / трансформации / стратегии	+++	+	-
Художественный перевод	+++	+++	-
Поэтический перевод	+++	+++	-
История перевода в разных странах	++	+	-
Преподавание синхронного перевода	++	-	-
Единицы перевода	++	++	-
Преподавание перевода / вопросы методики и дидактики	++	++	++
Синхронный перевод как особый вид перевода	+	-	-
Социальная роль переводчика	+	-	-
Искусственный интеллект и перевод	+	-	+++
Цифровизация и перевод	+	-	+++
Машинный перевод	+	-	+++
Война и перевод	+	-	-
Устный перевод	+	+	-
Перевод библии	+	+	-
Аудиовизуальный перевод	-	+++	-
Реклама как переводческая проблема	-	+	-
Перевод в различных дискурсах (музейный, политический, туристический и др.)	-	+	-
Переводческая отрасль, бизнес, рынок, фриланс	-	-	+++
Качество перевода	-	-	+
Менеджмент терминологии	-	-	++
Устный перевод и новые технологии	-	-	++
Защита данных	-	-	+
Вопросы здоровья, эргономии	-	-	++
Взаимодействие с заказчиками и клиентами	-	-	++

всех этапах ее реализации. В письменной форме данная цель реализуется в жанре статьи. На страницах профильного журнала «Мосты» (источник IV), публикуемого издательством «Р.Валент», авторы статей – практикующие переводчики, преподаватели перевода – высказывают свою точку зрения по актуальным вопросам переводческой отрасли, делятся опытом и рассуждают о будущем профессии. Несмотря на асинхронный характер письменной коммуникации в жанре статьи, отмечается оперативное своевременное освещение актуальных вопросов, наличие постоянных рубрик *На злобу дня; Переводя культуру; Анализ практики; Подготовка переводчика; Исторический музей*, а также вариативных рубрик в рамках каждого выпуска.

Качественной спецификой состава организаторов переводческих конференций Translation Forum Russia (источник V) и Ukrainian Translation Industry Camp (источник VI) – Бизнес-бюро Ассоциации переводчиков (Екатеринбург, Россия) и Бюро переводов InText (Днепр, Украина) – определяется ключевое тематическое направление выступлений участников: перевод как бизнес. Руководители переводческих компаний, ведущие менеджеры, разработчики и ритейлеры переводческого программного обеспечения рассказывают о своих достижениях и продуктах и за-

дают тренды развития профессии. Так, в программе обеих указанных конференций отмечается наличие схожих направлений работы: *Бизнес-поток / Бизнес в сфере перевода и локализации, Технологический поток / Технологии перевода и локализация*. Однако несмотря на коммерческо-деловой характер данных мероприятий, в программе также представлено направление, отражающее прикладной аспект переводческой деятельности: *Мастерство перевода и языковые секции / Искусство перевода*.

Форум является наиболее разнообразным жанром ПД с точки зрения тематики. В результате контент-анализа форумов крупнейшего мирового переводческого онлайн-ресурса Proz.com (источник VII) выявлено, что обсуждаемые вопросы сгруппированы в несколько крупных разделов: *Перевод как искусство и бизнес; Технические форумы; Форумы на других языках (кроме английского); Форумы по странам*. Каждый из них содержит подразделы, в которых затрагиваются актуальные вопросы, связанные с индустрией и мастерством перевода.

Результаты проведенного анализа профессионального / отраслевого ПД, систематизированного в таблице 2, позволяют установить следующее:

Таблица 2. Тематические доминанты профессионального / отраслевого ПД

Table 2. Thematic dominants of professional / industry translation discourse

Темы	Источники			
	IV	V	VI	VII
Своевременный рынок переводов и прогнозы его развития	+	+	+	+
Новые навыки перевода в условиях кризиса	+	+	+	+
Прикладные аспекты методики письменного перевода	+	+	–	+
Аудиовизуальный перевод	+	–	+	+
Анализ переводов художественных произведений, песен	+	–	–	+
Организационно-правовые аспекты подготовки переводчиков	+	–	–	–
Дидактические аспекты подготовки переводчиков	+	–	–	–
Перевод в исторической ретроспективе	+	–	–	–
Удаленный перевод	+	–	–	+
Перевод субтитров	–	+	+	+
Технический перевод	–	+	–	+
Особенности работы с САТ-программами	–	+	–	+
Переводческий менеджмент в организации	–	+	–	+
Локализация	–	+	–	+
Потребители переводческих услуг	–	+	–	+
Устный перевод	–	–	+	+
Поиск и обсуждение вариантов перевода	–	–	–	+
Здоровье и образ жизни переводчиков	–	–	–	+

1) широкий спектр обсуждаемых тем свидетельствует об активном развитии переводческой сферы как производственной отрасли современного общества (различные аспекты подготовки переводчиков, организационно-стратегические вопросы ведения переводческого бизнеса);

2) прикладные аспекты непосредственно переводческого процесса (подбор варианта перевода, новые взгляды на существующие теоретические положения) обсуждаются в трех форматах; обращение к письменному, устному или интернет-опосредованному каналам коммуникации зависит от дискурсивных целей, которые реализует участник переводческого сообщества;

3) темы материалов условно можно разделить на два крупных блока: перевод как искусство и перевод как бизнес; при этом стоит отметить появление новых тем, связанных со здоровьем переводчиков, а также современными вызовами человечества.

Дидактический ПД

Данный подвид ПД отражает коммуникацию преподавателей устного и письменного перевода на платформах профессиональных сообществ, в рамках встреч, семинаров, вебинаров, организованных для обсуждения методических и дидактических аспектов подготовки переводчиков, а также продукты дидактической работы – учебники и учебные пособия. Ассоциация преподавателей перевода в течение года проводит различные мероприятия по оптимизации деятельности преподавателей в вузе и подготовке переводчиков, материалы представлены на сайте (источник VIII). Общероссийское совещание по вопросам подготовки переводчиков проводится раз в год с целью обсуждения повестки дня и поиска решений сложным как организационным, так и методическим вопросам, материалы ОРС размещены на сайте (источник IX). Результатом подобных встреч становятся реализованные и апробированные подходы в дидактике, отраженные в учебниках, учебных пособиях и научных публикациях. К анализу привлекались работы, опубликованные издательством «Р.Валент» в 2019–2020 гг. (источник X), которое специа-

лизируется на издании словарей, учебных пособий, связанных с переводоведением и обучению переводу, и тем самым способствует развитию современного переводоведения.

В результате сопоставительного изучения указанных выше ресурсов определено некоторое сходство тематики и направления дискуссий на площадках профессионального сообщества преподавателей (см. табл. 3). При этом очевидно, что ряд вопросов, которыми активно занимается Ассоциация преподавателей перевода (например, технология перевода удаленного перевода), не находит отражения в учебных пособиях и учебниках. Это объясняется возможностью быстро реагировать на происходящие социально-экономические изменения в формате устного общения и обсуждения и невозможностью быстро реагировать на профессиональные вызовы в письменно реализуемой и апробируемой дидактике – учебниках.

Результаты проведенного анализа профессионального / отраслевого ПД позволяют установить следующее:

1) тема «Преподавание перевода в удаленном формате» представляет собой новое направление в отрасли, которое приобрело на фоне глобальных социально-экономических процессов особую актуальность и масштаб, в том числе и в дидактике перевода. Профессиональное сообщество преподавателей демонстрирует своевременную реакцию на данный феномен на уровне обсуждения и поиска дидактических решений;

2) обнаруживается преимущество между обсуждаемыми проблемами в устном формате и их письменной реализацией в учебниках и пособиях;

3) наличие у Ассоциации преподавателей перевода собственного интернет-ресурса и возможности проведения мероприятий в течение года делают работу Ассоциации эффективным инструментом коммуникации в ПД.

Выводы

Сопоставление результатов контент- и дискурс-анализа трех востребованных и коммуникативно активных подвидов переводческого дискурса (научный переводоведческий,

отраслевой профессиональный, дидактический ПД) позволило выделить его тематические доминанты, реализуемые в жанрах письменной, устной и интернет-опосредованной коммуникации. Научный ПД в проанализированном материале воплощается в жанрах доклада на конференции и научной статьи; профессиональный ПД – в жанрах доклада на мероприятиях переводческого сообщества, статьях в профессионально-ориентированных изданиях и комментариях или на форумах в формате интернет-коммуникации; дидактический ПД – в жанрах выступления на мероприятиях сообщества преподавателей, вебинара, учебного пособия. Жанровая палитра говорит о многообразии жанровых интеракций ПД, которые обнаруживают динамичный характер ввиду востребованного формата интернет-коммуникации. Анализ тематики коммуникации в ПД в 2020 г. свидетельствует о преемственности рассматриваемых дискурсивных практик ПД – большинство обсуждаемых тем пересекаются, что говорит о функциональной и семантической конгруэнтности дискурса при его интер- и полидискурсивности, также ин-

тертекстуальности. Несмотря на схожесть дискурсивных практик в обсуждении актуальных вопросов теории и практики перевода, выявлен ряд отличительных черт и тенденций. В научном русскоязычном ПД реализуется тенденция к рассмотрению собственно научных взглядов и подходов в переводоведении, тогда как в научном ПД немецкоязычной лингвокультуры наблюдается тенденция верификации теории к практической деятельности переводчика и отрасли в целом, что сближает научный немецкоязычный ПД с немецкоязычным и русскоязычным профессиональным ПД. Дидактический ПД адекватно и своевременно реагирует на тренды профессионального ПД, отражая интеграцию наиболее актуальных для отрасли тем как в повестку дискуссий преподавателей перевода, так и в новые учебные пособия. При этом вопросы дидактики перевода остаются мало освещенными в научном и профессиональном ПД, а особенности взаимодействия вузов, организации практик и выпускных квалификационных работ анализируются только в пределах дидактического ПД.

Таблица 3. Тематические доминанты дидактического ПД

Table 3. Thematic dominants of didactic translation discourse

Темы	Источники		
	VIII	IX	X
Формирование навыков работы с текстом	+	+	+
Тренды переводческого рынка	+	+	–
Преподавание в дистанционном формате	+	–	–
Организация самостоятельной работы студентов	+	–	–
Преподавание письменного перевода в дистанционном формате	+	–	–
Медицинский перевод	+	–	–
Локализация	+	–	–
Перевод на ясный язык	+	–	–
Деятельность письменного переводчика в современных условиях	+	–	–
Специальный перевод	+	–	+
Современные подходы к преподаванию устного и письменного перевода	+	–	+
Организация практики студентов	+	–	+
Государственная и общественно-профессиональная аккредитация для вузов	–	+	–
Научно-исследовательская работа студентов-переводчиков. Выпускная квалификационная работа бакалавров и магистров	–	+	+
Взаимодействие вузов и переводческой отрасли в процессе подготовки переводчиков	–	+	–
Синхронный перевод	–	+	+
Аудиовизуальный перевод	–	+	+
Перевод в различных дискурсах	–	–	+
Перевод в профессиональной коммуникации	–	–	+

Каждый из рассмотренных подвидов ПД обладает особым инструментарием, коммуникативными каналами, традициями и форматами, определяющими тематические доминанты каждого из направлений дискурса. Научный ПД ориентирован на переводоведов, отраслевой ПД – на переводчиков-практиков, дидактический ПД – на преподавателей перевода. Взаимодействие участников ПД внутри перечисленных подвидов осуществляется в устной, письменной и компьютерно-опосредованной формах коммуникации. Каждый из подвидов ПД по-своему реагирует на внешние факторы развития цифровой эпохи 4.0: если научный ПД сохраняет традиции переводоведения, то отраслевой ПД более восприимчив к изменениям переводческой деятельности с учетом актуальных трендов отрасли, дидактический ПД занимает промежуточное место, поскольку на внедрение инноваций в процесс обучения и подготовки переводчиков требуется время, апробация и др. Следовательно, изучаемый дискурс, с одной стороны, имеет динамичный характер, а с другой – проявляет устойчивость развития.

Таким образом, в результате исследования типологизирован ПД, показаны экспланаторные возможности изучения ПД в русле интегративного подхода, развитие которого позволит представить системное описание ПД, его дискурсивных практик с позиции социокоммуникативного действия.

Интегративные исследования переводческой деятельности способствуют комплексному осмыслению коммуникативной программы переводчика в транскультурной локально и глобально опосредованной коммуникации и расширяют границы научного знания о переводческом дискурсе как гибридном дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Власенко С. В., 2015. Переводческий дискурс: дилеммы определения и унификации понятия // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 2. С. 124–144.
- Воскобойник Г. Д., 2004. Тожество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестник МГЛУ. Вып. 499. 181 с.
- Гарбовский Н. К., 2010. Перевод и смысл: к постановке вопроса // Труды Высшей школы перевода (ф-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005–2010. М. : Изд-во Высшей школы перевода МГУ. С. 107–111.
- Гарбовский Н. К., 2012. Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода. М. : Изд-во Высшей школы перевода МГУ. С. 130–136.
- Дондукова Г. П., 2012. Природа и сущность переводческого дискурса // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. № 1 (26). С. 155–160.
- Каразия А. А., 2016. Англоязычный переводной дискурс как результат реализации переводческих стратегий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 24 с.
- Краснопеева Е. С., 2015. О месте понятия «переводческие универсалии» в исследованиях переводного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 98, № 27 (382). С. 108–113.
- Куницына Е. Д., 2009. Шекспир – Игра – Перевод. Иркутск : ИГЛУ. 434 с.
- Куницына Е. Ю., 2018. Переводческий дискурс как пространство игры и метаигры переводчика // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 26–28 апреля 2018 г.). Симферополь : АРИАЛ. С. 238–340.
- Кушнина Л. В., 2009. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь : ПНИПУ. 196 с.
- Кушнина Л. В., Аликина Е. В., 2010. Система оценки качества устного последовательного перевода в свете теории гармонизации // Вестник Пермского университета. Вып. 4 (10). С. 46–51.
- Левицкий А. Э., 2017. Дискурс и перевод // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 27–29 апреля 2017 г.). Симферополь : АРИАЛ. С. 230–235.
- Митягина В. А., 2017. Социопрагматическое изменение транслатологической парадигмы: коммуникативное действие в переводе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.3>.
- Митягина В. А., Наумова А. П., 2019. Professional Translators' Ethics in Workplace Communication // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Vol. 483. The I International Scientific Practical Conference “Breakthrough Technologies and Communications in Industry” (20–21 November, Volgograd, Russia). DOI: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/483/1/012010>.
- Мишкурнов Э. Н., 2012. Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингвофилософском дискурсе

ком и лингвокультурологическом осмыслении // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 1. С. 5–15.

Наумова А. П., 2013. Институциональность профессионального дискурса переводчиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (18). С. 104–109.

Наумова А. П., 2016. Языковая игра в профессиональном дискурсе переводчиков // Homo Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии. Вып. 9. С. 157–171.

Новикова, Э. Ю., 2017. Дискурсивная личность переводчика: переводческие компетенции и роли // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 90–102. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.9>.

Писанова Т. В., 2011. Художественный переводческий дискурс в свете идей философской герменевтики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 617. С. 155–171.

Milton J., 2004. The Figure of the Factory Translator: University and Professional Domains in the Translation Profession // Claims, Changes and Challenges in Translation Studies. Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. P.169–179.

Wolf M., Fukari A., 2007. Constructing a Sociology of Translation. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. 230 p.

ИСТОЧНИКИ

I – Вестник Московского Университета. Серия 22, Теория перевода. 2020. № 1–4.

II – Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 23–25 апреля 2020 г.). Симферополь : АРИАЛ, 2020. 454 с.

III – Übersetzen und Dolmetschen 4.0. Neue Wege im digitalen Zeitalter. URL: <https://www.uebersetzen-in-die-zukunft.de/callforpapers> (дата обращения: 20.11.2020).

IV – Журнал переводчиков «Мосты». 2020. № 1–4. URL: http://www.rvalent.ru/Content_Most_2020.pdf (дата обращения: 17.11.2020).

V – Международная переводческая конференция *Translation Forum Russia 2020*. URL: <https://tconference.ru/itogi-translation-forum-russia-2020> (дата обращения: 18.11.2020).

VI – Международная переводческая конференция *UTICamp-2020*. URL: <https://2020.utic.eu/program> (дата обращения: 18.11.2020).

VII – Форум переводческого онлайн-сообщества *Proz.com*. URL: <https://www.proz.com/forum> (дата обращения: 19.11.2020).

VIII – Ассоциация преподавателей перевода. Успех во взаимодействии. URL: <https://translation-teachers.ru/events/kalendar-app> (дата обращения: 19.11.2020).

IX – Общероссийское методическое совещание по вопросам подготовки переводчиков. URL: <https://translation-teachers.ru/news/obshherossijskoe-metodicheskoe-soveshhan> (дата обращения: 19.11.2020).

X – Книги, вышедшие в 2020 году. URL: http://www.rvalent.ru/knigi_2015_goda.html (дата обращения: 19.11.2020).

REFERENCES

Vlasenko S.V., 2015. Perevodcheskiy diskurs: dilemmy opredeleniya i unifikatsii ponyatiya [Translation Discourse: Dilemmas of Defining and Unifying the Concept]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. [Moscow University Translation Studies Bulletin], no. 2, pp. 124-144.

Voskoboinik G.D., 2004. Tozhdestvo i kognitivnyy dissonans v perevodcheskoy teorii i praktike [Identity and Cognitive Dissonance in Translation Theory and Practice]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], iss. 499. 181 p.

Garbovskiy N.K., 2010. Perevod i smysl: k postanovke voprosa [Translation and Meaning: Towards Defining the Subject Matter]. *Trudy Vysshey shkoly perevoda (f-ta) Mosk. un-ta. Kn. 1. 2005–2010* [Works of the Higher School (Faculty) of Translation and Interpretation. Book 1. 2005–2010]. Moscow, Izd-vo Vysshey shkoly perevoda MGU, pp. 107-111.

Garbovskiy N.K., 2012. Russkiy perevodnoy diskurs: mif ili realnost [Russian Translation Discourse: Myth or Reality]. *Russkiy yazyk i kultura v zerkale perevoda* [Russian Language and Culture Reflected in Translation]. Moscow, Izd-vo Vysshey shkoly perevoda MGU, pp. 130-136.

Dondukova G.P., 2012. Priroda i sushchnost' perevodcheskogo diskursa [The Nature and Essence of Translator's Discourse]. *Vestnik buryatskoy gosudarstvennoy selskokhozyaystvennoy akademii im. V. R. Filippova* [Vestnik of the Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov], no. 1 (26), pp. 155-160.

- Karaziya A.A., 2016. *Angloyazychnyy perevodnoy diskurs kak rezul'tat realizatsii perevodcheskikh strategiy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [English Translation Discourse as a Result of the Translation Strategies Implementation. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 24 p.
- Krasnopeyeva E.S., 2015. O meste ponyatiya «perevodcheskie universalii» v issledovaniyakh perevodnogo diskursa [On the Place of Translation Universals Concept in Translated Discourse Research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences], iss. 98, no. 27 (382), pp. 108-113.
- Kunitsyna E.Yu., 2009. *Shekspir – Igra – Perevod* [Shakespeare – Play – Translation]. Irkutsk, IGLU. 434 p.
- Kunitsyna E.Yu., 2018. Perevodcheskiy diskurs kak prostranstvo igry i metaigry perevodchika [Translation Discourse as a Space of Game and Metagame of the Translator]. *Perevodcheskiy diskurs: mezhdistsiplinarnyy podkhod : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Simferopol, 26–28 aprelya 2018 g.)* [Translation Discourse: Interdisciplinary Approach. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference. Simferopol, 26–28 April, 2018]. Simferopol, ARIAL Publ., pp. 238-340.
- Kushnina L.V., 2009. *Teoriya garmonizatsii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva* [Harmonization Theory: Experience in Cognitive Analysis of Translation Space]. Perm, PNIPU. 196 p.
- Kushnina L.V., Alikina, E.V., 2010. Sistema otsenki kachestva ustnogo posledovatel'nogo perevoda v svete teorii garmonizatsii [Quality Assessment System of Consecutive Interpretation in Light of Theory of Harmonization]. *Vestnik Permskogo Universiteta* [Perm University Herald], no. 4 (10), pp. 46-51.
- Levitsky A.E., 2017. Diskurs i perevod [Discourse and Translation]. *Perevodcheskiy diskurs: mezhdistsiplinarnyy podkhod : materialy I Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Simferopol, 27–29 aprelya 2017 g.)* [Translation Discourse: Interdisciplinary Approach. Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference. Simferopol, 27–29 April, 2017]. Simferopol, ARIAL Publ., pp. 230-235.
- Mityagina V.A., 2017. Sotsiopragsmaticheskoe izmerenie translatologicheskoy paradigmy: kommunikativnoe deystvie v perevode [Socio-Pragmatic Measurement of Translatology Paradigm: Communicative Action in Translation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 30-40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.3>.
- Mityagina V.A., Naumova A.P., 2019. Professional Translators' Ethics in Workplace Communication. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Vol. 483. The 1st International Scientific Practical Conference "Breakthrough Technologies and Communications in Industry" (20–21 November, Volgograd, Russia)*. DOI: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/483/1/012010>.
- Mishkurov E.N., 2012. Yazyk, «yazykovye igry» i perevod v sovremennom lingvofilosofskom i lingvokulturologicheskom osmyslenii [Language, "Language Games" and Translation in Modern Linguistic, Philosophic, and Cultural Studies Perspectives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. [Moscow University Translation Studies Bulletin], no. 1, pp. 5-15.
- Naumova A.P., 2013. Institutsionalnost professionalnogo diskursa perevodchikov [Institutionality of Professional Translators' Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (18), pp. 104-109.
- Naumova A.P., 2016. Yazykovaya igra v professionalnom diskurse perevodchikov [Language Play in Translators Professional Discourse]. *Homo Loquens: Voprosy lingvistiki i translyatologii*, no. 9, pp. 157-171.
- Novikova E.Yu., 2017. Diskursivnaya lichnost perevodchika: perevodcheskie kompetentsii i rolevoy portret [Discursive Personality of the Translator: Translation Competencies and Role Portrait]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 90-102. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.9>.
- Pisanova T.V., 2011. Khudozhestvennyy perevodcheskiy diskurs v svete idey filosofskoy germeneytiki [Artistic Interpretative Discourse in Philosophical Hermeneutics Ideas]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], iss. 617, pp. 155-171.
- Milton J., 2004. The Figure of the Factory Translator: University and Professional Domains in the Translation Profession. *Claims, Changes and*

Challenges in Translation Studies. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 169-179.

Wolf M., Fukari A., 2007. *Constructing a Sociology of Translation*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins. 230 p.

SOURCES

- I – *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. [Moscow University Translation Studies Bulletin], 2020, no. 1-4.
- II – *Perevodcheskiy diskurs: mezhdistsiplinarnyy podkhod: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Simferopol, 23–25 aprelya 2020 g.)* [Translation Discourse: Interdisciplinary Approach. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference. Simferopol, 23–25 April, 2020]. Simferopol, ARIAL Publ., 2020. 454 p.
- III – *Übersetzen und Dolmetschen 4.0. Neue Wege im digitalen Zeitalter*. URL: <https://www.uebersetzen-in-die-zukunft.de/callforpapers> (accessed 20 November 2020).
- IV – *Zhurnal perevodchikov «Mosty»* [Translation Journal “Mosty”], 2020, no. 1-4. URL: http://www.rvalent.ru/Content_Most_2020.pdf (accessed 17 November 2020).
- V – *Mezhdunarodnaya perevodcheskaya konferentsiya Translation Forum Russia 2020* [International Translation Conference Translation Forum Russia 2020]. URL: <https://tconference.ru/itogi-translation-forum-russia-2020> (accessed 18 November 2020).
- VI – *Mezhdunarodnaya perevodcheskaya konferentsiya UTICamp-2020* [International Translation Conference UTICamp-2020]. URL: <https://2020.utic.eu/program> (accessed 18 November 2020).
- VII – *Forum perevodcheskogo onlayn-soobshchestva Proz.com* [Forum of the Translation Online Community Proz.com]. URL: <https://www.proz.com/forum> (accessed 19 November 2020).
- VIII – *Assotsiatsiya prepodavateley perevoda. Uspekh vo vzaimodeystvii* [Translation Teachers Association. Success in Collaboration]. URL: <https://translation-teachers.ru/events/kalendar-app> (accessed 19 November 2020).
- IX – *Obshcherossiyskoe metodicheskoe soveshchanie po voprosam podgotovki perevodchikov* [All-Russian Methodological Meeting on Translators Training]. URL: <https://translation-teachers.ru/news/obshherossiyskoe-metodicheskoe-soveshchanie> (accessed 19 November 2020).
- X – *Knigi, vyshedshie v 2020 godu* [Books Published in 2020]. URL: http://www.rvalent.ru/knigi_2015_goda.html (accessed 19 November 2020).

Information About the Authors

Elina Yu. Novikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Anna P. Naumova, Senior Lecturer, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, anaumova9@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4002-4915>

Информация об авторах

Элина Юрьевна Новикова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Анна Петровна Наумова, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, anaumova9@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4002-4915>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.2>

UDC 81'25
LBC 81.18

Submitted: 11.12.2020
Accepted: 30.03.2021

SITUATED COGNITION APPROACH IN TRANSLATION STUDIES: ORIGINS AND HEURISTIC POTENTIAL

Svetlana V. Serebriakova

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Alexandra I. Milostivaya

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The article analyzes the explanatory possibilities of the situated cognition approach to translation study on the basis of the theoretical apparatus developed in the Viennese translation school of Professor H. Risku. The relevance of the study is determined by the appeal to the analysis of the specialized translation process in the authentic context of the functioning of the main subject in the modern translation market, i.e. a translation bureau. Incorporating the research techniques from the early stages of cognitive science development (theory of information processing based on symbol manipulation and neural networks analysis within the framework of connectionism), the approach under consideration is based on the modern concept of extended situated embodied cognition, which, as applied to translation studies, provides new arguments in favor of transition from interpretation of the interaction “human – text” to the study of multimedia communication of a subjects group in the translation networks’ composition, which have arisen as a result of outsourcing processes in the translation industry. The features of cooperative interaction between a team of translators and experts, as well as artifacts in the process of translation text generation using information technologies, are demonstrated. The practical application of the situated cognition approach to the analysis of the participants’ activities in translation cooperative networks (customer company, technical editor, translation bureau, external translation bureau, translator) is especially relevant in the context of globalization in the emerging Russian translation market.

Key words: extended cognition, situated cognition, specialized translation, cooperative text design, connectionism, translation networks, translation studies.

Citation. Serebriakova S.V., Milostivaya A.I. Situated Cognition Approach in Translation Studies: Origins and Heuristic Potential. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 18-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.2>

УДК 81'25
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 11.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

СИТУАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ: ИСТОКИ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Светлана Васильевна Серебрякова

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Александра Ивановна Милостивая

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы эксплаторные возможности ситуативно-когнитивного подхода к изучению перевода на базе теоретического аппарата, разрабатываемого в венской переводоведческой школе профессора Х. Риску. Актуальность исследования определяется обращением к анализу процесса осуществления специального перевода в аутентичном контексте функционирования основного субъекта современного

переводческого рынка – переводческого бюро. Инкорпорируя исследовательские приемы, сформировавшиеся на ранних этапах развития когнитивизма (теории обработки информации на основе манипуляции с символами и анализа нейронных сетей в рамках коннекционизма), рассматриваемый подход базируется на современной концепции расширенной ситуативной воплощенной когниции, которая применительно к переводоведению предоставляет новые аргументы в пользу перехода от интерпретации интеракции «человек – текст» к изучению мультимедиаальной коммуникации группы субъектов в составе переводческих сетей, возникших вследствие аутсорсинговых процессов в индустрии перевода. Продемонстрированы особенности кооперативного взаимодействия команды переводчиков и экспертов, а также артефактов в процессе переводческого текстопорождения с использованием информационных технологий. Практическое применение ситуативно-когнитивного подхода к анализу деятельности участников переводческих кооперативных сетей (компания-заказчик, технический редактор, переводческое бюро, внешнее переводческое бюро, переводчик) особо релевантно в контексте глокализации формирующегося российского рынка переводов.

Ключевые слова: расширенная когниция, ситуативная когниция, специальный перевод, кооперативный дизайн текста, коннекционизм, трансляционные сети, переводоведение.

Цитирование. Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Ситуативно-когнитивный подход в переводоведении: истоки и эвристический потенциал // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 18–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.2>

Введение

Современная эпистемологическая ситуация характеризуется доминированием принципа экспансионизма, что обуславливает расширение объекта исследовательской рефлексии в гуманитарных науках и, как следствие, обращение к анализу сложных систем, инкорпорирующих не только социальные процессы, но и техногенные артефакты. Основой подобного подхода в филологии является презумпция необходимости преодоления «“атомарного” изучения текстового пространства, изолированного исследования его структуры, семантики и прагматики» [Серебрякова, Милостивая, 2017, с. 50]. Данное утверждение, без сомнения, может быть экстраполировано в сферу переводоведческих штудий, где указанные выше аспекты анализа исследуемого объекта традиционно дополняются когнитивной составляющей, ибо теория перевода призвана, по словам В.А. Митягиной, описать и объяснить процесс «“перевода” мыслей из “пространства” одного языка в “границы” другого языка» [Митягина, 2017, с. 31]. Кроме того, коммуникативное действие рассматривается в современной исследовательской парадигме в качестве «инициальной основы переводческого действия» [Митягина, 2017, с. 33], что закономерно, поскольку перевод, как отмечают Б. Хатим и И. Мэсон, проходит в социальном контексте и является частью этого контекста» [Hatim, Mason, 1997, p. 121]. Таким образом, перевод традиционно характеризуется в большинстве

современных исследований конвергентной целостностью следующих аспектов: *культурного* (фокусирующего зависимость переводческой деятельности от доминирующих в обществе ценностей, традиций и идеологий), *социологического* (описывающего участников переводческой коммуникации, прежде всего переводчиков, а также их групповую кооперацию) и *когнитивного* (рассматривающего связанные с переводом ментальные процессы, в том числе принятие переводческих решений) (см., например: [Chesterman, 2006, p. 11]).

Процессы глобализации и компьютеризации вносят в описанную выше типологизацию определенные коррективы, которые связаны с распространением в переводческой индустрии такой стратегии менеджмента, как аутсорсинг [Risku, 2006, p. 16], способствующий повышению качества переводческой продукции без дополнительных расходов на оптимизацию производственной деятельности. Аутсорсинг предполагает трансфер некоторых некритичных функций другой компании или фрилансерам. Применительно к работе переводческого бюро, основного субъекта деятельности на европейском переводческом рынке, аутсорсинг выражается в передаче отдельных элементов производства переводческой продукции в компании стран переводящих языков или переводчикам-фрилансерам, а также в специальные типографские фирмы [Risku, Pein-Weber, Milošević, 2016, p. 989]. При этом возникают своего рода трансляционные сети, координируемые представителями переводческих бюро. Данное об-

стоятельство детерминирует необходимость изучения коммуникативно-когнитивных характеристик возникающего вследствие описанных процессов кооперативного дизайна текста, выполняемого и координируемого в современных условиях с использованием компьютеров и технологий «Translation Memory».

В современной когнитивистике активно разрабатывается ситуативно-когнитивный подход, согласно которому социальные институты и технические устройства рассматриваются как единый механизм генерирования когнитивной информации. Э. Хатчинс, автор теории распределенного познания, исследовал кабину авиалайнера как единую когнитивную единицу, состоящую из пилотов и различных технологических устройств [Hutchins, 1995]. Британский философ Э. Кларк иллюстрирует такое единство метафорой о человеке-киборге, вынесенной в заголовок его книги «Natural-born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence» (Мы – естественные киборги: разум, технологии и будущее человеческого интеллекта) [Clark, 2003], подразумевающая при этом конвергенцию машины и человека в современном познании.

Применительно к теории перевода этот подход предоставляет возможность перейти от анализа интеракции «человек – текст» к исследованию мультимедиаальной коммуникации группы субъектов при поддержке информационных технологий. В современном переводе существует большое количество работ, выполненных в русле ситуативно-когнитивного подхода, однако наиболее последовательно он реализуется при изучении специального перевода в венской школе профессора Х. Риску. Цель данной статьи – исследование генезиса ситуативно-когнитивного подхода в переводе и выявление эвристической ценности основных теоретических положений, выдвигаемых данной школой.

**Эпистемологические предпосылки
возникновения
ситуативно-когнитивного подхода
к изучению перевода**

Ситуативно-когнитивный подход к изучению перевода, оформившийся в последние годы, базируется на результатах исследова-

тельской рефлексии, полученных в ходе транспозиции в пространство переводоведческих штудий концептов и исследовательских приемов, разработанных на ранних этапах развития когнитивной науки. Перевод рассматривался как:

- обработка информации (переключения кодов и манипуляции с символами);
- нейронные сети в рамках коннекционизма;
- ситуативная социокогнитивная интеракция [Risku, 2020, p. 194].

В исследованиях перевода и коммуникации второй половины XX в. отмечалось, что переводчики работают как переключатели кодов, заменяя элементы и правила в системе кодирования одного языка элементами и правилами другого [Kade, 1968; Koller, 1979; Wilss, 1992]. По мнению Х. Риску, такая модель представляется упрощенной, ибо генерирование смыслов при переводе не может быть объяснено исключительно посредством анализа реакций на стимулы и расшифровки символов. Она утрачивает свою объяснительную силу там, где используются гибкие креативные переводческие действия, которые позволяют человеку с легкостью решать транслативные задачи в условиях неполной информации или исключений из правил кодирования [Risku, 2009, S. 69]. Современное когнитивное переводоведение признает аксиоматичным тот факт, что рассматриваемый подход оставляет без внимания такие важные детерминанты переводческих решений, как индивидуальный опыт переводчика, его профессиональные навыки, тематика исходного текста, цель перевода и т. д.

Когнитивные теории, основывающиеся на анализе переключения кодов, сменил коннекционизм, сторонники которого отказались от идеи обработки символов на базе определенной строго структурированной системы правил. При этом подходе на передний план выдвигается физическая структура мозга с миллионами нейронов, образующих сети. Устойчивые соединения нейронов сохраняются и воспроизводятся в когнитивной системе. Таким образом, при утрате отдельных элементов система продолжает функционировать, ибо, по словам Х. Риску, знания не находятся в отдельных нейронах, они распределены

по всей сети – отсюда и термин «параллельная распределенная обработка» (parallel distributed processing) [Risku, 2020, p. 196]. Нейронная сеть способна подстраиваться под окружающую ее среду посредством индивидуального опыта человека, основанного на уже существующих сцеплениях нейронов. Намек на тот или иной предмет вызывает определенную ассоциацию, именуемую фреймом, скриптом, схемой или сценарием [Risku, 2009, S. 70]. Данные когнитивные структуры в новых ситуациях не конструируются, а реконструируются на основе имеющегося у человека когнитивного опыта. Тем самым коннекционизм позволяет объяснить многие когнитивные процессы, оставшиеся за рамками исследований, проводившихся в русле бихевиористской когнитивистики, однако, как считают исследователи, он ограничивается описанием ментальных особенностей индивида, не изолированных от социальной среды его жизнедеятельности [Windhager, Zenk, Risku, 2010, S. 911–912]. Х. Рискю полагает, что в переводоведении коннекционизм связан с повышенным интересом к креативности, индивидуальному опыту и ситуативному контексту переводческой деятельности [Risku, 2009, S. 79]. Он воплотился в рамках скопос-теории [Reiß, Vermeer, 1984] и теории переводческого действия [Holz-Mänttär, 1984]. Переводчики при этом не только воспроизводят функции и значения исходного текста, но и принимают решения как эксперты.

Следующим этапом развития когнитивистики стало исследование познания как социальной и ситуативной интеракции. Данный подход определяется при помощи различных терминов: «расширенная когниция» (extended cognition) [Clark, Chalmers, 1998, p. 8], «ситуативная когниция» (situated cognition) [Risku, 2009, S. 71], «социально встроенная когниция» (socially embedded cognition) [Huebner, 2013, p. 13], «ситуативная, воплощенная когниция» (situated, embodied cognition) [Risku, 2010, p. 97]. Далее в статье мы будем оперировать термином «ситуативная когниция», который является наиболее употребительным в венской переводоведческой школе. Толчком к его возникновению стал постулат Э. Клар-

ка и Д. Чалмерса: «Cognitive processes ain't (all) in the head!» [Clark, Chalmers, 1998, p. 8] (Когнитивные процессы не (все) в голове!). Тем самым указывается на возможность включения в состав когнитивных процессов телесных действий и артефактов из внешней среды. В качестве примера исследователями приводится счет как когнитивная операция, где могут быть задействованы пальцы или калькулятор [Clark, Chalmers, 1998, p. 10–11].

В рамках данного подхода познание рассматривается как ситуативное действие в комплексных физических и социальных ситуациях, а не как повторное использование уже имеющегося знания. Перевод предстает не как репродуцирование смысла, а как его генерирование в конкретной интенционально обусловленной ситуации, где переводчики не используют заранее усвоенные методики перевода, а всякий раз подтверждают их валерность в новых коммуникативных условиях. Переводчик превращается из археолога, реконструирующего укоренившиеся опробованные когнитивные схемы, в архитектора-творца. Тем самым в фокус исследовательского интереса попадает не только мозговая деятельность, но и физические характеристики коммуникантов, а также параметры окружающей среды и артефакты, релевантные для уменьшения потребности в хранении, поиске и обработке информации в мозге. Окружающая среда воспринимается, согласно концепции Х. Рискю, при этом не как источник информации или пространство локализации проблемы, а как неотъемлемый компонент принятия решения в проблемной ситуации [Risku, 2009, S. 72–73]. Таким образом, основой человеческого интеллекта является умение передавать сведения участникам коммуникативного действия и использовать внешние инструменты познания, например информационные технологии, роль которых в переводческом процессе становится специальным объектом исследования [Windhager, Zenk, Risku, 2010, S. 912]. В современном переводоведении специальный перевод как ситуативная социокогнитивная интеракция наиболее подробно и последовательно описан в трудах венской школы, основные положения которых будут охарактеризованы ниже.

**Перевод
как кооперативная деятельность
команды переводчиков и экспертов**

Ключевым моментом презентации перевода в русле ситуативно-когнитивного подхода является постулирование командного сетевого характера деятельности данного типа, что связано с уже упомянутыми нами выше процессами аутсорсинга как механизма, детерминирующего организацию современной индустрии переводов. Кроме того, в связи с усиливающейся специализацией транслируемого контента переводчикам регулярно нужно обращаться к консультативной интеракции друг с другом или связываться с другими экспертами, чтобы получить дополнительную прецизионную информацию, оптимизирующую их деятельность. При этом, как показано Х. Риску, преобладают следующие формы переводческой интеракции:

- кооперативная распределенная работа, например команды переводчиков-фрилансеров, над тематически и терминологически когерентным совместным проектом;
- совместная обработка завершеного перевода (корректурa, верификация локализации пользовательского интерфейса);
- неkontинуальные формы доступа к профессиональному опыту специалистов в смежных сферах (например, обращение к предметным экспертам, терминологам, авторам исходного текста) [Risku, 2010, p. 106].

Австрийский переводовед Э. Прунч, рассматривая возможности аппликации кооперативной модели к процессу перевода, справедливо отметил, что в данном случае «необходимо определить сферу действий и социальные роли актантов, участвующих в транскультурной коммуникации, и тем самым основные черты их взаимодействия» [Прунч, 2015, с. 180]. Далее охарактеризуем роли и функции участников переводческих кооперативных сетей.

Выполнение переводческого проекта начинается с заказа на перевод в том или ином переводческом бюро. Заказчиками выступают, как правило, *технические редакторы*, являющиеся сотрудниками *фирмы-заказчика*. Участники переводческой сети в роли заказчика несут ответственность за предоставле-

ние корректного исходного текста, сопровождаемого необходимым количеством контекстуальной информации и референциального материала. Заказчик перевода также утверждает окончательные варианты перевода и его верстки, выполняя контроль их качества. Далее заказ передается *переводчику-исполнителю*, который локализован, как правило, в стране переводящего языка. Часто данную роль выполняют фрилансеры или специалисты, которые работают в ином (внешнем) переводческом бюро, являются экспертами в определенной предметной области. Они избраны в соответствии со стратегией аутсорсинга в целях оптимизации качества и стоимости производимого продукта. Продукт их деятельности подвергается корректуре со стороны *редактора перевода* из внешнего переводческого бюро, а также из переводческого бюро-заказчика и со стороны технического редактора, работающего (в большинстве случаев) в техническом отделе компании-заказчика перевода. В исследованиях Х. Риску [Risku, 2009, S. 180] подобная кооперативная сеть схематично представлена в таблице.

При этом отмечается, что схема распределения ролей и сфер ответственности в переводческом агентстве не всегда реализуется безукоризненно, что вызвано дублированием или опущением той или иной из вышеуказанных функций. Нарушению координации совместной деятельности потенциально способствует смена сотрудников на различных этапах выполнения транслативного проекта или в ходе создания исходного текста фирмой-заказчиком. Так, в исследовании Х. Риску была проанализирована подобная ситуация при осуществлении перевода инструкции к телефонам и факсам в одном из переводческих бюро [Risku, 2009, S. 188–189]. После смены сотрудников не была актуализирована система «Translation Memoгу», результатом чего стал идентичный перевод терминов-антонимов: термины *on-hook dialing* и *off-hook* были переведены как *dialing bei aufgelegtem Hörer* (набор номера без снятия трубки). Однако при более детальном рассмотрении истории создания текста оригинала было выявлено, что проблема заключается не только в этом. Исходный текст создавался в различных филиалах фирмы-заказчика,

а следовательно, в нем возникали терминологические «несостыковки», которые в итоге были устранены посредством контакта с клиентским отделом фирмы-заказчика. В частности, при выборе эквивалента термину «contrast control» уточнялись денотативные детали и клиенту предлагалось избрать вариант перевода (*сведения о контрастности дисплея* либо *регулирование контрастности дисплея*). В результате согласования был избран третий оптимальный эквивалент трансляции данного термина, который был внесен впоследствии в систему переводческой памяти.

Описанное выше разнообразие интерактантов переводческого процесса, а также полифункциональность их деятельности выдвигают на передний план необходимость эффективного менеджмента в переводческой коммуникации, причем это, как отмечает Х. Рискю, менеджмент взаимоотношений людей, а не менеджмент текстов и терминов [Risku, 2009, S. 243]. Следовательно, в проектной деятельности переводческого бюро релевантны координативные действия, направленные на организацию работы звеньев переводческих кооперативных сетей, которые всякий раз социально и дискурсивно детерминированы.

Информационные технологии и артефакты в кооперативной переводческой деятельности

Как отмечалось нами выше, информационные технологии и другие артефакты играют важную роль в генерировании смыслов на переводящем языке, способствуя когнитивной экономии в ходе осуществления специального перевода. В современном транслативном процессе нет необходимости сохранять, искать и редактировать информацию исключительно в памяти. Для этой цели задействована сеть культурных и технологических артефактов, формирующих «своего рода внешнюю поддерживающую основу для познания (Scaffold), которая влияет на наше мышление и действия одновременно» [Windhager, Zenk, Risku, 2010, S. 912]. При этом нерелевантно, осуществляется ли перевод «в уме» или, например, с помощью артефакта «Translation Memoгу». Артефакты, используемые в процессе перевода, образуют по классификации Х. Рискю две группы: физические (телефон, факс, письма, словари, папки, ежедневники) и электронные (Интернет, банки данных, системы переводческой памяти и менеджмента), которые служат для реализации таких функ-

Распределение ролей и функций переводческих кооперативных сетей

Distribution of roles and functions of translation cooperative networks

Роли в переводческой кооперативной сети *	Функции участников акта трансляции **
Специальный отдел компании-заказчика	Инициатор Заказчик перевода Редактирование Верстка
Технический редактор	Заказчик перевода Редактирование Координатор перевода
Переводческое бюро	Координатор перевода Заказчик перевода (для переводчиков) Редактирование Верстка
Внешнее переводческое бюро	Координатор перевода Заказчик перевода (для переводчиков) Переводчик Редактирование
Переводчик	Переводчик

Примечание. * – жирным шрифтом маркирован координатор сети акторов в переводческом процессе); ** – жирным шрифтом выделена основная функция.

Note. * – the coordinator of the network of actors in the translation process is given in bold; ** – the main function is given in bold.

ций, как коммуникация между сотрудниками компании и клиентами, обработка заказов, архивация данных для использования терминологической базы в последующих переводах, менеджмент переводческого проекта [Risku, 2009, S. 148].

Далее Х. Рискю рассматривает наиболее часто используемые физические и электронные артефакты в специальном переводе. Особую роль среди инструментов рабочего места переводчика, способствующих оптимизации когнитивной деятельности и организации менеджмента переводческого проекта, занимает Интернет, ибо вся работа перемещается на экран компьютера. Интернет-форумы переводчиков теперь играют центральную роль в расширении баз данных, где компании ищут подходящих специалистов [Risku et al., 2013, p. 43]. Системы «Translation Memory», будучи неотъемлемыми компонентами кооперативной деятельности по созданию текстотранслята, используются в современных переводческих агентствах при создании больших объемов переводов, особенно когда проект координируется централизованно и согласованность избираемых терминосистем играет важную роль. Кооперативная коммуникативная интеракция снижает риск того, что решения, разработанные для другого контекста, могут не вписаться в осуществляемый перевод. Такие терминологические несостыковки могут усугубляться недостаточным справочным материалом. По наблюдениям ученых, сотрудники переводческих агентств считают системы «Translation Memory» помехой, а не помощью. Данный артефакт может способствовать повышению качества перевода и его рентабельности только при локализации программного обеспечения и пользовательского интерфейса по стандартам целевой культуры [Risku, Pircher, 2008, p. 164].

По данным ретроспективных интервью сотрудников агентств, артефакты, используемые в кооперативной переводческой деятельности, не ограничиваются только современными информационными и коммуникационными программным обеспечением и инструментами, но включают также все материальные и нематериальные объекты, которые должны ограничить хранение и обработку всей необходимой для осуществления перевода инфор-

мации исключительно в мозге. Сюда можно отнести мобильный телефон, мониторы и клавиатуру компьютера, принтер, файлы и папки, различные пособия (например, по стилистике исходного или переводящего языков или параллельные тексты) и словари, компьютерные корректоры орфографии, грамматики и стиля, которые всякий раз избираются на базе автоматизированного итеративного шаблона обработки переводимого контента. Формальные артефакты, в частности верстка, считаются важными аспектами ситуативно-когнитивной переводческой интеракции.

В рамках ситуативно-когнитивного подхода к изучению процесса трансляции особый исследовательский интерес представляет анализ материальных артефактов, служащих для визуализации специального контента из переводимых материалов. Так, в одном из реализованных в школе Х. Рискю исследовательских проектов при наблюдении за работой австрийского бюро переводов у клиентов были отмечены запросы справочных материалов (например, ранее переведенных текстов по аналогичной тематике, рисунков или фото). Описан случай, когда агентство столкнулось с большими проблемами при переводе каталога женской одежды. Переводчикам не было предоставлено никаких сопроводительных изображений, поскольку перевод осуществлялся еще до того, как была готова новая коллекция. Перевод таких выражений, как *декоративная лента* или *входящие в комплект трусики пуш-ап* без визуальной поддержки оказался чрезвычайно сложным даже для переводчика, который специализируется на изданиях из мира моды (подробно см.: [Risku, Pircher, 2008, p. 163]).

Исследовательской группой под руководством профессора Х. Рискю с 2001 по 2014 г. было проведено лонгитюдное исследование роли артефактов в кооперативной переводческой деятельности агентства, которое осуществляло перевод технических текстов на несколько целевых языков [Risku, Milosevic, Rogl, 2019]. Были выявлены следующие значительные изменения рассматриваемых явлений:

– увеличение клиентской базы, что повлекло рост количества сотрудников и, следовательно, расширение такого артефакта, как офисное пространство;

– обусловленное аутсорсинговой стратегией развития бизнеса перераспределение функций сотрудников бюро, способствовавшее повышению значимости информационных технологий в функции координации и менеджмента переводческих проектов и коммуникации с фрилансерами, специалистами по верстке и т. п.;

– внедрение цифровой коммуникации, сопровождаемое сокращением количества используемых в общении языков, поскольку вся переписка велась на английском или немецком языке; артефакт «бумажные копии текстов» изготовлялся гораздо реже, а использование переводческих технологий, включая память переводов и инструменты управления терминологией, расширилось;

– преимущественная передача заказов переводчикам, у которых есть свои веб-страницы в переводческих онлайн-сообществах, чтобы верифицировать их навыки медиаграмотности.

Таким образом, обнаруживается отчетливая тенденция к экстернализации процесса перевода посредством использования информационных технологий и артефактов, что приводит к замене «внутренней» обработки транслируемой информации в человеческом мозге взаимодействием с внешними стимулами. При таком подходе традиционный вопрос для переводоведения, в рамках которого изучается трансляция в процессуальном ракурсе: «“Was in den Köpfen von Übersetzenden vorgeht” muss komplementiert werden durch das “was in den Händen / im Computer / auf dem Arbeitstisch / in der Sprache / in den Dialogen von Übersetzenden vorgeht”» («Что происходит в голове переводчика?») дополняется следующим образом: «Что происходит в руках / в компьютере / на рабочем столе / в языке / в межличностном общении у переводчиков?») [Risku, 2009, S. 91].

Выводы

Подводя итог анализу эвристической ценности ситуативно-когнитивного подхода в версии венской переводоведческой школы, отметим его высокий экспланаторный потенциал, основанный на рассмотрении реальной коммуникативной ситуации, в которой осуще-

ствляется переводческая деятельность в современных условиях. Акцент на изучение индустрии специального перевода как неотъемлемого сегмента рынка выдвигает при этом на передний план избрание в качестве единицы исследования переводческого события, то есть, по словам А. Честермана, всего заказа на переводческий продукт – от первоначального запроса до доставки и оплаты [Chesterman, 2006, p. 13], что и было последовательно осуществлено в рамках ситуативно-когнитивного подхода.

Экстраполяция на изучение перевода модели, основанной на взаимодействии экспертов в той или иной отрасли, фрилансеров и переводческих менеджеров-координаторов проектов, актуальна в контексте формирующегося российского рынка переводов, основанного на европейских стандартах их качества и дизайна. Особая значимость концепта кооперативной переводческой сети обнаруживается в контексте доминирования глокализации (термин Х. Рискю, см.: [Risku, 2009, S. 26]), проявляющейся в тенденции к стиранию границ между филиалами переводческих компаний, возникшей вследствие глобализации и виртуализации межкультурной коммуникации, и стремлении к повышению культуры речи при оформлении текста на целевом языке, а также к адаптации текста-транслата в соответствии с локальными социокультурными особенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Митягина В. А., 2017. Социопрагматическое измерение транслатологической парадигмы: коммуникативное действие в переводе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.3>.
- Прунч Э., 2015. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М. : Р. Валент. 512 с.
- Серебрякова С. В., Милостивая А. И., 2017. Семантическая эмерджентность как переводческая проблема // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.5>.
- Chesterman A., 2006. Questions in the Sociology of Translation // Translation Studies at the Interface

- of Disciplines / ed. by J. F. Duarte, A. A. Rosa, T. Seruya. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. P. 9–27.
- Clark A., 2003. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. New York : Oxford University Press. 229p.
- Clark A., Chalmers D., 1998. The Extended Mind // *Analysis*. Vol. 58, № 1. P. 7–19.
- Hatim B., Mason I., 1997. The Translator as Communicator. London ; New York : Routledge. 217p.
- Holz-Mänttari J., 1984. Translatorisches Handeln. Theorie und Methode. Helsinki : Suomalainen Tiedeakat. 193 S.
- Huebner B., 2013. Socially Embedded Cognition // *Cognitive System Research*. Vol. 25–26. P. 13–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cogsys.2013.03.006>.
- Hutchins E., 1995. How a Cockpit Remembers its Speeds // *Cognitive Science*. Vol. 19, № 3. P. 265–288.
- Kade O., 1968. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. Leipzig : VEB Enzyklopadie. 128 S.
- Koller W., 1979. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg : Quelle & Meyer. 290 S.
- Reiß K., Vermeer H. J., 1984. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen : Niemeyer. 253 S.
- Risku H., 2006. Cooperation and Quality Assurance in Technical Translation Projects // *Language at Work – Bridging Theory and Practice*. № 1. P. 15–19. DOI: <https://doi.org/10.7146/law.v1i1.6234>.
- Risku H., 2009. Translationsmanagement: Interkulturelle Fachkommunikation im Informationszeitalter / H. Risku. Tübingen : Gunter Narr Verlag. 276 S.
- Risku H., 2010. A Cognitive Scientific View on Technical Communication and Translation: Do Embodiment and Situatedness Really Make a Difference? // *Target*. Vol. 22, № 1. P. 94–111. DOI: [doi 10.1075/target.22.1.06ris](https://doi.org/10.1075/target.22.1.06ris).
- Risku H., 2020. Cognitive Approaches to Translation // *The Concise Encyclopedia of Applied Linguistics* / ed. by C. Chapelle. Hoboken : Wiley-Blackwell. P. 192–203. DOI: [10.1002/9781405198431.wbeal0145.pub2](https://doi.org/10.1002/9781405198431.wbeal0145.pub2).
- Risku H., Milosevic J., Rogl R., 2019. Changes in the Field of Translation Project Management: Findings of a Longitudinal Ethnographic Study. Working Paper. Wien : Soziotrans. URL: https://socotrans.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_socotrans/20190613_Working_Paper_Changes_Risku_Milosevic_Rogl.pdf (date of access: 12.08.2020).
- Risku H., Pein-Weber C., Milošević J., 2016. “The Task of the Translator”: Comparing the Views of the Client and the Translator // *International Journal of Communication*. № 10. P. 989–1008.
- Risku H., Pircher R., 2008. Visual Aspects of Intercultural Technical Communication: A Cognitive Scientific and Semiotic Point of View // *Meta: Translators’ Journal*. Vol. 53, № 1. P. 154–166.
- Risku H., Rossmann N., Reichelt A., Zenk L., 2013. Translation in the Network Economy // *Tracks and Treks in Translation Studies. Selected papers from the EST Congress, Leuven 2010* / ed. by C. Way, S. Vandepitte, R. Meylaerts, M. Bartłomiejczyk. Amsterdam : John Benjamins. P. 29–48.
- Wilss W., 1992. Übersetzungsfertigkeit: Annäherungen an einen komplexen Übersetzungspraktischen Begriff. Tübingen : Gunter Narr Verlag. 249 S.
- Windhager F., Zenk L., Risku H., 2010. Netzwerkforschung in der Kognitionswissenschaft – Kognitionswissenschaft als Netzwerkforschung // *Handbuch Netzwerkforschung* / Hrsg. von C. Stegbauer. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften. S. 909–918. DOI: [10.1007/978-3-531-92575-2_81](https://doi.org/10.1007/978-3-531-92575-2_81).

REFERENCES

- Mityagina V.A., 2017. Sotsiopragsmaticheskoe izmerenie translatologicheskoy paradigmy: kommunikativnoe deystvie v perevode [Socio-Pragmatic Measurement of Translatology Paradigm: Communicative Action in Translation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.3>.
- Prunč E., 2015. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy* [The Evolution of Translation Studies. From the Asymmetries of Languages to the Asymmetries of Power]. Moscow, R. Valent Publ. 512 p.
- Serebryakova S.V., Milostivaya A.I., 2017. Semanticheskaya emerdzhentnost kak perevodcheskaya problema [Semantic Emergence as a Translation Problem]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.5>.
- Chesterman A., 2006. Questions in the Sociology of Translation. Duarte J.F., Rosa A.A.,

- Seruya T., eds. *Translation Studies at the Interface of Disciplines*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 9-27.
- Clark A., 2003. *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. New York, Oxford University Press. 229 p.
- Clark A., Calmers D., 1998. The Extended Mind. *Analysis*, vol. 58, no. 1, pp. 7-19.
- Hatim B., Mason I., 1997. *The Translator as Communicator*. London, New York, Routledge. 217 p.
- Holz-Mänttari J., 1984. *Translatorisches Handeln. Theorie und Methode*. Helsinki, Suomalainen Tiedeakat. 193 p.
- Huebner B., 2013. Socially Embedded Cognition. *Cognitive System Research*, vol. 25–26, pp. 13-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cogsys.2013.03.006>.
- Hutchins E., 1995. How a Cockpit Remembers Its Speeds. *Cognitive Science*, vol. 19, no. 3, pp. 265-288.
- Kade O., 1968. *Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung*. Leipzig, VEB Enzyklopadie. 128 p.
- Koller W., 1979. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg, Quelle & Meyer. 290 p.
- Reiß K., Vermeer H.J., 1984. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen, Niemeyer. 253 p.
- Risku H., 2006. Cooperation and Quality Assurance in Technical Translation Projects. *Language at Work – Bridging Theory and Practice*, no. 1, pp. 15-19. DOI: <https://doi.org/10.7146/law.v1i1.6234>.
- Risku H., 2009. *Translationsmanagement: Interkulturelle Fachkommunikation im Informationszeitalter*. Tübingen, Gunter Narr Verlag. 276 p.
- Risku H., 2010. A Cognitive Scientific View on Technical Communication and Translation: Do embodiment and Situatedness Really Make a Difference? *Target*, vol. 22, no. 1, pp. 94-111. DOI: 10.1075/target.22.1.06ris.
- Risku H., 2020. Cognitive Approaches to Translation. Chapelle C., ed. *The Concise Encyclopedia of Applied Linguistics*. Hoboken, Wiley-Blackwell, pp. 192-203. DOI: 10.1002/9781405198431.wbeal0145.pub2.
- Risku H., Milosevic J., Rogl R., 2019. *Changes in the Field of Translation Project Management: Findings of a Longitudinal Ethnographic Study. Working Paper*. Wien, Soziotrans. URL: https://socotrans.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_socotrans/20190613_Working_Paper_Changes_Risku_Milosevic_Rogl.pdf (accessed 12 September 2020).
- Risku H., Pein-Weber C., Milošević J., 2016. “The Task of the Translator”: Comparing the Views of the Client and the Translator. *International Journal of Communication*, no. 10, pp. 989-1008.
- Risku H., Pircher R., 2008. Visual Aspects of Intercultural Technical Communication: A Cognitive Scientific and Semiotic Point of View. *Meta: Translators’ Journal*, vol. 53, no. 1, pp. 154-166.
- Risku H., Rossmann N., Reichelt A., Zenk L., 2013. Translation in the Network Economy. Way C., Vandepitte S., Meylaerts R., Bartłomiejczyk M., eds. *Tracks and Treks in Translation Studies. Selected Papers from the EST Congress, Leuven 2010*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 29-48.
- Wilss W., 1992. *Übersetzungsfertigkeit: Annäherungen an einen komplexen Übersetzungspraktischen Begriff*. Tübingen, Gunter Narr Verlag. 249 p.
- Windhager F., Zenk L., Risku H., 2010. Netzwerkforschung in der Kognitionswissenschaft – Kognitionswissenschaft als Netzwerkforschung. Stegbauer C., ed. *Handbuch Netzwerkforschung*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 909-918. DOI: 10.1007/978-3-531-92575-2_81.

Information About the Authors

Svetlana V. Serebriakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Translation, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russia, sserebriakova@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

Alexandra I. Milostivaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russia, amilostivaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>

Информация об авторах

Светлана Васильевна Серебрякова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Россия, sserebriakova@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

Александра Ивановна Милостивая, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Россия, amilostivaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.3>

UDC 81'25:070.432
LBC 81.18

Submitted: 09.11.2020
Accepted: 30.03.2021

TRANSLATION OF ANALYTICAL ARTICLES FOR MASS MEDIA: PRAGMATICS OF DISCOURSES¹

Vera A. Mityagina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Yuliya V. Chemeteva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper examines the features of analytical articles in the mass media, which appear due to the interaction of different discourses that form a specific genre of media analytics. Using the material of original analytical articles written in English and German, and their published translations, the authors investigate manifestations of such characteristics as hybridity, diffuseness, intertextuality, as well as translation problems that arise during translation. Based on the analysis of scientific works on the issues of genre hybridity and diffuseness in media discourse, the authors clarify the ambiguous interpretation of the concept of diffuseness and define its boundaries with the concept of hybridity. The research also reveals the following forms of intertextuality caused by the interaction of discourses within the genre of analytical article on legal issues: reference to another text in the form of a hyperlink, citation, allusion. The analysis of fragments from analytical articles of media discourse containing manifestations of hybridity, diffuseness, and intertextuality demonstrates that a translator who is dealing with a text with these characteristics should excellently know the terminology of the basic and projective discourse in the original and target language, be aware of the neologization processes in both discourses, master stylistic transformations, and take into account the pragmatic factors caused by the interaction of the discourses.

Key words: media discourse, media analytics, translation, pragmatics, hybridity, diffuseness, intertextuality.

Citation. Mityagina V.A., Chemeteva Yu.V. Translation of Analytical Articles for Mass Media: Pragmatics of Discourses. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 29-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.3>

УДК 81'25:070.432
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 09.11.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ПЕРЕВОД АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ ДЛЯ МАССМЕДИА: ПРАГМАТИКА ДИСКУРСОВ¹

Вера Александровна Митягина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Юлия Владимировна Чеметева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В работе рассматриваются особенности аналитических статей в медийном дискурсе, обусловленные взаимодействием разных дискурсов, образующих конкретный жанр медийной аналитики. На материале оригинальных англоязычных и немецкоязычных статей и их опубликованных переводов исследуется проявление таких характеристик этих текстов, как гибридность, диффузность, интертекстуальность. Описаны переводческие проблемы, возникающие в ходе передачи языковых средств, выражающих данные характеристики.

На основе анализа научных работ по вопросам жанровой гибридности и диффузности в медийном дискурсе авторами уточняется неоднозначная до настоящего времени трактовка понятия диффузности, определяются его границы и признаки, отличающие его от понятия гибридности. Выявлены формы интертекстуальности, обусловленные взаимодействием дискурсов в рамках жанра аналитической статьи по юриспруденции: отсылка к другому тексту, оформленная как гиперссылка, цитирование, аллюзия. Результаты анализа фрагментов из аналитических статей медийного дискурса, в которых проявляются гибридность, диффузность, интертекстуальность, демонстрируют, что переводчику, осуществляющему перевод текста с указанными характеристиками, необходимо на высоком уровне владеть терминологией базового и проективного дискурсов на языке оригинала и языке перевода, быть осведомленным о процессах неологизации в обоих дискурсах, владеть техникой стилистических преобразований и учитывать прагматические факторы, обусловленные взаимодействием дискурсов.

Ключевые слова: медийный дискурс, медийная аналитика, перевод, прагматика, гибридность, диффузность, интертекстуальность.

Цитирование. Митягина В. А., Чеметева Ю. В. Перевод аналитической статьи для массмедиа: прагматика дискурсов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 29–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.3>

Введение

Современные вызовы, с которыми сталкивается общество, носят комплексный характер и требуют принятия взвешенных, решительных мер, что обуславливает растущую роль аналитической составляющей в процессе обработки данных и принятия управленческих решений. Без аналитики в настоящее время невозможно представить управление бизнесом, какой-либо отраслью, государством. Выстраивание стратегии, выбор методов решения задач осуществляется с привлечением аналитических данных, получение которых требует высокой концентрации интеллекта. Немаловажной является способность каждого гражданина, не вовлеченного в аналитическую деятельность высокого уровня, мыслить аналитически, осознавать процессы, протекающие в организации, где он работает, государстве, гражданином которого является. На развитие интеллектуального потенциала населения оказывает влияние потребляемая им информация, значительную часть которой граждане получают из аналитических текстов медийного дискурса, в котором затрагиваются вопросы юриспруденции, политики, экономики, экологии и т. д. По мнению В.Б. Исакова, такие тексты способствуют развитию аналитического мышления населения, влияют на общественное сознание, представления граждан о протекающих в государстве процессах, а также на формирование их гражданской позиции при участии в отправлении демократии [Исаков, 2018, с. 117].

Уступая информационным жанрам в простоте изложения материала, аналитические жанры, тем не менее, в целом соответствуют параметрам, задаваемым медийным дискурсом, и поддерживают новые форматы, адаптируясь к актуальным тенденциям. Сложность восприятия текста в жанрах медийной аналитики обуславливается фокусом на предметности, которая определяется принадлежностью того или иного текста к какому-либо специализированному дискурсу (юридическому, научному, политическому, медицинскому, экономическому и т. д.). Однако ведущая роль медийного дискурса как базового, универсального в рамках жанров медийной аналитики определяет множество их прагматических характеристик. В результате взаимодействия дискурсов актуализируются такие жанровые характеристики, как диффузность, гибридность, интертекстуальность. Однако при переводе аналитических текстов медийного дискурса не всегда учитывается природа данных характеристик, а также прагматические факторы, заложенные в них и обусловленные взаимодействием базового и проективного дискурсов.

Эвристичной является высказанная немецкими исследователями М. Хайнеман и В. Хайнеманом мысль о «дискурсивном знании» (Diskurswissen) [Heinemann M., Heinemann W., 2002, S. 181], которое должно стать основой выбора для текста перевода адекватных структурных и языковых средств, равноценных тем, которые использовал автор. Это знание актуализируется у переводчика в процессе анализа

переводческого заказа, в котором выявляются такие компоненты дискурсивной матрицы, как специфика текста, роли участников, время, место, цели, обстоятельства, стратегии. Анализируя данные компоненты, переводчик составляет переводческое досье для последующей межкультурной медиации, что позволяет активизировать мыслительную деятельность переводчика и способствует оптимизации его коммуникативного действия как культурного транслятора [Новикова, 2017б, с. 93].

Исследуемая проблема заключается в специфике взаимодействия дискурсов в рамках жанра аналитической статьи, обуславливающей проявление гибридности, диффузности, интертекстуальности. Работа нацелена на изучение указанных характеристик в прагматическом аспекте, уточнение границ понятия диффузности и анализ трудностей, возникающих при переводе аналитических публикаций.

Методы и материал

Эмпирическую базу исследования составляет массив из 30 текстов, полученный методом сплошной выборки аналитических статей правовой проблематики за 2014–2020 гг., представленных на официальных сайтах англоязычных и немецкоязычных изданий *The Guardian*, *The Times*, *The Spectator*, *The New York Times*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и др., их переводы на русский язык, представленные на ресурсах *InoPressa*, *ИноСМИ.ru*, а также аналитические материалы онлайн платформы *dekoder.org* и мультимедийного проекта <https://crimea.dekoder.org> на немецком ([dekoder.org: Russland entschlüsseln/https://www.dekoder.org/de](https://www.dekoder.org)) и русском ([dekoder.org: Читая Европу/https://www.dekoder.org/ru](https://www.dekoder.org)) языках.

Исследование проводилось с использованием общенаучных методов индукции, обобщения, анализа, синтеза, описания и специализированных лингвистических методов контекстуального и дискурсивного анализа.

Результаты и обсуждение

Гибридность в медийной аналитике

Жанры медийной аналитики представляют собой продукт взаимодействия базового

(медийного) и проективного (юридического, научного, политического, медицинского, экономического и т. д.) дискурсов, которое определяется такими терминами, как «гибридность», «диффузность». Иногда они используются учеными как взаимозаменяемые. Для более полного описания специфики взаимодействия дискурсов в рамках одного жанра рассмотрим понятие гибридности и диффузности в исследованиях зарубежных и российских лингвистов и переводчиков.

Понятие гибридности известно в рамках теории перевода, однако характеризуется оно по-разному. Некоторые исследователи отождествляют перевод и гибрид. Так, К. Шеффнер и Б. Адаб, полагая, что гибридные тексты являются следствием современной межкультурной коммуникации и образуются в результате контакта разных языков и культур, рассматривают его как результат перевода, содержащий необычные для принимающей культуры элементы [Schäffner, Adab, 2005, p. 169]. И. Зауберга говорит о том, что понятие гибридности выходит далеко за пределы перевода. Автор рассматривает гибридность как неизбежное следствие современной межкультурной коммуникации и полагает, что ее необходимо трактовать как естественный результат преодоления культурных барьеров [Zauberga, 2005, p. 266]. Ш. Саймон, М. Снелл-Хорнби, А. Пим высказывают мнение, что гибридность проявляется в смешении кодов, не обязательно являясь при этом переводом [Simon, 2005; Snell-Hornby, 2005; Pym, 2005]. Феномен гибридного текста, согласно М. Снелл-Хорнби, отражает реальность нашего сегодняшнего мира, который сам по себе является гибридным. Автор связывает природу гибридного текста с глобализацией, способствующей размыванию границ и преодолению географических барьеров [Snell-Hornby, 2005, p. 208]. Упомянутые трактовки так или иначе сводятся к представлению гибридности как наличию элементов чужеродных, неестественных для определенного дискурса.

В рамках исследования понятия гибридности применительно к жанрам значимыми являются работы А.А. Тертычного, в которых показано, что гибридные жанровые формы порождаются сочетанием исходных форм. Ученый отмечает, что «появляются

гибридные жанры, служащие одновременно журналистике и пиару, идет мутация содержания жанровых форм журналистики, расширяется круг применения жанров западной журналистики» [Тертычный, 2013, с. 127]. О процессе «пересмотра» жанровых границ, их раздвижении, появлении новых жанров рассуждает Л.Е. Кройчик [Кройчик, 2014, с. 133]. Согласно Е.Г. Малышевой и Н.А. Гридневу, гибриды представляют собой специфические тексты, жанровая принадлежность которых неоднозначна в силу наличия в них признаков различных жанров [Малышева, Гриднев, 2015, с. 111].

Ученые выделяют в рамках гибридности различные уровни [Кисткина, 2017, с. 60–63; Новикова, 2017а, с. 97], типы [Хотног, 2019, с. 191]. Проблеме гибридности был посвящен Десятый съезд Российского союза германистов, где был рассмотрен широкий круг вопросов, затрагивающих данную категорию (обзор см.: [Быкова, 2013]).

Гибридность аналитической статьи в массмедиа обусловлена взаимодействием реализуемых ею информативной и апеллятивной функций. В этой связи универсальность вывода, который сделал А.Г. Пастухов на немецкоязычном материале: немецкоязычные аналитические тексты ориентированы на трансляцию мнения и представлены как «meinungsbetonte Formen (формы, ориентированные на мнение), Meinungs-Darstellungsformen (мнениеформирующие формы), meinungsorientierte Darstellungsformen (мнениеориентирующие формы), Meinungsstilform (стилевые формы мнения), Meinungsbeiträge (мнениеформирующие статьи), meinungsäußernde/kommentierende Darstellungsformen (мнениекомментирующие формы), kommentierende Stilformen (комментирующие стилиевые формы) [Пастухов, 2020, с. 1111]. В работах С.С. Борисовой установлены персуазивные стратегии в немецкоязычных аналитических медиажанрах и доказано, что «наиболее частотным способом убеждения является рациональный способ информационного доминирования, второе место занимает эмоциональный, и наименее частотный, но также присутствующий в каждом медиатексте ценностный способ информационного доминирования» [Борисова, 2015, с. 114].

Согласно С. Тиркконен-Кондит, развитие новых типов и жанров текстов порождает межкультурная коммуникация, и отдельные стадии этого развития можно охарактеризовать как гибридизацию. Речь идет о тех стадиях, на которых новые типы и жанры текстов еще не вполне утвердились как формы коммуникации в социокультурной среде: в них проявляются языковые особенности, которые ощущаются как чужеродные. Ученый отмечает также, что концепция гибрида полезна в качестве инструмента описания переходных стадий, в рамках которых взаимодействуют и сосуществуют конфликтующие дискурсивные нормы [Tirkkonen-Condit, 2001, p. 264]. На данной переходной стадии, стадии гибрида, согласно логике концепции С. Тиркконен-Кондит, в жанре проявляются различные особенности, характерные для разных дискурсов. Автор обозначает такие особенности как конфликтующие, следовательно, на стадии гибрида, согласно данной концепции, происходит сочетание характеристик, присущих разным дискурсам или жанрам, а не их слияние, в результате которого появляется новая характеристика.

Помимо межкультурной коммуникации, факторами возникновения гибридности выступают развитие современных коммуникативных форм [Митягина, 2015, с. 290], развитие технологий и так называемое клиповое сознание массового реципиента [Градюшко, 2015, с. 156], полидискурсивность [Букеева, 2014, с. 58]. Важнейшую роль в раскрытии потенциала гибридных жанровых форм играют социальные медиа [Градюшко, 2015, с. 157], что делает медийные тексты наиболее актуальным материалом для исследования проблем гибридности. Рассмотрим пример проявления гибридности в жанре аналитической статьи по юриспруденции.

(1) Mr. Trump may very well choose to pardon not just his family and friends before leaving office but also himself in order to avoid federal criminal liability. This historic turn of events would have no effect on his potential criminal exposure at the state level. If Mr. Trump bestows such pardons, states like New York should take up the mantle to see that the rule of law is upheld. And pardons would not preclude the new attorney general challenging a self-pardon or the state calling the pardoned friends and family before the grand jury

to advance its investigation of Mr. Trump after he leaves office (where, if they lied, they would still risk charges of perjury and obstruction).

In short, being president should mean you are more accountable, not less, to the rule of law (Weissmann A.).

Чтобы избежать федеральной уголовной ответственности, Трамп вполне может решить помиловать не только свою семью и друзей перед уходом с должности, но и себя самого, – считает Вайсман. – (...) Если Трамп дарует эти помилования, такие штаты, как Нью-Йорк, должны принять на себя ответственность и обеспечить соблюдение верховенства закона. И помилование не должно помешать новому генеральному прокурору оспорить самопомилование, а штату – вызвать помилованных друзей и родственников предстать перед большим жюри для содействия расследованию в отношении Трампа после того, как он уйдет с поста (где, если они солгут, они все равно рискуют получить обвинения в лжесвидетельстве и препятствовании).

«Короче говоря, быть президентом должно означать, что вы больше, а не меньше подотчетны верховенству закона», – заключает автор публикации (InoPressa).

При большой концентрации юридических терминов и официально-деловой лексики (*federal criminal liability, criminal exposure, rule of law, attorney general, perjury* и т. д.), что обусловлено предметностью текста, фрагмент содержит лексические единицы, чуждые юридическому дискурсу, однако допустимые в медийном дискурсе (*take up the mantle, in short*). В переводе данного фрагмента, представленном на сайте InoPressa, идиома *take up the mantle* передана как «принять на себя ответственность». При переводе метафорический компонент не воспроизводится, и словосочетание обретает стилистическую нейтральность. Передача компонента *in short* разговорным словосочетанием *короче говоря* усиливает в тексте перевода эффект гибридности.

Аналитическое осмысление проблем международного права, в частности, «аннексии» Крыма в 2014 г., осуществляется в медийном формате, например:

(2) Der Völkerrechtsexperte Stefan Talmon sprach 2014 in einem Artikel für die FAZ von einer „Pflicht zum Ärger“ Russlands. Es bedürfe einer aktiven Nichtanerkennung des Status der Krim, um der, nach seiner Einschätzung, widerrechtlichen

Annexion zu begegnen. Andererseits besagt ein humanitärer politischer Grundsatz, dass die Zivilbevölkerung eines annektierten Gebiets nicht zusätzlichem Leid durch internationale Maßnahmen ausgesetzt werden sollte, etwa durch Verhängung von Sanktionen, von denen dieses Territorium betroffen wäre (Die Krim – ist das Völkerrecht...).

Юрист-международник Штефан Талмон в статье 2014 года, опубликованной в немецкой газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, говорил о «моральной обязанности досаждать России» и указывал на необходимость активного непризнания статуса Крыма, считая данный случай незаконной аннексией со стороны России. И все же существует гуманитарный политический принцип, согласно которому гражданское население аннексированных земель не должно испытывать дополнительные страдания в связи с международными действиями, такими как санкции, оказывающие негативное влияние на их территорию (Пригодно ли международное право...).

В аналитическом мультимедийном досье (Das Multimedia-Dossier Archipel Krim // Мультимедийное досье «Архипелаг Крым») приводится цитата из статьи, написанной сразу после событий на Крымском полуострове, поэтому в материале имеет место несдержанность в оценке событий: в тексте используются несвойственные юридической аналитике, даже в ее массмедийном формате, оценочные номинации. Следует отметить, что уже название досье является аллюзией на «Архипелаг Гулаг» – полуостров Крым обозначен как *архипелаг*. Ссылка на статью профессора права Штефана Талмона (Talmon) и перевод ее названия *Pflicht zum Ärger* как *Моральная обязанность досаждать России* отражают митигативное решение переводчика: апелляция Талмона к событиям в Китае (Манчжоу-Го), на Кипре, к коллективному опыту неприятия действия определенного государства эксплицирована в переводе прагматически неверно. Юрист призывает не *досаждать*, а *злить*, *раздражать* Россию. Данное решение переводчика и редактора мультимедийного проекта связано, видимо, со стремлением сохранить аналитическую доминанту статьи с помощью нейтральных лексических средств, не нарушающих сочетаемость ключевых номинаций.

Таким образом, гибридность жанра заключается в задействовании характерных для

сопредельных дискурсов или жанров языковых средств, при котором не происходит их слияния в новую форму. В зависимости от совокупности жанровых и дискурсивных характеристик, а также характера взаимодействия базового и проективного дискурсов, гибридность может проявляться на различных уровнях и с разной степенью интенсивности, что должно учитываться при переводе текста.

Диффузность в медийной аналитике

Как было сказано ранее, феномен гибридности в исследованиях многих лингвистов тесно переплетается с диффузностью. Термин «диффузность» применительно к описанию размытости границ использовался в языковедении В.В. Химиком, Д.Н. Шмелевым, Б.Т. Ганеевым, которые исследовали семантическую размытость границ в рамках концептов. Согласно В.В. Химику, диффузными являются такие единицы плана выражения и плана содержания, которые отличаются «некоторыми нежесткими характеристиками и, в силу этого, неопределенностью, энтропией» [Химик, 2011, с. 717]. Д.Н. Шмелев, рассуждая о диффузности, говорит о размытости границ между значениями и отсутствии необходимости в обозначении границ, так как в большинстве случаев речь идет о новом смысле, который не соответствует в полной мере ни одному из значений в отдельности [Шмелев, 1990]. Б.Т. Ганеев рассматривает диффузность как источник энантиосемии, размытости границ употребления, расплывчатости содержания, его нечеткости [Ганеев, 2003, с. 13].

Применительно к жанрам понятие диффузности используется также в работах О.Ю. Багдасарян и С.А. Ереминой, В.А. Сулимова, С.В. Романовой, Ж.Р. Сладкевич [Багдасарян, Еремина, 2010; Сулимов, 2010; Романова, 2018; Сладкевич, 2016]. Материал медийного дискурса, как одного из наиболее динамично развивающихся, нагляден для представления диффузности жанров. Согласно Е.В. Войтишенюк, диффузность медиажанров представляет собой явление, «в результате которого тексты двух разных жанров объединяются в один и могут образовывать новые жанровые модели» [Войтишенюк, 2014, с. 55]. Это являет собой «совмещение нескольких жанров в одном

тексте» [Войтишенюк, 2015, с. 192]; «процесс взаимодействия жанров, относящихся к разным типам дискурса» [Войтишенюк, 2015, с. 192]. Описывая данное явление, автор говорит о том, что новые (диффузные) модели появляются по мере запросов общества и способствуют обогащению языкового репертуара. Е.В. Войтишенюк, однако, не разграничивает понятия гибридизации и диффузности жанров, используя их как взаимозаменяемые.

В исследовании диффузности Л.И. Шевченко делает акцент на современных аналитических жанрах, отмечая, что аналитический текст «часто контрастирует с информационными вставками, “нарезками”, сюжетами, которые составляют одно коммуникационное поле» [Шевченко, 2014, с. 49–50]. Интернет-пространство выступает фактором, усиливающим диффузность жанра. Л.И. Шевченко говорит об аналитических медиажанрах как открытой системе, коррелирующей со временем и функциями массовой коммуникации, что обуславливает их лабильность, диффузность по структуре и языковым репрезентациям [Шевченко, 2014, с. 49–50]. Явление диффузности жанров в целом расценивается лингвистами как способствующее жанровому взаимообогащению.

Определяя причины диффузности, Л.Г. Флджян считает, что она является «объективным результатом усложняющихся отношений человека с окружающим миром, поскольку отражает изменения, происходящие в сознании человека» [Флджян, 2014]. А.А. Князев, рассуждая о постоянном обновлении жанров в журналистике, говорит о том, что наиболее активно данный процесс происходит в переходные моменты развития общества. Принимая во внимание ситуацию в мире, складывающуюся на фоне пандемии и активно освещаемую в медиатекстах, в том числе аналитических жанров, можно говорить об особой актуальности изучения переходных состояний жанров медийного дискурса, новых жанровых форм, образовавшихся в результате процессов жанровой диффузности. Следует заметить, что А.А. Князев также не разграничивает понятия гибридности и диффузности [Князев, 2002]. Таким образом, в лингвистическом научном дискурсе употребление термина «диффузность» на настоящий момент допускает

неоднозначную трактовку. Проанализированные варианты использования данного термина как в жанровых исследованиях, так и в работах в области семантики высвечивают различные особенности данного феномена, что обуславливает необходимость обобщения результатов исследований в данном направлении и дальнейшей разработки проблемы с целью уточнения характеристик, границ, проявлений диффузности.

Анализ теоретических изысканий лингвистов и переводоведов по исследованию диффузности и гибридности позволяет провести разграничение данных понятий, основанное на определении границ проявления характеристик того или иного дискурса в рамках жанра. Под гибридностью понимается проявление характеристик разных дискурсов в рамках одного жанра, под диффузностью понимается размытость характеристик вследствие взаимодействия разных дискурсов и переплетения их воедино в новой органичной форме. Таким образом, гибридность предполагает наличие характеристик, которые можно соотнести с одним из жанров или дискурсов, образующим гибрид. Диффузность заключается в наличии характеристик, не соотносимых с конкретным дискурсом или жанром, то есть они могут обладать чертами нескольких жанров или дискурсов, представляя собой новые явления. Отметим, что в рамках одного жанра и одного текста может быть выявлена как гибридность, так и диффузность.

Приведем пример, демонстрирующий проявление диффузности в тексте жанра аналитической статьи по юриспруденции.

(3) The Hungarian government, which in the decade since Orbán took over has been accused of rolling back freedoms and democratic norms, has insisted that its measures are purely about fighting the coronavirus, and Orbán's spokesman has dismissed criticism of them as "fake news" (Walker Sh.).

Венгерское правительство (...) настаивает на том, что его меры направлены исключительно на борьбу с коронавирусом, а официальный представитель Орбана отверг критику в адрес этих мер как «фейковые новости» (InoPressa).

В приведенном фрагменте использовано словосочетание *fake news*, представляющее собой неологизм, который вошел в юридический дискурс из медийного и политического

дискурсов, и в настоящее время не представляется возможным четко характеризовать его как элемент одного из названных дискурсов. То же можно сказать и о русскоязычном эквиваленте *фейковые новости*. Перевод не вызывает трудностей, прагматика оригинала соблюдается благодаря использованию эквивалента. Принадлежащее нескольким дискурсам и достаточно частотно употребляющееся словосочетание *фейковые новости* не является пока общеупотребительным, в нем сохраняется принадлежность специальному дискурсу. При его рассмотрении в тексте жанра аналитической статьи по юриспруденции мы не можем определить его как элемент, принадлежащий либо медийному, либо юридическому дискурсу – он принадлежит и тому, и другому, что можно считать результатом диффузности.

(4) Private sector tech firms, accountants and lawyers will be drafted in to help the government combat "high-end money laundering" in an acknowledgement that the state does not have the resources to hunt down crime bosses alone (Shipman T.).

«ИТ-фирмы из частного сектора, бухгалтеров и юристов привлекут к борьбе правительства со «сверхсовременным отмыванием денег»; так признается тот факт, что у государства не хватает ресурсов для охоты на криминальных авторитетов в одиночку», – говорится в статье (InoPressa).

В примере (4) внимание привлекает словосочетание *high-end money laundering* (*сверхсовременное отмывание денег*). Термин *money laundering* имеет юридический статус, как и его русскоязычный эквивалент *отмывание денежных средств*. Понятие возникло в США в 30-х гг. XX в., когда американские преступники легализовывали полученные незаконным путем денежные средства с помощью системы прачечных, по аналогии «отмывали» [Туранин, 2018, с. 117]. Прежде чем словосочетание *отмывание денежных средств* вошло в русскоязычный юридический дискурс и законодательные тексты, оно использовалось в медийном дискурсе. Имея законодательное закрепление, данный термин все же обладает определенным стилистическим «фоном», вероятно, из-за метафорического компонента в его основе. Учитывая историю происхождения и распространения термина, а

также тот факт, что, будучи элементом юридической терминологии, словосочетание еще не утратило некую стилистическую окрашенность, можно сделать вывод о диффузности рассматриваемого компонента. Компонент *high-end* (*сверхсовременный*) из двух взаимодействующих дискурсов характерен для медийного и, таким образом, с точки зрения гибридности дискурсов, может квалифицироваться как компонент, привнесенный медийным дискурсом. Рассмотренный пример демонстрирует реализацию гибридности и диффузности в тексте одной аналитической статьи по юриспруденции.

(5) EU to use Magnitsky-style law to impose sanctions on human rights abusers (Boffey D.).

The Guardian (Великобритания): ЕС введет санкции против нарушителей прав человека, используя юридические нормы типа закона Магнитского (ИноСМИ.RU).

Употребленное в примере (5) словосочетание *Magnitsky-style law* образовано соединением юридического термина *Magnitsky law* и компонента *-style*. Словосочетание изначально использовалось в текстах медийного дискурса, однако оно представлено и в юридическом дискурсе: *Globally the human rights regime is changing and for an increasing number of Western governments, Magnitsky-style laws are a useful tool* (Submission to the Australian...), что позволяет характеризовать *Magnitsky-style law* как элемент, создающий диффузность дискурса. При передаче единицы перевода на русский язык (*юридические нормы типа закона Магнитского* – ИноСМИ.RU) не удалось избежать стилистических потерь, однако с точки зрения содержательной составляющей перевод вполне эксплицирован для реципиента с достаточной для чтения юридической медийной аналитики пресуппозицией.

В переводе диффузность может стать причиной смысловых потерь. Обратим внимание на сложности перевода англоязычного термина *lawfare*, используемого немецким экспертом по международному праву:

(6) Kurz gesagt, „Kosovo“ ist zu einer Chiffre für verschiedene Formen von „lawfare“ – *Kriegsführung mit den Mitteln des Rechts* – geworden.

Der Bezug auf „Kosovo“ steht auch dafür, dass Recht und Politik selten getrennt voneinander betrachtet werden können (*Die Krim – ist das Völkerrecht...*).

Иными словами, Косово стало своего рода кодовым словом для различных форм «правовой войны». Ссылка на Косово означает также тот факт, что политика и право лишь в редких случаях могут рассматриваться отдельно друг от друга (Пригодно ли международное право...).

Термин *lawfare* в исходном тексте дан с разъяснением в постпозиции (*Kriegsführung mit den Mitteln des Rechts*), которое представляет собой свернутую дефиницию для специалистов, знакомых с историей возникновения и узусом данного термина. Его перевод как *правовая война* не совсем корректен: термин образован по аналогии с *warfare* (боевые действия), и буквальный перевод *правовые действия* тоже нельзя считать удачным, потому что *lawfare* – это использование международного права в качестве средства достижения военных целей, то есть фактически *боевые действия под прикрытием международного права*. Мы наблюдаем диффузный, почти «инфекционный» характер переноса компактной терминологической единицы в контент медиаплатформы, и последствия неправомерности «сворачивания» номинации таковы, что могут вызвать сомнения в компетентности эксперта или переводчика у компетентной аудитории данного онлайн-проекта.

Рассмотренные примеры демонстрируют сложность разграничения понятий диффузности и гибридности в рамках изучения жанров, что указывает на перспективу дальнейшей разработки проблемы. Для более полного представления о взаимодействии дискурсов в рамках жанров медийной аналитики следует также рассмотреть свойство интертекстуальности, на проявление которой оказывает влияние взаимодействие базового и проективного дискурсов.

Интертекстуальность в медийной аналитике

Интертекстуальность является основной текстопорождающей и смыслообразующей категорией, отражающей диалогическое взаимодействие текстов в плане содержания и выражения, осуществляемого как на уровне

текстового целого, так и отдельных смысловых и формальных элементов [Безруков, 2015, с. 70]. В медийном дискурсе, как наиболее динамичном, развивающемся, демократичном, формы проявления интертекстуальности практически не ограничены. В юридическом дискурсе в «чистом виде» интертекстуальность проявляется в отсылке к различным нормативным правовым актам, документам, решениям суда, прецедентам, положениям юридической доктрины и т. д.

При взаимодействии юридического дискурса с медийным в рамках жанра аналитической статьи по юриспруденции интертекстуальность приобретает новые формы, при этом ее функциональность главным образом обусловлена прагматическими факторами. Если в тексте юридического дискурса при отсылке на определенные законодательные меры приводятся ссылки на

нормативные правовые акты, фиксирующие данные меры, то при упоминании тех же мер в тексте медийного дискурса ссылки даются на тексты (зачастую также медийного дискурса), в которых описано действие и сущность данных мер. Приведем примеры (рис. 1 и 2).

В тексте оригинала (рис. 1 – Walker Sh.) имеется отсылка *a set of measures introduced on Monday*, оформленная в виде гиперссылки и выделенная цветом и подчеркиванием. При переводе (рис. 2 – InoPressa) полностью сохраняется смысл оригинала, однако графическая составляющая (подчеркивание, цвет текста) теряется, а связь с текстом, на который ссылается оригинал и к которому ведет гиперссылка, разрывается.

Наиболее распространенной формой интертекстуальности в медийной аналитике является цитирование. Приведем пример:

theguardian.com/world/2020/mar/31/coronavirus-is-a-chance-for-authoritarian-leaders-to-tighten-their-grip

Hungary

This article is more than 10 months old

Authoritarian leaders may use Covid-19 crisis to tighten their grip

Hungary's PM insists extreme measures are only to fight the pandemic, others are not so sure

Shaun Walker in Budapest
Tue 31 Mar 2020 17:41 BST

441

▲ Police officers with a woman in Hungary, where Viktor Orbán can now rule by decree indefinitely. Photograph: Tibor Rosta/AP

The coronavirus has already overwhelmed medical services, grounded flights and halted economic growth, but one of its most enduring effects could be to usher in a political age in which soft authoritarians have turned harder, and the surveillance state becomes a way of life even in some democracies.

In Hungary, after [a set of measures introduced on Monday](#), it is now a criminal offence to spread misinformation about coronavirus, and the prime minister, Viktor Orbán, can rule by decree for an indefinite period. In neighbouring Serbia, soldiers patrol the streets as part of the coronavirus response plan. In Moscow, authorities are reportedly mulling measures that would require everyone who wants to go outside to submit the reasons

Рис. 1. Интертекстуальность, выраженная гиперссылкой в тексте аналитической статьи по юриспруденции
Fig. 1. Intertextuality expressed as a hyperlink in the text of an analytical article on legal issues

(7) Ivan Krastev, a Bulgarian political scientist who has written extensively on European political shifts, referred to the Hungarian law as “a kind of authoritarian entrepreneurship”, comparing it to people selling masks and other equipment at inflated prices (Walker Sh.).

Иван Крастев, болгарский политолог, который много писал о европейских политических сдвигах, назвал венгерский закон «своего рода авторитарным предпринимательством», сравнивая его с людьми, продающими маски и другое оборудование по завышенным ценам (InoPressa).

При переводе цитат важнейшим аспектом является смысловая составляющая фразы, и главной переводческой задачей – точность ее передачи. Пример (7) демонстрирует успешное решение данной задачи: *a kind of authoritarian entrepreneurship – своего рода авторитарным предпринимательством*.

Помимо эксплицитных форм интертекстуальности, медийные тексты аналитических жанров могут содержать имплицитные формы. Приведем фрагмент аналитической статьи по юриспруденции, содержащий аллюзию:

(8) Meanwhile, in the UK the government seems more intent on discussing Scotch eggs and preventing the playing of Christmas board games than stopping a Russian takeover of the Arctic (Pike F.).

Между тем в Соединенном Королевстве правительству, по всей видимости, интереснее обсуждать яйца по-шотландски и то, как помешать людям играть в настольные игры в Рождество, нежели меры по предотвращению захвата Арктики Россией (ИноСМИ.RU).

Фраза *discussing Scotch eggs and preventing the playing of Christmas board games* отсылает к дискуссии, возникшей в Великобритании в ответ на ограничения второго уровня, направленные на сдерживание распространения COVID-19 и позволяющие пабам подавать алкоголь только вместе с основным блюдом. Объем понятия «основного блюда» обсуждался на высшем уровне, вызвав возмущение предпринимателей и граждан. В приведенном фрагменте речь идет также об ограничениях, распространяющихся на время рождественских праздников. Правительство обсуждало разумность послабления ограничений и разрешения собираться дома одновременно трем семьям с 23 по 27 декабря с оговоркой, что люди должны помнить о вероятности заражения коронавирусом.

В тексте оригинала аллюзия в силу резонансного характера темы распознаваема для потенциального реципиента, чем обусловлено отсутствие ссылки на текст, освещающий прецедент. Однако для русскоязычной аудитории интерпретация аллюзии сопряжена

Рис. 2. Реализация интертекстуального элемента в переводе текста аналитической статьи по юриспруденции
 Fig. 2. Intertextual element in the translated text of an analytical article on legal issues

с трудностями. Отсутствие экспликации значения лексической единицы в тексте перевода объясняется стилистическими причинами, однако возможности медийного дискурса позволяют дать пояснение для интересующегося реципиента путем добавления в текст гиперссылки на другой текст, более подробно освещающий затронутую в аллюзии тему – и эта прагматическая задача перевода была бы успешно решена.

Приведенные примеры демонстрируют различные проявления интертекстуальности в жанре аналитической статьи по юриспруденции. При переводе рассмотренных фрагментов решающим фактором выступает прагматика дискурсов, обуславливающая проявление данной характеристики.

Выводы

Жанры медийной аналитики представляют собой продукт взаимодействия базового (медийного) и проективных (юридического, научного, политического, медицинского, экономического и т. д.) дискурсов. Медийный дискурс «форматирует» основные прагматические характеристики в рамках жанра и адаптирует к нему параметры проективных дискурсов. Перевод таких текстов, в частности, текстов аналитических массмедийных статей по юриспруденции, сопряжен с необходимостью учитывать гибридность, диффузность и интертекстуальность этого жанра.

Данные характеристики актуализируют такие компетенции переводчика, как знание терминологии базового и проективного дискурсов на языке оригинала и языке перевода, осведомленность в номинативных процессах, прежде всего, дискурсивно детерминированной неологизации в пространствах заданных языков. Наряду с этим востребованными становятся умения переводчика проводить стилистические преобразования, с помощью которых возможно преодолеть различия тональностей дискурсов. В целом тексты медийной аналитики представляют собой один из самых сложных объектов перевода, поскольку дискурсивная и жанровая комбинаторика требует от переводчика максимально высокого уровня компетентности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90026 «Юридическая аналитика в пространстве медийного дискурса».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-312-90026 “Legal analytics in the media discourse space”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багдасарян О. Ю., Еремина С. А., 2010. «Игра в классики»: современная культурная ситуация // Филологический класс. № 24. С. 42–43.
- Безруков А. Н., 2015. Рецепция художественного текста: функциональный подход. Вроцлав : Русско-польский институт. 300 с.
- Борисова С. С., 2015. Реализация персуазивных стратегий в аналитическом жанре «передовая статья» (Leitartikel) как ресурс информационного доминирования // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. № 1 (25). С. 102–114.
- Букеева М. Е., 2014. Гибридность и ее проявления в немецкоязычном презентационном дискурсе (на примере информационно-рекламных материалов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4-2 (34). С. 58–62.
- Быкова О. И., 2013. Десятый съезд российского союза германистов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 235–237.
- Войтищенко Е. В., 2014. Особенности структурной организации диффузной жанровой модели «очерк-рекомендация» (на материале англоязычной и белорусскоязычной прессы) // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. № 1 (82). С. 54–58.
- Войтищенко Е. В., 2015. Особенности структуры диффузного жанра «телеблог» в белорусскоязычном медийном дискурсе // Беларусь в современном мире : материалы VIII Международ. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Гомель, 5 мая 2015 г. / под общ. ред. В. В. Кириенко. Гомель : Изд-во ГГТУ им. П. О. Сухого. С. 191–194.
- Ганеев Б. Т., 2003. Первоначальная энантиосемия и диффузность в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. № 4. С. 9–14.
- Градюшко А. А., 2015. Гибридные жанровые формы в современной интернет-журналистике // Век информации. № 3. С. 156–158.

- Исаков В. Б., 2018. Право на аналитику // Гражданин. Выборы. Власть. № 4. С. 116–135.
- Кисткина Ю. М., 2017. Гибридность в романе Нила Геймана «Американские боги» и его переводе на русский язык // Лингвокультурология : ежегод. сб. науч. тр. Екатеринбург. Вып. 11. С. 58–78.
- Князев А. А., 2002. Аналитическая журналистика // Энциклопедический словарь СМИ. URL: <http://ponjatija.ru/node/14654> (дата обращения: 17.12.2020).
- Кройчик Л. Е., 2014. Принципы публицистического творчества // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. № 5. С. 130–144.
- Малышева Е. Г., Гриднев Н. А., 2015. Специфика гибридных жанров в журналистике (на материале публицистических текстов омского журналиста С.Н. Шкаева) // Коммуникативные исследования. № 4 (6). С. 111–122.
- Митягина В. А., 2015. Гибридность дискурса как фактор развития коммуникации // Научное наследие академика В.И. Борковского и современная русская словесность : материалы Междунар. науч. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 290–296.
- Новикова Т. Б., 2017а. Гибридный массмедийный дискурс как переводческая проблема // Homo Loquens : (Вопросы лингвистики и транслятологии) : сб. ст. / отв. ред. В.А. Митягина [и др.]. Волгоград : Изд-во ВолГУ. Вып. 10. С. 95–102.
- Новикова Э. Ю., 2017б. Дискурсивная личность переводчика: переводческие компетенции и ролевой портрет // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 90–102. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.9>.
- Пастухов А. Г., 2020. Медиажанры и композиционно-речевые формы журналистики: связи и отношения // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 22, № 4. С. 1107–1115. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115>.
- Романова С. В., 2018. Жанровые тенденции в русскоязычной прозе Беларуси конца XX – начала XXI веков // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Литературоведение. № 10. С. 20–24.
- Сладкевич Ж. Р., 2016. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000–2015 гг.) // Политическая наука. № 3 (2). С. 168–193.
- Сулимов В. А., 2010. Персона как фантом: литературный текст и Кризис идентичности // Вестник МАН РС. № 1. С. 53–58.
- Тертычный А. А., 2013. Форматирование жанров в периодических печатных средствах массовой информации в России // Российский гуманитарный журнал. Т. 2, № 2. С. 117–130.
- Турагин В. Ю., 2018. Феномен юридической терминологии / под ред. Н. А. Власенко. М. : Юрлитинформ. 184 с.
- Флджян Л. Г., 2014. О жанровых особенностях англоязычного виртуального газетного дискурса // Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры Хэйлунцзянского университета. URL: http://rlls.hlju.edu.cn/eyu_ru/content_view.asp?id=1567 (дата обращения: 17.12.2020).
- Химик В. В., 2011. Диффузное варьирование слов, значений и формантов в русской разговорно-обиходной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. С. 717–720.
- Хотног А. В., 2019. Природа гибридного дискурса (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8. С. 190–194.
- Шевченко Л. И., 2014. Аналитические медиажанры в пространстве времени и языка // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа : сб. ст. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. унта : Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций». С. 48–51.
- Шмелев Д. Н., 1990. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 10.12.2020).
- Heinemann M., Heinemann W., 2002. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs. Tübingen : Niemeyer. 294 S.
- Pym A., 2005. Against Praise of Hybridity // Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies. Vol. 2 (2). P. 195–206.
- Schäffner Ch., Adab B., 2005. The Idea of the Hybrid Text in Translation: Contact as Conflict // Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies. Vol. 2 (2). P. 167–180.
- Simon Sh., 2005. Cultural and Textual Hybridity // Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies. Vol. 2 (2). P. 217–226.
- Snell-Hornby M., 2005. The Space ‘In Between’: What Is a Hybrid Text? // Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for

- Translation and Interpreting Studies. Vol. 2 (2). P. 207–216.
- Tirkkonen-Condit S., 2001. EU Project Proposals as Hybrid Texts: Observations From a Finnish Research Project // Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies. Vol. 2 (2). P. 261–264.
- Zauberga I., 2005. Discourse Interference in Translation // Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies. Vol. 2 (2). P. 265–276.
- ИСТОЧНИКИ**
- ИноСМИ.RU. URL: <https://inosmi.ru> (дата обращения: 19.12.2020).
- Пригодно ли международное право...* – Пригодно ли международное право для решения крымского вопроса? / кол. авт.: К. Бусол, С. Виттке, М. Исаева. URL: <https://crimea.dekoder.org/mezhdunarodnoe-pravo> (дата обращения: 25.12.2020).
- Archipel Krim: Überblick. URL: <https://crimea.dekoder.org/archipel> (date of access: 25.12.2020).
- Boffey D. EU to Use Magnitsky-Style Law to Impose Sanctions on Human Rights Abusers // The Guardian. 2020. Nov. 27. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/27/eu-to-use-magnitsky-style-law-to-impose-sanctions-on-human-rights-abusers> (date of access: 19.12.2020).
- dekoder.org: Читая Европу// <https://www.dekoder.org/ru> (дата обращения: 25.12.2020).
- dekoder.org: Russland entschlüsseln//<https://www.dekoder.org/de> (date of access: 25.12.2020).
- Die Krim – ist das Völkerrecht...* – Die Krim – ist das Völkerrecht fit genug? / K. von Busol, M. Issaeva, C. Wittke. URL: <https://crimea.dekoder.org/recht> (date of access: 25.12.2020).
- InoPressa. URL: <https://www.inopressa.ru/> (date of access: 20.12.2020).
- Pike F. Cold War: Russia's Bid to Control the Arctic // The Spectator. 2020. December 12. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/cold-war-russias-bid-to-control-the-arctic#:~:text=The%20jingoistic%20Chilingarov%20proclaimed%3A%20'Our,the%20country's%20power%20and%20influence> (date of access: 19.12.2020).
- Shipman T. No 10 Recruits Tech Firms in War Against Organised Crime // The Times, 2018, October 28. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/no-10-recruits-tech-firms-in-war-against-organised-crime-kcb60r592> (date of access: 10.12.2020).
- Submission to the Australian Parliamentary Joint Standing Committee on Foreign Affairs, Defence and Trade. 2020, February 17. URL: <https://www.hrw.org/news/2020/02/17/submission-australian-parliamentary-joint-standing-committee-foreign-affairs> (date of access: 10.12.2020).
- Talmon S. Pflicht zum Ärgern // https://www.jura.uni-bonn.de/fileadmin/Fachbereich_Rechtswissenschaft/Einrichtungen/Institute/Voelkerrecht/Dokumente_fuer_Webseite/FAZ_3.4.2014_S.8_Pflicht_zum_AErgern.pdf (date of access: 26.12.2020).
- Walker Sh. Authoritarian Leaders May Use Covid-19 Crisis to Tighten Their Grip // The Guardian. 2020, 31 Mar. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/31/coronavirus-is-a-chance-for-authoritarian-leaders-to-tighten-their-grip> (date of access: 10.12.2020).
- Weissmann A. Should Trump Be Prosecuted? // The New York Times. 2020. Nov. 24. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/24/opinion/trump-prosecution.html> (date of access: 12.12.2020).
- REFERENCES**
- Bagdasaryan O.Yu., Eremina S.A., 2010. «Igra v klassiki»: sovremennaya kulturnaya situatsiya [“Game in Classics (Hopscotch)”: A Modern Cultural Situation]. *Filologicheskij klass* [Philological Class], no. 24, pp. 42–43.
- Bezrukov A.N., 2015. *Retseptsiya khudozhestvennogo teksta: funktsionalnyy podkhod* [The Reception of Literary Text: Functional Approach]. Vroslav, Russko-polskij institut. 300 p.
- Borisova S.S., 2015. Realizacija persuzivnyh strategij v analiticheskom zhanre «peredovaja statja» (Leitartikel) kak resurs informacionnogo dominirovanija [Implementation of Persuasive Strategies in Analytical Genre of Editorial as Resource of Information Dominance]. *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Serija: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija*, no. 1 (25), pp. 102–114.
- Bukeeva M.E., 2014. Gibridnost i ee proyavleniya v nemetskoyazychnom prezentatsionnom diskurse (na primere informatsionno-reklamnykh materialov) [Hybridity and Its Manifestations in the German Language Presentation Discourse (By the Example of Information and Advertising Materials)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 4-2 (34), pp. 58–62.

- Bykova O.I., 2013. Desyatyy syezd rossiyskogo soyuza germanistov [10th Convention of the Russian Union of German Studies]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 235-237.
- Voytishenyuk E.V., 2014. Osobennosti strukturnoy organizatsii diffuznoy zhanrovoy modeli «ocherk-rekomendatsiya» (na materiale angloyazychnoy i belorusskoyazychnoy pressy) [Features of the Structural Organization of the Diffuse Genre Model “Essay-Recommendation” (Based on the English and Belarusian-Press)]. *Izvestiya Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny* [Francisk Scorina Gomel State University Proceedings], no. 1 (82), pp. 54-58.
- Voytishenyuk E.V., 2015. Osobennosti struktury diffuznogo zhanra «teblog» v belorusskoyazychnom mediynom diskurse [Features of the Structure of the Diffuse Genre “Teleblog” in the Belarusian-Language Media Discourse]. Kirienko V.V., ed. *Belarus v sovremennom mire: materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Gomel, 5 maya 2015 g.* [Belarus in the Modern World. Proceedings of the 8th International Scientific Conference of Students, Postgraduate Students and Young Scientists, Gomel, May 5, 2015]. Gomel, Izd-vo GGTU im. P.O. Sukhogo, pp. 191-194.
- Ganeev B.T., 2003. Pervonachalnaya enantiosemiya i diffuznost v yazyke [Primary Enantiosemy and Diffuseness in a Language]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], no. 4, pp. 9-14.
- Gradyushko A.A., 2015. Gibridnye zhanrovye formy v sovremennoy internet-zhurnalistike [Hybrid Genre Forms in Modern Online Journalism]. *Vek informatsii* [Information Age], no. 3, pp. 156-158.
- Isakov V.B., 2018. Pravo na analitiku [The Right to of Analytics]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast* [Citizen. Elections. Authority], no. 4, pp. 116-135.
- Kistkina Yu.M., 2017. Gibridnost v romane Nila Geymana «Amerikanskii bogi» i ego perevode na russkiy yazyk [Hybridity in the Novel “American Gods” by Neil Gaiman and Its Russian Translation]. *Lingvokulturologiya: ezhegod. sb. nauch. tr.* [Linguoculturology. Annual Collection of Scientific Papers]. Yekaterinburg, iss. 11, pp. 58-78.
- Knyazev A.A., 2002. Analiticheskaya zhurnalistika [Analytical Journalism]. *Entsiklopedicheskiy slovar SMI* [Encyclopedic Dictionary of Mass Media]. URL: <http://ponjatija.ru/node/14654> (accessed 17 December 2020).
- Kroychik L.E., 2014. Printsipy publitsisticheskogo tvorchestva [The Principles of Publicistic Writing]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika*, no. 5, pp. 130-144.
- Malysheva E.G., Gridnev N.A., 2015. Spetsifika gibridnykh zhanrov v zhurnalistike (na materiale publitsisticheskikh tekstov omskogo zhurnalista S.N. Shkaeva) [Specifics of Hybrid Genres in Journalism (On the Basis of Journalistic Texts of Omsk Journalist Shkaev S.N.)]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], no. 4(6), pp. 111-122.
- Mityagina V.A., 2015. Gibridnost diskursa kak faktor razvitiya kommunikatsii [Discourse Hybridity as a Factor of Communication Development]. *Nauchnoe nasledie akademika V.I. Borkovskogo i sovremennaya russkaya slovesnost: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Scientific Heritage of Academician V.I. Borkovsky and Modern Russian Literature. Proceedings of the International Scientific Conference]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 290-296.
- Novikova T.B., 2017a. Gibridnyy massmediynnyy diskurs kak perevodcheskaya problema [Hybrid Mass Media Discourse as the Problem of Translation]. Mityagina V.A. et al., eds. *Homo Loquens: (Voprosy lingvistiki i translyatologii): sb. st.* [Homo Loquens (Issues of Linguistics and Translatology). Collected Articles]. Volgograd, Izd-vo VolGU, iss. 10, pp. 95-102.
- Novikova E.Yu., 2017b. Diskursivnaya lichnost perevodchika: perevodcheskie kompetentsii i rolevoy portret [Discursive Personality of the Translator: Translation Competencies and Role Portrait]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 90-102. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.9>.
- Pastukhov A.G., 2020. Mediazhanry i kompozitsionno-rechevye formy zhurnalistiki: cvyazi i otnosheniya [Media Genres and Compositional Speech Forms of Journalism: Relationships and Connections]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 22, no. 4, pp. 1107-1115. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115>.
- Romanova S.V., 2018. Zhanrovye tendentsii v russkoyazychnoy proze Belarusi kontsa XX – nachala XXI vekov [Genre Tendencies in Russian-Language Prose of Belarus of the Late 20th – Early 21st Centuries]. *Vestnik Polotskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki. Literaturovedenie [Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities], no. 10, pp. 20-24.
- Sladkevich Zh.R., 2016. Organizatsiya semioticheskogo prostranstva novogodnego pozdravleniya prezidenta (na materiale novogodnikh obrashcheniy prezidentov Rossii, Belarusi i Polshi za 2000–2015 gg.) [The Organization of the Semiotic Space of the New Year's President's Greetings (Based on the New Year Messages of the Presidents of Russia, Belarus and Poland in 2000–2015)]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], no. 3 (2), pp. 168-193.
- Sulimov V.A., 2010. Persona kak fantom: literaturnyy tekst i Krizis identichnosti [A Person as a Phantom: The Literary Text and Identity Crisis]. *Vestnik MAN RS* [Herald of the International Academy of Science. Russian Section], no. 1, pp. 53-58.
- Tertychnyy A.A., 2013. Formatirovanie zhanrov v periodicheskikh pechatnykh sredstvakh massovoy informatsii v Rossii [Genre Formatting in Periodic Printed Media of Russia]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], vol. 2, no. 2, pp. 117-130.
- Turanin V.Yu., Vlasenko N.A., ed., 2018. *Fenomen yuridicheskoy terminologii* [Phenomenon of Legal Terminology]. Moscow, Yurлитinform Publ. 184 p.
- Fldzhyan L.G., 2014. O zhanrovyykh osobennostyakh angloyazychnogo virtualnogo gazetnogo diskursa [On Genre Features of the English-Language Virtual Newspaper Discourse]. *Nauchno-issledovatel'skiy tsentr russkoy filologii i kulury Kheyluntszyanskogo universiteta* [Research Center of Russian Philology and Culture of Heilongjiang University]. URL: http://rlls.hlju.edu.cn/eyu_ru/content_view.asp?id=1567 (accessed 17 December 2020).
- Khimik V.V., 2011. Diffuznoe varyirovanie slov, znacheniy i formantov v russkoy razgovorno-obikhodnoy rechi [Diffuse Variation of Words, Meanings, and Formants in the Russian Colloquial Everyday Speech]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 6, pp. 717-720.
- Khotnog A.V., 2019. Priroda gibridnogo diskursa (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Hybrid Discourse Nature (By the Material of the French Language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 8, pp. 190-194.
- Shevchenko L.I., 2014. Analiticheskie mediazhanry v prostranstve vremeni i yazyka [Analytical Media Genres in Space Time and Language]. *Medialingvistika. Vyp. 3. Rechevye zhanry v massmedia : sb. st.* [Media Linguistics. Issue 3. Speech Genres in Mass Media. Collection of Papers]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: Institut «Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy», pp. 48-51.
- Shmelev D.N., 1990. Polisemiya [Polysemy]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (accessed 10 December 2020).
- Heinemann M., Heinemann W., 2002. *Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs*. Tübingen, Niemeyer. 294 p.
- Pym A., 2005. Against Praise of Hybridity. *Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies*, vol. 2 (2), pp. 195-206.
- Schäffner Ch., Adab B., 2005. The Idea of the Hybrid Text in Translation: Contact as Conflict. *Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies*, vol. 2 (2), pp. 167-180.
- Simon Sh., 2005. Cultural and Textual Hybridity. *Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies*, vol. 2 (2), pp. 217-226.
- Snell-Hornby M., 2005. The Space 'In Between': What is a Hybrid Text? *Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies*, vol. 2 (2), pp. 207-216.
- Tirkkonen-Condit S., 2001. EU Project Proposals as Hybrid Texts: Observations From a Finnish Research Project. *Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies*, vol. 2 (2), pp. 261-264.
- Zauberga I., 2005. Discourse Interference in Translation. *Across Languages and Cultures. A Multidisciplinary Journal for Translation and Interpreting Studies*, vol. 2 (2), pp. 265-276.

SOURCES

- InoSMI.RU. URL: <https://inosmi.ru> (accessed 19 December 2020).
- Busol K., Vittke S., Isayeva M. *Prigodno li mezhdunarodnoye pravo dlya resheniya krymskogo voprosa?* [Is International Law Suitable for the Settlement of the Crimean Dispute?]. URL: <https://crimea.dekoder.org/mezhdunarodnoe-pravo> (accessed 25 December 2020).

- Archipel Krim: Überblick.* URL: <https://crimea.dekoder.org/archipel> (accessed 25 December 2020).
- Boffey D. EU to Use Magnitsky-Style Law to Impose Sanctions on Human Rights Abusers. *The Guardian*, 2020, November 27. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/27/eu-to-use-magnitsky-style-law-to-impose-sanctions-on-human-rights-abusers> (accessed 19 December 2020).
- dekoder.org: Chitaya Evropu* [dekoder.org: Reading Europe]. URL: <https://www.dekoder.org/ru> (accessed 25 December 2020).
- dekoder.org: Russland entschlüsseln.* URL: <https://www.dekoder.org/de> (accessed 25 December 2020).
- Busol K. von, Issaeva M., Wittke C. *Die Krim – ist das Völkerrecht fit genug?* URL: <https://crimea.dekoder.org/recht> (accessed 25 December 2020).
- InoPressa.* URL: <https://www.inopressa.ru> (accessed 20 December 2020).
- Pike F. Cold War: Russia's Bid to Control the Arctic. *The Spectator*, 2020, December 12. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/cold-war-russias-bid-to-control-the-arctic#:~:text=The%20jingoistic%20Chilingarov%20proclaimed%3A%20'Our,the%20country's%20power%20and%20influence> (accessed 19 December 2020).
- Shipman T. No 10 Recruits Tech Firms in War Against Organised Crime. *The Times*, 2018, October 28. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/no-10-recruits-tech-firms-in-war-against-organised-crime-kcb60r592> (accessed 10 December 2020).
- Submission to the Australian Parliamentary Joint Standing Committee on Foreign Affairs, Defence and Trade*, 2020, February 17. URL: <https://www.hrw.org/news/2020/02/17/submission-australian-parliamentary-joint-standing-committee-foreign-affairs> (accessed 10 December 2020).
- Talmon S. *Pflicht zum Ärger.* URL: https://www.jura.uni-bonn.de/fileadmin/Fachbereich_Rechtswissenschaft/Einrichtungen/Institute/Voelkerrecht/Dokumente_fuer_Webseite/FAZ_3.4.2014_S.8_Pflicht_zum_AErgern.pdf (accessed 26 December 2020).
- Walker Sh. Authoritarian Leaders May Use Covid-19 Crisis to Tighten Their Grip. *The Guardian*, 2020, March 31. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/31/coronavirus-is-a-chance-for-authoritarian-leaders-to-tighten-their-grip> (accessed 10 December 2020).
- Weissmann A. Should Trump Be Prosecuted? *The New York Times*, 2020, November 24. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/24/opinion/trump-prosecution.html> (accessed 12 December 2020).

Information About the Authors

Vera A. Mityagina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mityagina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Yuliya V. Chemeteva, Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, chemeteva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9134-5789>

Информация об авторах

Вера Александровна Митягина, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mityagina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Юлия Владимировна Чеметева, аспирант, ассистент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, chemeteva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9134-5789>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.4>

UDC 81'42:004.738.1
LBC 81.055.51.5

Submitted: 30.01.2021
Accepted: 30.03.2021

LOCALIZATION AND INTERNATIONALIZATION OF TEXTS OF THE MEDIA DISCOURSE

Olga I. Popova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Irina D. Volkova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina Yu. Fadeeva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the original and secondary texts of media discourse aimed at identifying the ways to localize and internationalize the verbal content of news websites. The study has been conducted on the material of news hypertexts in four languages – Russian, English, German and French, posted on the international Internet resource *rt.com*, *Business Insider* news portal, *National Review* newspaper, *RTD Documentary Channel*, *L'Express* journal. The authors substantiate the importance of using the terms ‘*localization*’ and ‘*internationalization*’ in translation studies to name inter-language transformations used in creating news messages, and analyze the definitions of these concepts in the frameworks of linguistics. The analysis shows that in many cases the standard translation model “source text → translation text”, which presupposes a certain level of semantic equivalence, loses its relevance, since the secondary text is a new verbal product. It has been shown that the localized verbal space of the analyzed international media websites is created through the use of the following translation techniques: addition / omission of information in accordance with the pragmatic characteristics of readers, inclusion of culture-specific vocabulary in the secondary text, explication of toponyms and proper names, neutralization of imagery, omission of precision vocabulary, indication of a personal viewpoint of a secondary text’s author, historical reference to allusions. It has also been revealed that internationalization of texts is performed through omission of cultural markers, addition of phrases emphasizing the view on the country “from outside”, explication of toponyms, replacing proper names with generalized lexemes, as well as by indicating the positions of English-speaking countries on topical issues.

Key words: media discourse, localization, internationalization, verbal content, international news website, linguocultural adaptation.

Citation. Popova O.I., Volkova I.D., Fadeeva M. Yu. Localization and Internationalization of Texts of the Media Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 45-54. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.4>

УДК 81'42:004.738.1
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 30.01.2021
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Ольга Ильинична Попова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ирина Дмитриевна Волкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Юрьевна Фадеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа оригинальных и вторичных текстов медийного дискурса, направленного на выявление способов локализации и интернационализации вербального контента новостных сайтов. Материалом исследования избраны гипертексты на русском, английском, немецком и французском языках, размещенные на международном интернет-ресурсе *rt.com* и новостных сайтах «Business Insider», «National Review», «RTD Documentary Channel», «L'Express». Авторами обоснована важность использования терминов «локализация» и «интернационализация» в транслатологии для наименования межъязыковых трансформаций, используемых при создании новостных сообщений, и проведен аналитический обзор определений данных понятий сквозь призму лингвистики. В результате анализа установлено, что во многих случаях стандартная модель перевода «исходный текст → текст перевода», предполагающая определенный уровень семантической эквивалентности, теряет актуальность, поскольку вторичный текст представляет собой новый вербальный продукт. Показано, что локализованное вербальное пространство рассмотренных международных новостных сайтов создается за счет добавления / опущения информации в соответствии с прагматическими характеристиками читателей, включения национально-культурной лексики во вторичный текст, экспликации географических реалий и имен собственных, нейтрализации образности, опущения прецизионной лексики, указания личной позиции автора вторичного текста, указания исторической справки к аллюзиям. Выявлено, что интернационализация текстов осуществляется посредством нейтрализации их культурной маркированности, добавления высказываний, подчеркивающих взгляд на страну «извне», экспликации географических реалий, опущения имен собственных и их замены генерализованной лексикой, а также указания позиций англоязычных стран по рассматриваемой теме.

Ключевые слова: медийный дискурс, локализация, интернационализация, вербальный контент, международный новостной сайт, лингвокультурная адаптация.

Цитирование. Попова О. И., Волкова И. Д., Фадеева М. Ю. Локализация и интернационализация текстов медийного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 45–54. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.4>

Introduction

Synergy of the existential reality of society with the media reality is beyond doubt today. News is becoming the main global media product in high demand around the world. As it circulates from producer to consumer, news content may be subject to internationalization, globalization or localization. Globalization allows the global circulation of meaning and shapes the nature of the discourses that are disseminated in different localities. However, globalization theory has remained predominantly silent about the fundamental role of translation in mediating global information flows, assuming that global texts can automatically be received by audiences and obscuring the crucial intervention of translation in the production of a multiplicity of local versions of global news events [Bielsa, Bassnett, 2016, p. 93]. According to E. Yu. Novikova, informational development of modern society and expansion of instrumental technological capabilities in the practice of translation predetermined the need for translators to possess additional competencies [Novikova, 2017, p. 91].

Widespread internetization has strengthened the position of news agencies as the primary news providers, making them monopolies in the broadcasting segment. A distinctive feature of an international news agency is the ability to bring information to a foreign audience directly, without intermediaries, significantly reducing the risk of distortion of information by local media. Modern news agencies filter news and analytical products online for the audience that requires news stories on specific topics. Such collections differ significantly in the layout of news, their volume and frequency [Madera, 2018].

The need to deal with linguistic diversity in news production and the simultaneous circulation of news in different languages makes translation an important part of news agency work. Translation intervenes from the start in the process of news gathering, and is often the point of departure for international journalists who write about a foreign reality. It entails a considerable amount of transformation of the source text, which results in the significantly different content of a target text.

The purpose of this study is to consider the terms 'localization' and 'internationalization' from a linguistic point of view and to identify the ways to localize or internationalize verbal content of Internet media resources. To achieve this goal, the following tasks have been solved: the importance of using the terms 'localization' and 'internationalization' in translation studies has been substantiated, an analytical review of the existing definitions of these terms has been carried out, a comparative analysis of original and secondary texts of Internet media discourse has been conducted, and the translation techniques ensuring localization and internationalization of media texts for a foreign target audience have been revealed.

Research material and methods

The research material is represented with hypertexts in Russian, English, German and French languages posted on the Internet resource *rt.com*, which is an international multilingual network of information TV channels, as well as by the verbal content of *Business Insider* news portal, *National Review* newspaper, *RTD Documentary Channel*, *L'Express* journal. The genre range of the analyzed materials consists of news reports, journalistic articles, annotations of reports.

The research methodology consists in using the methods of comparative analysis, contextual, interpretive and discourse analysis, analysis of the text structure.

The theoretical and methodological base of this study is made up of the provisions of such academic areas as translation theory [Mityagina, 2014; Pym, 2004; 2010; Sandrini, 2008; etc.], studies of linguistic localization [Achkasov, 2017; Androustopoulos, 2010; Anisimov, Borisova, Konson, 2019; Bernal, 2006], studies of media discourse [Bassnett, 2005; Davier, van Doorslaer, 2018; Dobrosklonskaya, 2015; Kalendr, 2016; Kozhemyakin, 2010; Orengo, 2005].

Results and discussion

Media discourse as a type of discourse produced in the field of mass media communication is inextricably linked with ideology. In the media discourse, information is converted into meanings (knowledge construction),

knowledge is transferred from the institutional level to the popular one, and the fusion of various types of information (for example, political and entertainment, event and advertising) takes place. In this case, as E.A. Kozhemyakin notes, the truth, or significance of the knowledge gained is determined by the linguo-social, sociocultural and, more broadly, by the historical and civilizational contexts [Kozhemyakin, 2010, p. 14].

The term 'internationalization' originating from the sphere of politics and economy traditionally refers to adaptation of national products to international criteria within the framework of development and strengthening of relations between countries. The term has increasingly been used in other areas of knowledge as well. Internationalization of news discourse in this article means the creation of a media product in the context of global trends in accordance with the requirements of the global information market.

According to Russian researcher A.V. Achkasov, the concept of localization means adaptation of a verbal product, including cultural, linguistic, social, economic, political and legal aspects, and therefore it can act as a generic concept for all types of complex verbal modifications [Achkasov, 2017, p. 288]. Since we are talking primarily about the verbal element of information products, localization industry is an important segment of the linguistic services market, and in many contexts this term is increasingly used instead of the traditional concept of translation [Austermühl, Mirwald, 2010, p. 6]. Since 2005, the American consulting company Common Sense Advisory has published annual rankings of the leading language service providers, and as of 2019, the top 5 positions are held by TransPerfect, Lionbridge, LanguageLine Solutions, SDL and RWS [The Slator 2019...]. The sector of localization services provided by these companies is represented by a wide range of directions: Software and App Localization, Website Localization, Multimedia Localization, Training materials / eLearning, Subtitles Localization, Document Localization.

The key role of the verbal component in the general structure of the object of localization and the central place of translation in the localization process determine the active interest of translators in this concept. As P. Sandrini rightly

notes that the theory of translation should integrate the localization industry in order to prevent the emergence of an independent science – the theory of localization, which will compete with translation studies [Sandrini, 2008]. The observed tendency of translation studies to borrow this term is associated with the search for effective ways of ensuring the global Internet polylogue in various communicative genres. Against the background of this reality, the following definitions of localization seem quite logical: a discursive process aimed at changing globally accessible media content [Androutsopoulos, 2010, p. 205], a complex form of pragmatic adaptation [Mityagina, 2014, p. 347], etc. Besides, a number of researchers suggest that the use of the term ‘localization’ for denoting the translation process requires specification of the scope of its use with the adjective *linguistic* – linguistic localization [Anisimov, Borisova, Konson, 2019; Bernal, 2006; Voskoboynik, Gorchakova, 2014].

The study of the phenomenon of linguistic localization on the example of texts of media discourse is of particular interest, since this discourse type is one of the most dynamically developing forms of intercultural communication, taking into account electronic information exchange and computer mediation. In addition, the informing and motivating functions are the backbone ones in the media discourse [Kalendr, 2016, p. 326], and these are also the key functions determining the need to use the strategy of localization as linguistic and cultural adaptation.

L. Davier and L. van Doorslaer emphasize the problem of corpus research of news messages in a multilingual context due to the difficulty of determining the source text, given the large number of world news agencies that post fresh news on their websites [Davier, van Doorslaer, 2018]. As a rule, the objects of analysis in this case are texts that are similar in content, which determines the rarity of news translation in the traditional sense of this process with the reproduction of the original structure of statements in the text. S. Bassnett points to the need of searching for a concept that could designate the process of inter- and intra-lingual text transformations used in creating news messages in a global context [Bassnett, 2005, p. 130]. According to A. Orengo, the global-commercial nature of news dissemination determines the

preference for the concept of localization to name this process [Orengo, 2005, p. 168].

The creation of news messages is often carried out according to the *internationalization + localization* scheme: global news agencies, multilingual news channels and other international media are the source of 90% of foreign news for audiences in various countries, which are subsequently translated and localized [Pym, 2010, p. 126]. In our opinion, any hypertext, including the text of media discourse, is most consistent with the concept of a moving text proposed by E. Pym to denote a dynamic text that is in constant distribution in time and space [Pym, 2004, p. 8].

The Internet resource *rt.com* is promoted as an international multilingual channel, which presents an alternative view of current events. The *InoTV* section of the Russian-language version of this site is one of the few examples of correspondence of the process of creating secondary news texts to the traditional translation model *source text* → *secondary text*. This section includes translated Russian-language versions of original news reports and journalistic articles in various languages. Let’s consider translation techniques that ensure localization of hypertexts into Russian. The headline of one of the newspaper articles about the US elections in the *InoTV* section is represented by the following heading:

Отделить зёрна от плевел: Нацгвардия дополнительно проверит своих солдат на благонадёжность перед инаугурацией (ВІ: отделить зёрна от плевел).

In the original English version of this article posted on one of the world’s leading news portals Business Insider, the headline is as follows:

The National Guard is doing background checks on its own soldiers to shore up security during the inauguration (The National Guard).

As can be seen from the above examples, in the process of translating the headline into Russian, the technique of adding the phraseological unit “отделить зёрна от плевел” with the meaning “to separate the harmful from the useful” was used. This idiom is frequently used in various genres of journalistic and literary discourse in Russia. K.S. Ergaliev et al. point to the fact that headlines of media texts not only express and generalize information, but also

attract attention of potential readers [Ergaliev, Tekzhanov, Asanbaeva, 2014]. Besides, according to Pauline Farris, expert in media content localization, various slang terms, regional phrasings, and sayings make content more interesting and can add personality [A Guide...]. In this regard, the addition of phraseological units to the Russian-language text contributes to its localization for the target audience of Russian speakers.

Explication of toponyms in secondary texts also seems to be an important technique of localization, since these lexical units relate to national and cultural vocabulary and are one of the most difficult to perceive and identify for foreign readers. For example, the journalistic article by a German traveler contains the toponym ‘Upper East Side of Manhattan’:

Back home where I live, on the Upper East Side of Manhattan, they used to have – and maybe they still have – a BLM vigil every evening at 7 p.m. (Russia Has Its Own).

In this case, explication is carried out by adding the name of the country, in which the specified region is located:

Там, где я жил в США, на Верхнем Ист-Сайде Манхэттена, каждый вечер в семь часов проходили – и, возможно, до сих пор проходят – пикеты активистов Black Lives Matter («Русский путь» борьбы).

Let’s turn to consideration of the techniques used in translation of the French texts of the *InoTV* website into Russian. One of the news articles posted on this website is taken from the famous French journal *L’Express* and is headlined as follows: *Sondage: Marine Le Pen et Emmanuel Macron au coude-à-coude au second tour en 2022*. The word for word translation into Russian is the following: *Опрос: Марин Ле Пен и Эмманюэль Макрон – идут ноздря в ноздю во втором туре в 2022 году* (translation from

French by O.P.). In the Russian-language version of the website under study, the vernacular expression “идти ноздря в ноздю”, which came to journalism from equestrian sports and means “side by side, on the same line, on the same level” lost its figurative meaning and acquired a neutral, descriptive character: *L’Express: за Марин Ле Пен собирается проголосовать рекордное число французов*.

Headlines of French media have always been highly imaginative, but for the Russian-speaking audience, the use of vernaculars does not correlate well with such a respectable journal as *L’Express*. Besides, the very fact of confrontation between two well-known political leaders is absent in the secondary text, despite the fact that the original headline contains a hint of some intrigue in the electoral process in the near future. Thus, in this case, localization of the text for the Russian-speaking audience is provided by the neutralization of imagery.

Localization from French into Russian can also be provided through omission of precision vocabulary in the secondary text.

As can be seen from Table 1, the names of the PR agency *CommStrat* in Paris and the weekly journal *L’Opinion* have been omitted in the Russian version, given that they are little known to the general public and can only overload basic information.

The section “Россия” of the website contains news about the events taking place in Russia, and these may be of interest for a foreign reader. In one of the texts localized for French audience, V.V. Putin’s speech at the international economic forum in Davos has been rendered. The President characterizes the European Union as a “partenaire privilégié et naturel”. As Table 2 shows, localization is carried out by including additional information designed to break the ice between our countries and convince partners of their interest in closer ties.

Table 1. Original French-language and localized Russian-language text fragments of the news article “Sondage: Marine Le Pen et Emmanuel Macron au coude-à-coude au second tour en 2022”

Original text	Localized text
Le résultat de ce sondage de second tour, réalisé par Harris Interactive, n’a pas été rendu public, contrairement à celui du 1er tour. Ils ont été commandés par le cabinet CommStrat et le quotidien L’Opinion . Chez Harris Interactive, on refuse de commenter publiquement un sondage non publié (Sondage).	Компания Harris Interactive отказалась прокомментировать отказ от публикации второй части работы. Однако эксперт по соцопросам рассказал французской газете, что небольшой разрыв между двумя кандидатами попадает под допустимую погрешность исследования, которая является важной для второго тура (L’Express).

Table 2. Original Russian-language and localized French-language text fragments of the news article “Вероятность столкнуться с настоящим срывом в мировом развитии: Путин заявил об угрозе начала борьбы всех против всех”

Original text	Localized text
В ходе своего выступления на форуме Путин также заявил, что у России и Европы есть общие фундаментальные вещи, в том числе культура (Путин заявил об угрозе).	Vladimir Poutine a ensuite évoqué les relations entre son pays et l’Union européenne, <i>qu’il considère comme «un partenaire privilégié» et «naturel»</i> avec qui la Russie partage une culture commune (Poutine alerte sur le risque).

The example of localization of French text for Russian audience about the death of the famous journalist Larry King is shown in Table 3. The original text was made up in the genre of a traditional obituary, while the Russian-language one includes the author’s personal position, which is expressed by the vocabulary of a different register – “ужасная, ужасная потеря”, “тонкий, замечательный, нет слов”.

Let us now turn to considering the cases of translating news from Russian into German using the strategy of localization. The German-language version of the RT channel can also be referred to as a localized one. The news article under the headline “Wegen Doping-Skandals: Russland will “Katjuscha” statt verbotener Hymne bei Olympia singen” (original Russian headline is “Матыцин поддержал идею использовать «Катюшу» в качестве гимна на ОИ”) informs readers about the intention of the Russian Olympic Committee to use the folk song Katyusha as the national anthem at the upcoming Olympic Games. The need for an alternative option is explained in the headline – because of the doping scandal, the Russian national teams will play at the World Championships and the Olympic Games under a neutral flag for two years. The requirement also applies to the choice of musical composition. In this case, the localization markers include full name and position of Mr. Matytsin:

Der russische Sportminister Oleg Matytsin hat den Vorschlag der Sportlerkommission der Russischen Olympischen Kommission unterstützt, das Lied “Katjuscha” anstelle der Nationalhymne bei den Olympischen Spielen zu verwenden (Wegen Doping-Skandals).

Short historical reference to the song, which is absent in the original Russian-language text (Матыцин поддержал идею...), also contributes to text localization in the German linguocultural space:

“Katjuscha” war Russlands beliebtestes Lied im Zweiten Weltkrieg und ist weit über die Grenzen des Landes hinaus bekannt (Wegen Doping-Skandals).

Despite the transcribed spelling and the use of quotation marks, indicating precedence, the headline of the composition would hardly be familiar to the modern German-speaking audience of the channel.

The RTD section of the above website contains short descriptions of the reports in two languages – Russian and English with the former one being the source language. In this case, we are talking about the internationalization of content, since in the absence of versions in other languages, English-language texts serve as a global resource for recipients with different levels of English proficiency – native speakers, as well as readers for whom English is a second or foreign language.

Table 3. Original French-language and localized Russian-language text fragments of the news article “Décès du célèbre journaliste américain Larry King”

Original text	Localized text
Décès du célèbre journaliste américain Larry King 23 janv. 2021, 14:11 Larry King arrives en novembre 2017. Larry King, considéré comme l’un des plus grands interviewers, est décédé à l’âge de 87 ans, a fait savoir sa famille. Depuis son départ de CNN, le célèbre journaliste américain présentait deux talk-shows diffusés sur RT America. Les proches de Larry King ont annoncé ce 23 janvier son décès, à l’âge de 87 ans (Décès du célèbre journaliste).	23 января 2021, 16:03 в возрасте 87 лет умер американский телеведущий, автор программ на телеканале RT Ларри Кинг. Об этом сообщила в своём Telegram-канале главный редактор RT Маргарита Симоньян. «А у нас ужасная, ужасная потеря . Ларри Кинг. Главная легенда мирового телевидения, его самое известное имя, самое известное лицо. Тонкий, с блестящим юмором, замечательный . Нет слов», – написала она (Умер Ларри Кинг).

The text fragments given in Table 4 are the original and the internationalized versions of the annotation to the report about helping WWII veterans.

The performed internationalization is evidenced by the use of the phrase “national matter in Russia” in the English subheading, which is absent in the original and emphasizes the view of the country from the outside, as well as specification of the geographical location of the city of Simferopol – “in southern Russia”. In addition, the translator omits the mention of Russian celebrities (Leonid Yakubovich and Nadezhda Babkina), limiting text to the culturally neutral wording “making the dreams of the elderly vets come true”. As can be seen from the above texts, which are characterized by linguistic asymmetry, the quality of the secondary text cannot be assessed from the viewpoint of equivalence, which is traditional for translation theory, and this is quite consistent with E. Prunč’s statement that the creation of a new text based on the original and cultural adaptation of web pages increasingly take for granted areas of translators’ activity today [Prunč, 2015, p. 25].

The similar trend can be observed in the example given in Table 5.

In the internationalized text, the Russian names Veronika Matyushina and Sergey Klochek are replaced by the neutral expression “A Russian couple”.

One more example associated with domestication of the Russian text in the English linguocultural space refers to the translation of the Russian-language article (Еда как угроза) for the global audience. The original text lacks geographical markers, while its English-language version mentions the viewpoints of the United Kingdom and the United States on the main problem of the article:

In the UK, the fight against GMO means the commercial planting of genetically engineered crops is banned (The Peril on Your Plate).

A robust movement against GMO flourishes *in the US*, the world’s leader in the GM production (The Peril on Your Plate).

These are one of the key English-speaking countries in the world and their positions on the discussed topic in the internationalized version may seem relevant to the foreign audience.

Conclusion

Thus, the present research outlines the importance of using the terms ‘localization’ and ‘internationalization’ in translation studies to denote translation techniques used to adapt media verbal content to target audience demands. In the course of the study, we prove the functionality of

Table 4. Original Russian-language and internationalized English-language text fragments of the report annotation “Спасибо за мечту. Кто сегодня помогает ветеранам ВОВ”

Original text	Internationalized version
Спасибо за мечту. Кто сегодня помогает ветеранам ВОВ Жители Симферополя и Нижнего Новгорода создали собственные благотворительные проекты. А Антон Савчук организовал службу бесплатного ремонта квартир, которая быстро обрела популярность в сети. Благодаря этим проектам мечта многих ветеранов уже осуществилась. Кому-то обновили жильё, починили забор или купили уют, а кто-то смог увидеться с ведущими любимой телепередачи – например, с <i>Леонидом Якубовичем и Надеждой Бабкиной</i> (Спасибо за мечту).	How to Thank Heroes Why supporting WWII veterans is a <i>national matter in Russia</i> today Yaroslav from Simferopol, in <i>southern Russia</i> , launched a website where veterans could post their wishes. Anton fundraised for his project to help elderly Russians, particularly single veterans. His team renovates old flats for free, and this will be their tenth repair. The internet embraced the initiative with people in other parts of the country joining Anton’s mission. Many committed people responded to the idea, offering their help in making the dreams of the elderly vets come true (How to Thank Heroes).

Table 5. Original Russian-language and internationalized English-language text fragments of the report annotation “Моя дикая семья”

Original text	Internationalized version
Однако теперь у них есть дом, еда и уход – благодаря руководителям центра, <i>Веронике Матюшиной и её мужу Сергею Клочке</i> , а также другим сотрудникам (Моя дикая семья).	A <i>Russian couple</i> says they’re mum and dad to scores of wild animals they look after in a refuge they’ve built on their farm (My wild family).

the investigated terms in denoting inter-language textual transformations used in the creation of secondary texts of media discourse in online space of multilingual media websites. The analysis shows that in many cases the standard translation model “source text → translation text”, which presupposes a certain level of semantic equivalence, loses its relevance, since the secondary text is often a completely new verbal product. Transformations of individual words and phrases also relate to the context of the terms studied, since they are primarily associated with the global commercial nature of the dissemination of news messages on the Internet, which presupposes taking into account the cultural and geographic characteristics of target audiences in case of localization or leveling these characteristics in case of internationalization.

Besides, comparative analysis of news and reports posted in different languages shows that different viewpoints are updated under the influence of ideological factors. Promotion of a certain position in the translation of news texts indicates the desire to meet the expectations of the recipients, and, consequently, the existence of certain perceptions in relation to another country.

The localized verbal space of the analyzed international media websites is created through the use of the following translation techniques: addition / omission of information in accordance with the pragmatic characteristics of readers, inclusion of culture-specific vocabulary in the secondary text, explication of toponyms and proper names, neutralization of imagery, omission of precision vocabulary, indication of a personal viewpoint of a secondary text’s author, indication of historical reference to allusions.

The internationalized, or English-language, verbal space of the websites is created by omission of cultural markers, addition of phrases emphasizing the view of the country “from the outside”, explication of toponyms, replacing proper names with generalized lexemes, as well as by indicating the positions of English-speaking countries on topical issues.

Thus, international news remain locale-specific in a world whose major trends and influences are increasingly global. Much of the world’s news coverage is arranged according to national boundaries and constructed in terms of national interests.

REFERENCES

- A Guide: Content Localization on Social Media for Global Audiences*. URL: <https://www.addthis.com/academy/a-guide-content-localization-on-social-media-for-global-audiences> (accessed 20 January 2021).
- Achkasov A.V., 2017. Rethinking the Scope of Localization. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 3 (10), pp. 288-297.
- Androutsopoulos J., 2010. Localizing the Global on the Participatory Web. *The Handbook of Language and Globalization*, pp. 203-231.
- Anisimov V.E., Borisova A.S., Konson G.R., 2019. Lingvokulturnaya lokalizatsiya kinozagolovkov [Linguocultural Localization of Movie Titles]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 23, no. 2, pp. 435-459. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459.
- Austermühl F., Mirwald C., 2010. *Images of Translators in Localization Discourse. T21N – Translation in Transition*. Trier, Wissenschaftlicher Verlag Trier. 45 p.
- Bassnett S., 2005. Bringing the News Back Home: Strategies of Acculturation and Foreignisation. *Language and Intercultural Communication*, vol. 5 (2), pp. 120-130. DOI: <https://doi.org/10.1080/14708470508668888>.
- Bernal M., 2006. On the Translation of Video Games. *The Journal of Specialized Translation*, no. 6, pp. 22-36.
- Bielsa E., Bassnett S., 2009. *Translation in Global News*. London, Routledge. 168 p.
- Davier L., Van Doorslaer L., 2018. Translation Without a Source Text: Methodological Issues in News Translation? *Across Languages and Cultures*, vol. 19 (2). DOI: <https://doi.org/10.1556/084.2018.19.2.6>.
- Dobrosklonskaya T.G., 2015. Modelirovanie informatsionnykh protsessov v sovremennom mediaprostranstve [Modeling of Information Processes in Modern Media Space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 4, pp. 3-15.
- Ergaliev K.S., Tekzhanov K.M., Asanbaeva E.B., 2014. Funktsii gazetnogo zagolovka [Newspaper Headline Functions]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 3-2, pp. 35-41.
- Kalendr A.A., 2016. Mediynnyy diskurs kak preobrazovanie informatsii [Media Discourse as Information Reconstruction]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 5 (60), pp. 326-329.
- Kozhemyakin E.A., 2010. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya

- [Mass Communication and Media Discourse: Towards Methodology]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series Humanities], no. 2 (73), iss. 11, pp. 13-21.
- Madera M.G., 2018. Rol' informatsionnykh agentstv v sovremennykh sredstvakh massovoy kommunikatsii [The Role of Information Agencies in Modern Mass Media]. *Diskurs* [Discourse], no. 4 (2), pp. 69-74. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2018-4-2-69-74>.
- Mityagina V.A., 2014. Perevod v formirovanii turistskogo internet-diskursa [Translation in Forming Tourist Internet Discourse]. *Media- i mezhkulturnaya kommunikatsiya v evropeyskom kontekste: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Media and Intercultural Communication in the European Context: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Stavropol, Izd-vo SKFU, pp. 346-348.
- Novikova E.Yu., 2017. Diskursivnaya lichnost perevodchika: perevodcheskie kompetentsii i rolevoy portret [Discursive Personality of the Translator: Translation Competencies and Role Portrait]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 90-102. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.9>.
- Orengo A., 2005. Localising News: Translation and the 'Global-National' Dichotomy. *Language and Intercultural Communication*, vol. 5 (2), pp. 168-187. DOI: <https://doi.org/10.1080/14708470508668892>.
- Prunč E., 2015. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy* [Ways of Development of Western Translation Studies. From Linguistic to Political Asymmetry]. Moscow, R. Valent Publ. 512p.
- Pym A., 2004. *The Moving Text: Localization, Translation, and Distribution*. Amsterdam, Philadelphia (PA), John Benjamins. 223 p.
- Pym A., 2010. *Exploring Translation Theories*. London, Routledge. 186 p.
- Sandrini P., 2008. Localization and Translation. *MuTra Journal*, vol. 2, pp. 167-191.
- The Slator 2019 Language Service Provider Index*. URL: <https://slator.com/data-research/the-slator-2019-language-service-provider-index> (accessed 20 January 2021).
- Voskoboynik G.D., Gorchakova E.Yu., 2014. Mezhyazykovaya lokalizatsiya diskursa brenda: domestikatsiya ili forenizatsiya? [Brand Discourse Transcreation: Domesticising or Foreignising?]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State University], no. 1 (26), pp. 9-14.

SOURCES

Еда как угроза – Eda kak ugroza [Food as Threat]. RTD Documentary Channel. URL: <https://doc.rt.com/filmy/eda-kak-ugroza> (accessed 20 January 2021).

Матыцин поддержал идею – Matytsin podderzhal ideyu ispolzovat «Katyushu» v kachestve gimna na OI [Matytsin Supported the Idea of Using “Katyusha” as the Anthem at the Olympic Games]. URL: <https://russian.rt.com/sport/news/822902-matycin-katyusha-gimn> (accessed 31 January 2021).

Моя дикая семья – Moya dikaya semya [My Wild Family]. RTD Documentary Channel. URL: <https://doc.rt.com/filmy/moya-dikaya-semya> (accessed 20 January 2021).

Путин заявил об угрозе – Veroyatnost stolknutsya s nastoyashchim sryvom v mirovom razviti. *Putin zayavil ob ugroze nachala borby «vsekh protiv vsekh»* [Likelihood of Facing a Real Disruption in World Development: Putin Announced the Threat of the Beginning of the “All Against All” Struggle]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/826394-putin-mir-ugroza-borba> (accessed 27 January 2021).

«Русский путь» борьбы – National Review: russkiy put borby s COVID-19 vpechatlyaet inostrantsev [National Review: The “Russian way” of Fighting COVID-19 Impresses Foreigners]. *InoTV*. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-01-18/National-Review-russkij-put-borbi> (accessed 20 January 2021).

Спасибо за мечту – Spasibo za mechtu. Kto segodnya pomogaet veteranam VOV [Thank You for the Dream. Who is Helping the Veterans of the Great Patriotic War Today]. RTD Documentary Channel. URL: <https://doc.rt.com/filmy/spasibo-za-mechtu> (accessed 20 January 2021).

Умер Ларри Кинг – Umer Larri King [Larry King Died]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/825037-umer-larri-king> (accessed 29 January 2021).

ВІ: отделить зёрна от плевел – ВІ: otdelit zerna ot plevel *Natsgvardiya dopolnitelno proverit svoikh soldat na blagonadezhnost pered inauguratsiyey* [ВІ: Separate the Wheat from the Chaff – The National Guard Is Doing Background Checks on Its Own Soldiers to Shore up Security During the Inauguration].

- InoTV*. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-01-18/BI-otdelit-zyorna-ot-plevel> (accessed 20 January 2021).
- Décès du célèbre journaliste – Décès du célèbre journaliste américain Larry King*. URL: <https://francais.rt.com/international/83092-deces-celebre-journaliste-americain-larry-kingord-stream-2-construction-troncon-situe-eaux-allemandes-terminee> (accessed 29 January 2021).
- How to Thank Heroes – How to Thank Heroes*. *RTD Documentary Channel*. URL: <https://rtd.rt.com/films/how-to-thank-heroes> (accessed 20 January 2021).
- L'Express – L'Express: za Marin Le Pen sobiraetsya progolosovat rekordnoe chislo frantsuzov* [A Record Number of French are Going to Vote for Marine Le Pen]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-01-28/LExpress-za-Marin-Le-Pen> (accessed 28 January 2021).
- My Wild Family*. *RTD Documentary Channel*. URL: <https://rtd.rt.com/films/wild-animal-rehab-is-a-family-business-for-a-russian-couple> (accessed 20 January 2021).
- Poutine alerte sur le risque – Davos: Poutine alerte sur le risque de «rupture» face à l'aggravation des déséquilibres mondiaux*. URL: <https://francais.rt.com/international/83225-davos-poutine-alerte-sur-risque-rupture-face-aggravation-desequilibres-mondiaux> (accessed 27 January 2021).
- Russia Has Its Own – Russia has Its Own (Very Russian) Way of Dealing with COVID*. *National Review*. URL: <https://www.nationalreview.com/2021/01/russia-has-its-own-very-russian-way-of-dealing-with-covid> (accessed 20 January 2021).
- Sondage – Sondage: Marine Le Pen et Emmanuel Macron au coude-à-coude au second tour en 2022*. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/sondage-marine-le-pen-et-emmanuel-macron-au-coude-a-coude-au-second-tour-en-2022_2143639.html (accessed 28 January 2021).
- The National Guard – The National Guard is Doing Background Checks on Its Own Soldiers to Shore up Security During the Inauguration*. *Business Insider*. URL: <https://www.businessinsider.com/national-guard-doing-background-checks-to-weed-out-trump-supporters-2021-1> (accessed 20 January 2021).
- The Peril on Your Plate*. *RTD Documentary Channel*. URL: <https://rtd.rt.com/films/the-peril-on-your-plate> (accessed 20 January 2021).
- Wegen Doping-Skandals – Wegen Doping-Skandals: Russland will “Katjuscha” statt verbotener Hymne bei Olympia singen*. URL: <https://de.rt.com/russland/111934-wegen-doping-skandals-russland-will> (accessed 21 January 2021).

Information About the Authors

Olga I. Popova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, olgapopovavlg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9787-0317>

Irina D. Volkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, romadina-irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-9479>

Marina Yu. Fadeeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, svinkina29@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

Информация об авторах

Ольга Ильинична Попова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, olgapopovavlg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9787-0317>

Ирина Дмитриевна Волкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, romadina-irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-9479>

Марина Юрьевна Фадеева, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, svinkina29@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.5>

UDC 81'25:35.077.535.6
LBC 81.18

Submitted: 14.12.2020
Accepted: 30.03.2021

TRANSLATION GENIUS AND SOCIAL NETWORKS

Innara A. Guseynova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Alexey I. Gorozhanov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Elena S. Kudinova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The paper attempts to consider changes in the translator's activity caused by the turn towards digital transformation in the institutional sphere. The analysis is based on material from German social networks, their content being the subject matter for the modern translator who is a specialist in cross-cultural and cross-lingual communication. The study describes the algorithm for implementing social management at the macrostructural and compositional levels. The emphasis is also placed on the institutional spheres that are most susceptible to digital transformation, which include nutrition and healthy lifestyle, education and many others. Total digital transformation of these institutional spheres is primarily evidenced by an increase in neologisms recorded in electronic databases, and dictionaries with an indication of their contextual use and their further popularization, first of all, in mass media texts. The results of the analysis lead the authors to conclude that training a new generation of interpreters and translators should include mastering the skill of working with big data, different corpora of texts, neologisms marked by or containing the industry component, as well as the need to develop glossary-type dictionaries for branches of knowledge. Considering the controversial content of social networks, the authors of the paper come to the conclusion that it is necessary to develop the code of ethics for the social networks translator.

Key words: institutional communication, cross-cultural communication, cross-lingual communication, translation theory, translation practice, audiovisual content, digital transformation, social management tool.

Citation. Guseynova I.A., Gorozhanov A.I., Kudinova E.S. Translation Genius and Social Networks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 55-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.5>

УДК 81'25:35.077.535.6
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 14.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ГЕНИЙ ПЕРЕВОДЧИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Иннара Алиевна Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Алексей Иванович Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Елена Сергеевна Кудинова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье реализована попытка рассмотреть изменения в деятельности переводчиков, вызванные поворотом к цифровой трансформации институциональной сферы. А.И. Горожановым проведен анализ речевого материала немецких социальных сетей, содержание которых является предметом изучения современного переводчика, специализирующегося на межкультурном и межъязыковом общении. Е.С. Кудиновой описан алгоритм реализации социального управления на макроструктурном и композиционном уровнях. Акцент сделан на институциональных сферах, наиболее подверженных цифровой трансформации (питание и здоровый образ жизни, образование и др.). Установлено, что о тотальной цифровой трансформации этих институциональных сфер свидетельствует увеличение количества неологизмов, зафиксированных в электронных базах данных, словарях с указанием их контекстного использования, и их активная воспроизводимость в текстах средств массовой информации. И.А. Гусейновой обобщены результаты исследования и сделан вывод о том, что подготовка устных и письменных переводчиков нового поколения должна включать работу с большими данными, опираться на разные корпуса текстов, способствовать освоению неологизмов, имеющих отраслевую составляющую; выявлена потребность переводчиков в словарях типа глоссария по отраслям знаний. Учитывая неоднозначное содержание социальных сетей, авторы статьи аргументируют необходимость разработки этического кодекса переводчика социальных сетей.

Ключевые слова: институциональная коммуникация, межкультурная коммуникация, межъязыковая коммуникация, теория перевода, практика перевода, аудиовизуальный контент, цифровая трансформация, инструмент социального управления.

Цитирование. Гусейнова И. А., Горожанов А. И., Кудинова Е. С. Гений переводчика и социальные сети // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 55–64. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.5>

Introduction

Digital transformation has a significant impact on various occupations, which, in terms of translation activities, necessitates the exploration of the following range of questions. First, it is important to determine the impact of the global turn towards digital transformation on experts in cross-cultural and cross-lingual communication. Secondly, we need to clarify the material the modern translator will have to work with under conditions of digital economy. Thirdly, it is necessary to define efficient training of a new generation of translators, ensuring their comfortable work during digital transformation, which primarily implies systematizing labor functions of experts in cross-cultural and cross-lingual communication.

Digital transformation calls for developing interdisciplinary research bases that integrate achievements of STEM and humanities, providing, among other things, a correlation of linguistic and mathematical knowledge [Amelkin, Ivanova, 2011]. A close look at various databases shows their global and ubiquitous Anglo-Americanization, which is naturally due to economic factors: the use of English in computer-mediated communication makes it possible for comprehensive cost saving on the communicative-discourse continuum, from teaching foreign languages in general and higher

education, to creating an institutional environment in which professional interaction is carried out through lingua franca, whose status has been claimed by English for many decades, despite other widely spoken languages, such as Russian, Chinese, Arabic, Spanish, French, German and others. Many foreign scholars also note that 80% of scientific information is published in international databases in English, while the remaining 20% account for the other languages. This applies to different areas of knowledge, including healthcare, etc., compare: *'First, the outcomes are presented of our analysis of the Faculty of Medicine at University of Münster (Germany). Figure 1 shows per year-block the total output of the faculty (including papers in all languages), and the output in English-language journal publications only. The share of the latter is about 80% of the former, which means that 20% of the output consists of non-English language journal publications'* [Leeuwen et al., 2001, p. 338]. The lingua franca status of British and American English is largely observed in social networks, which are dynamic in nature and can absorb resources of different languages to solve communication problems. For this reason, many researchers deem it necessary to single out Internet communication as a separate area of research [Ashnin, 2015; Evtushenko, Pervukhina, 2020; Ibatova, Gromova, 2021; Karasik, 2012].

We consider the scientific point of view of a number of scientists to be very efficient, but we believe it is important to conduct an analysis in a broader vein, which will allow us to see future development of virtual space, to identify possible risks and dangers for sociocultural interaction in the institutional sphere. We see high potential to carry out an analysis based on the material of widely spoken languages, which include both Russian and German. With regard to the Russian language of social networks, works of a plethora of scientists should be noted [Klimanova, Dembovskaya, 2013; Kolesnikov, 2018; Kostomarov, 2019; Ovchinnikova, 2013; Saakyan, 2016]. As for German, the study of changes is carried out mainly in Germany and Austria, which is evidenced by modern publications on the problem [Bedijs, Heyder, 2020; Dittler, Hoyer, 2014], while in Russian German studies, such work is carried out mainly within the framework of youth science – in bachelor's and master's theses. Undoubtedly, achievements of Russian and foreign German studies are presented in Russian scientific series publications [Yazyk i moda, 2017], but their fragmentary presence in the Anglo-American scientific community makes German studies more vulnerable, however, at the same time helps to preserve its best traditions.

In our work, we will focus on interdisciplinary scientific research carried out within the framework of various projects implemented by experts in German language and culture and based on material of German social networks, which is relevant for training experts in cross-cultural and cross-lingual communication.

Results and discussion

Peculiarities of German social networks

It bears reminding that in modern linguistic studies devoted to analysis of empirical facts taken from social networks, attempts are constantly being made to break down the virtual space into genres [Mityagina, Sidorova, 2016; Russkaya germanistika..., 2008]. This systematization is complicated by the hybrid nature of Internet genres, as well as their dynamic development across different platforms. Despite the fact that the main networks are considered to be Facebook, Twitter, WhatsApp, their language varies greatly. This is

primarily due to the fact that all social networks are oriented on a specific target audience, in which certain sociolinguistic parameters prevail – gender, age, social status, gender, etc. The pragmatic aspect has a significant impact on socio-communicative practices, as well as on the macrostructure, or social media content. However, it should be mentioned that anonymization and pseudonymization make it possible for people to be present in various social networks and actively interact with social groups, thereby leveling out all sociolinguistic parameters, including gender, which we interpret, following the majority of scholars, as the sociocultural gender [Gorodnikova, 1999; 2002; Kostarnova, 2020]. It is for this reason that many foreign researchers reflect on the *'postfeminist era'*, which they regard as the historical development of feminism, or, what is more important to us, as part of modern transformations, cf. English: *'A contrasting perspective regards postfeminism as an historical shift within feminism, or as part of its on-going transformation'* [Litosseliti, Gill, Favaro, 2019, p. 4]. Gender transformations will pose new challenges for practicing translators in terms of specificity of particular languages. Eliminating the gender factor in modern texts often leads to the loss of gender identity and, at the same time, to the popularization of gender constructs in other linguocultures, where gender is explicitly represented by the lexical and grammatical means of the language itself – e.g. the gender category in the language system and structures, etc.

The global turn towards digital transformation forced members of various ethnic societies to dramatically reconsider their attitude to objects and world phenomena, which was reflected in discursive and communicative practices in various professional spheres. At the linguistic level, this manifested itself in the widespread distribution in the German-speaking community both in everyday and institutional environment of the concept of *'Lohas'*, which in terms of word formation in German, is an abbreviation and goes back to *'Lifestyle of Health and Sustainability'* [Klosa-Kückelhaus, Schnedermann, 2019, p. 22]. Obviously, such a concept, rooted in the recipient's collective consciousness, will lead to changes in social networks content, which, in turn, will result in an increase in such nouns as *'Veganer / Vegetarier'* –

a vegetarian, a person who consumes plants; 'Frutarier' is a person whose eating habits include fruits, etc. The emergence of a corpus of texts that address a healthy lifestyle will require communication channels for their dissemination – mass media, radio, television, etc. As a result, the translator will have to know the relevant diet programmes, foods recommended for consumption, as well as patterns of generating advertisements and video content. In addition, it should be recalled that these concepts, in accordance with the specificity of German, will give rise to derivatives, for example, 'Teilzeitvegetarier'. In the light of the above, in relation to the translator's profession, the role of glossaries, both mono- and multilingual, will also increase, which will include information about a particular phenomenon that marks a healthy lifestyle. To illustrate our point, let us consider the following example: the concept of 'Superfood', which arose no more than 10 years ago: 'Superfood – Nahrungsmittel, dem besonders viele Vitamine und andere wertvolle Inhaltsstoffe und damit eine besondere gesundheitsfördernde Wirkung zugeschrieben wird' [Klosa-Kückelhaus, Schnedermann, 2019, p. 24]. Such an explanation makes it possible to translate the concept of 'Superfood', and further popularization of this good without adequate representation in advertising or medical discourse poses a challenge. As digital transformation evolves, the lifestyle itself is changing, and in the future, so is the social behavior of individuals, as well as certain communities united by common interests and preferences. For this reason, the appearance of lexical units reflecting the new reality across social networks should be expected. In witness whereof, we will give specific examples from German social networks: 'Couchpotato / Couchkartoffel; Homing; Cocooning' [Klosa-Kückelhaus, 2020, pp. 1-2]. It is beyond argument that it is possible to reveal the content of the abovementioned lexemes from the point of view of translation practice only through working with data corpuses and analyzing the contextual use of the lexical units, which do not mean potatoes at all ('Couchpotato / Couchkartoffel'), but refer to people who lead a sedentary lifestyle and prefer to stay in for no apparent reason or need, cf. German: 'Mit diesen Wörtern werden Menschen bezeichnet, die ihre

Freizeit vorzugweise sitzend verbringen' [Klosa-Kückelhaus, 2020, p. 1]. Homing should be interpreted as remaining indoors, where the home is seen as a center for organizing one's leisure time, cf. German: 'Zuhause als Mittelpunkt der Freizeitgestaltung' [Klosa-Kückelhaus, 2020, p. 2]. Cocooning is nothing more than a desire to isolate oneself from the outside world, to 'wrap in a cocoon'. From this perspective, we should talk about the socio-communicative elements of the translator's professional discourse and socio-communicative strategies [Naumova, 2013], which help to take into account the creative initiative in the translator's practice, which is objectified through the use of various linguistic means, which at the same time bring out the translator's individuality.

Social networks, due to the variety of content broadcast through various communication channels, require the modern translator to make well-grounded, not so much translation decisions, as ideological, philosophical and pragmatic decisions, which will make it possible to create the final translation taking into account the specificity of the social services commissioning by enterprises and companies that offer digital services.

Social networks as a tool for managing social reality

The fact of managing real ethnosociety through social networks is **objectified at the linguistic level**. Let's turn to specific examples in German: 'mailen, anmailen, simsens, bloggen, posten, skypen, whatsappen' [Klosa-Kückelhaus, Schnedermann, 2019, p. 46], cf. Russian: 'писать по электронной почте, направлять смс-сообщение, размещать пост / постировать, вести блог, выходить на связь через скайп, общаться по вотсапу'. At first glance, we are talking about lexemes that mark Internet communication. However, a more profound analysis of lexical units, using sociolinguistic research methods, elements of content analysis, theory of discourse and communication allows us to come to the following conclusion: not only do units 'mailen, bloggen, twittern' express communication technologies that serve mediated communication, but they also define the sociolinguistic parameters of group

communities. The technical channel for disseminating and transmitting information, helps determine the social status, sociocultural level, job functions, the level of information competence of the participant in virtual communication. In this light, the activities of an interpreter and translator become more complicated, because to adequately translate the content of social networks, they unwittingly have to consider the sociolinguistic parameters 'wired' in information communication channels – blog, twitter, whatsapp, etc.

Also complicated becomes an interpreter's and a translator's work which is affected by the 'shift' towards imagery and visualization. As a result, this shift pushes the verbal mode to the background. The decrease in verbal descriptions enhances the emotional component, which results in the use of emoticons that indicate the attitude and assessment of the subject of communication by participants in virtual interaction [Provine, Spencer, Mandell, 2007]. This is especially noticeable in the summary of comments in German in such genres as talk shows, interviews and other entertainment formats. Simplification of verbal content takes communication to an emotional level, which makes it possible to determine the parameters of the target audience quickly and with a high degree of accuracy, which is important for marketing in all economic sectors. In written cross-cultural and cross-lingual communication, this gives rise to emoticons with a steadily growing repertoire. There is no need to interpret emoticons, but it does not rule out the linguistic and cultural or linguocultural commentary in translation, which is essential to consider while training future translators [Mityagina, Gureeva, 2017].

Social group management is also implemented at the *macrostructural level*. The analysis of some popular German social networks demonstrates the subject matter of issues under discussion. These are transformations taking place in schooling and higher education, cf. German: 'Veränderungen im Schul- und Hochschulwesen'; search of a life partner, cf. German: 'Partnersuche'; new team-building computer games, cf. German: 'Neue Teamspiele' [Klosa-Kückelhaus, Schnedermann, 2019, p. 24]. All thematic groups are characterized by certain key words, which function as a social signal for the mainstream recipient who is interested in

taking part in communication on a particular topic. These keywords also perform a password function. Their regular use forms the 'profile' of a member of a given social group, and the data helps to establish the communicant's interests – his taste preferences, emotional states, mood, etc. In other words, the data helps to define the sociocultural profile of a member of this social group, which is inclusive of common features. For the modern interpreter / translator, this means mastering the key words that mark communication on an issue. If the terminology base can be isolated through text corpora and methods of corpus-based and corpus-driven linguistics, working with social networks requires knowledge of passwords – professional terms, heritage language lexemes, dialectisms and other linguistic means. Otherwise, the translator runs the risk of making communicative-pragmatic blunders.

Social networks are also managed at the *compositional level*. After all, the format of each social network has its given parameters that must be implemented by all participants in group communication, and at the same time it is supported by the structural elements of the pre-set communication genre. Failure to comply with certain compositional requirements leads to the fact that the participant of the social network stands in stark contrast to the rest of the group members, thus eliciting different reactions from other participants. This feedback is often critical, which causes discomfort and the group member either obeys the general rules or is forced to leave the communication group. The abovementioned circumstances stimulate genre forms of Internet communication. At the moment, we can single out social groups that prefer communication in such genres as *blog, chat, news*, etc. According to observations of German researchers, social networks are going through the following trend: each participant entering into indirect communication relies not on the topic, but on comments posted earlier. In other words, we are talking about forming space in which other people's opinion is ignored, which is due to the attempt of new participants to 'fit' into the established format. Translation of social network content lead to the translator involuntarily becoming a 'hostage' of the formats, which leads to his emotional workload, which in some cases reduces the qualitative and quantitative indicators of his activity. Realizing that

there is another message behind the statement, the translator adheres to the pre-set composition.

Social networks are also managed at the *institutional level*. Examples are the regular surveys conducted in Germany collecting information about the attitude of Germans to the state of the German language, as well as the attitude of members of the German-speaking community to other foreign languages and cultures. According to German scholars, the interest in the status of German, both in Germany and abroad, is on the rise, which necessitates regular sociolinguistic surveys. Among various questions addressing the dialect proficiency of German native speakers, the areas of their use in day-to-day communication etc., special mention goes to two key themes: 1) the attitude of Germans to the German language; 2) the attitude of Germans to other (foreign) languages, which are used for various reasons in Germany. With regard to the first key question, survey participants emphasize the need to comply with the spelling rules, and to take into account the gender factor, cf. German: *‘Geschlechtsgerechte Sprache’* [Adler, Ribeiro Silveira, 2020, p. 22]. The survey results regarding the second key question specify that French, English, Italian and Spanish are *‘attractive’* for the Germans, cf. German: *‘Als sympathische Sprachen werden insbesondere Französisch, Englisch, Italienisch und Spanisch genannt’* [Adler, Ribeiro Silveira, 2020, p. 19]. The *‘unattractive’* languages in the German-speaking community include Polish, Russian, Turkish and Arabic, cf. German: *‘ehr nicht sympathisch bewertet werden dagegen Polnisch, Russisch, Türkisch und Arabisch’* [Adler, Ribeiro Silveira, 2020, p. 19]. It is beyond argument that the division of languages into *‘attractive’* and *‘unattractive’* is provisional, but it stimulates the study of cultural, historical, socio-political and other reasons for such an attitude towards specific languages. In the light of the institutional management of social networks, the abovementioned facts are of prime importance, as they draw attention to language policy in the context of migration, to globalization results and to imbuing virtual space with relevant content. To this effect, translator training requires considering theoretical modules that contribute to encyclopedic world knowledge, which is essential for the success of cross-cultural and cross-lingual communication.

In summary it can be said that for the modern translator should enhance her professional theoretical and practical training. Working with content involves managing big data, corpora of texts and making use of a certain thematic group of words, including units of special vocabulary, terminology, professional terms, emotive units, etc., i.e. the comprehensive set of linguistic means that is crucial to convey the meanings and information in the native or foreign language. In the professional community, a translator will be defined as an expert in a particular subject area and branch of knowledge.

***Functions of social media translator
or traps lurking for the modern translator’s /
interpreter’s genius***

In modern sociolinguistic publications, the term *‘vitality’* of languages is increasingly introduced into scientific context. In this sense, it seems appropriate to mention two types of vitality: linguistic and sociolinguistic. Russian authors define the linguistic vitality of a language as *‘the ability for constant linguistic innovation, which manifests itself in reactions to external influences arising from contacts with other languages (both majoritarian and minoritarian languages)’* [Bogdanov, Marusenko M.A., Marusenko N.M., 2020, p. 316]. Sociolinguistic vitality does not so much define the ability *‘to adapt and develop the lexical-semantic and grammatical systems, but as the will (or strength) of the linguistic community to transmit its language or language variant to the next generations’* [Bogdanov, Marusenko M.A., Marusenko N.M., 2020, p. 316]. Digital transformations, while affecting languages, at the same time *‘check’* the degree of their vitality, resistance to external influences. To illustrate the phenomenon of language resistance used in German social networks, let us examine the results of our observations, which directly relate to the translator’s activity and present certain challenges for her.

Neologisms. German social networks are characterized by the use of verbs containing the components *‘fremd’* and *‘gegen’*, cf. German: *‘Fremd-Verben’* und *‘Gegen-Verben’* [Müller-Spitzer, Ribeiro-Silveira, 2019, p. 16]. Among

them, there are lexical units that pose a certain difficulty for the translator, for example, *'fremdschämen'* and *'fremdevaluieren'*. In reference editions, these verbs are not listed, which leads to the translator looking for possible translation options either in corpuses or in electronic glossary-type dictionaries explaining their meaning, since even native speakers are not always ready to immediately provide an everyday definition of these lexemes. Nevertheless, the verb *'fremdschämen'*, which is quite popular in German social networks, is interpreted as 'feeling ashamed for any words and actions committed by third parties', and the verb *'fremdevaluieren'* is a term found in the field of pedagogy, and it can be translated as *'carrying out an independent diagnosis'*.

Content stylization according to tastes and preferences of social groups. The analysis of German social networks reveals certain trends in the use of grammatical means. So, in the course of the analysis of the *'weil / denn'* connectors on Facebook, it was found that age characteristics play a significant role in their use – *'weil'* is used at a more mature age, while the use of *'denn'* is typical for schoolchildren, for example, in essays, cf. German: *'Die Studie legt nahe, dass in Facebook-Texten eine Präferenz für den Konnektor weil vorliegt, wohingegen in Texten von Schüler / -innen häufiger denn verwendet wird'* [Bröcher, Herzberg, 2019, p. 5]. In addition, Facebook discourse is defined by independent sentences that begin with the conjunction word *'weil'*, although according to the rules of German grammar, the word *'da'* is used at the beginning of a sentence, and a subordinate clause without the main clause is not used independently. This knowledge is crucial for the translator working with social networks, since it is these little things that testify to his professionalism.

Acceptance or non-acceptance of conventions and rules dictated by the employer at the institutional level. Not only does stepwise management of social networks require a high level of translation competence, but also compliance with the translator's code of ethics and rules for the translator's work with content. In this sense, the legal and ethical aspects of a translator's work is subject to further analysis and will require reviewing many rules and regulations that maintain interaction and dialogue

between the machine (computer) and a human being, as well as taking into account new formats of work caused by the global turn towards digital transformation.

Recognizing post-feminist culture phenomena. Due to the fact that translators work with languages of different structure, and complete coincidence is a rather rare phenomenon in cognate languages, there arises the question of conveying the gender factor, which is blurred in virtual space or is impossible to recognize, since the participants in group communication use pseudonyms or hide their gender identity. Anonymity makes it possible to form pseudo-identity, which undoubtedly complicates translation, given grammatical differences in languages. The technologies of working with gender constructs in the linguistic aspect in the time of digital transformation are still poorly understood, which does not yet help us to give any recommendations that could be taken into account in interpreter and translator training.

Conclusion

This paper touches upon only part of the problems that directly relate to interpreter and translator training, their professional competence, and work in the time of digital transformation. However, today it is necessary to consider incorporating work with neologisms in the theory and practice of translation, compiling glossary-type dictionaries, working with various databases, which make it possible to reveal the meaning of new words that mark changes in everyday life and institutional spheres. The digital transformation of a translator's activity poses a challenge to his genius, but at the same time requires institutional support, for example, the development of a social media translator's code of ethics. We believe that training to analyze the facts of postfeminist culture is both forward-looking and crucial.

REFERENCES

- Adler A., Ribeiro Silveira M., 2020. Spracheinstellungen in Deutschland – Was die Menschen in Deutschland über Sprache denken. *IDS Sprachreport*, vol. 36, iss. 4, pp. 16-24. DOI: 10.14618/sr-4-2020-adl.

- Amelkin S.A., Ivanova O.S., 2011. Predelnye vozmozhnosti peredachi informatsii v makrosistemakh [Limiting Possibilities of Transmission of Information in an Economic Macrosystem]. *Modelirovanie i analiz informatsionnykh sistem* [Modeling and Analysis of Information Systems], vol. 18, no. 3, pp. 75-81.
- Ashnin E.S., 2015. Metaforicheskaya reprezentatsiya mentalnykh operatsiy subyekta v yazyke nemetskoy molodezhi [Metaphorical Representation of the Subject's Mental Operations in the Language of German Youth]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (25), pp. 125-133. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.14>.
- Bedijs K., Heyder K.H., 2020. Sprache und Personen im Web 2.0. *Hildesheimer Beiträge zur Medienforschung*, Band 1. Münster, Lit Verlag. 176 p.
- Bogdanov S.I., Marusenko M.A., Marusenko N.M., 2020. *Yazykovye perepisi i monitoringi kak instrument natsionalnoi i yazykovoï politiki* [Language Censuses and Monitoring as a Tool of National and Language Policy]. Saint Petersburg, Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. A. I. Gertsena. 343 p.
- Bröcher L., Herzberg L., 2019. Deutsch in sozialen Medien. Interaktiv – multimodal – vielfältig: Bericht von der 55. Jahrestagung des Leibniz-Instituts für deutsche Sprache, Mannheim, 12-14. März 2019. *IDS Sprachreport*, vol. 35, iss. 2, pp. 2-8.
- Dittler U., Hoyer M., 2014. *Social Network – Die Revolution der Kommunikation. Kundenkommunikation, Facebook-Freundschaften, digitale Demokratie und virtuelle Shitstorms unter medienpsychologischer und mediensoziologischer Perspektive*. München, kopaed. 341 p.
- Evtushenko O.A., Pervukhina S.V., 2020. Elektronnyi modus sovremennogo administrativnogo diskursa [Electronic Mode of the Modern Administrative Discourse]. *Vestnik volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 99-109. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.9>.
- Gorodnikova M.D., 1999. Gendernyi faktor i raspredelenie sotsialnykh rolei v sovremennom obshchestve: Na materiale brachnykh obyavlenii [Gender and the Distribution of Social Roles in Modern Society: Based on the Material of Marriage Announcements]. *Gendernyi faktor v yazyke i kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Gender Factor in Language and Communication: Collection of Scientific Papers]. Moscow, Rema Publ., pp. 36-44.
- Gorodnikova M.D., 2002. Gender v kommunikativnoi interaktsii [Gender in Communicative Interaction]. *Gender: yazyk, kultura, kommunikatsiya: doklady Vtoroi mezhdunarodnoi konferentsii* [Gender: Language, Culture, Communication: Reports of the 2nd International Conference]. Moscow, MGLU, pp. 70-76.
- Ibatova A., Gromova A., 2021. Intercultural Features of Non-Verbal Means of Communication Used in Internet Communication. *Applied Linguistics Research Journal*, vol. 5, iss. 1, pp. 101-108. DOI: 10.14744/alrj.2021.98215.
- Karasik V.I., 2012. Kompyuternaya igra «StarCraft»: lingvokulturnye kharakteristiki [Computer Game “StarCraft”: Linguocultural Characteristics]. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet Communication as a New Speech Formation]. Moscow, Flinta Publ. 328 p.
- Klimanova L., Dembovskaya S., 2013. L2 Identity, Discourse, and Social Networking in Russian. *Language Learning & Technology*, vol. 17, iss. 1, pp. 69-88.
- Klosa-Kückelhaus A., 2019. Bloggst du noch oder twitterst du schon? (Aus der Rubrik: Neuer Wortschatz). *IDS Sprachreport*, vol. 35, iss. 4, pp. 46-49.
- Klosa-Kückelhaus A., 2020. Von Nichtstun und Erholung (An Weihnachten und zu anderen Zeiten) (aus der Rubrik Neuer Wortschatz). *IDS Sprachreport*, vol. 36, iss. 4, pp. 1-5. DOI: 10.14618/sr-4-2020-klosa.
- Klosa-Kückelhaus A., Schnedermann T., 2019. Sind Sie auch schon ein Lohas? (aus der Rubrik Neuer Wortschatz). *IDS Sprachreport*, vol. 35, iss. 3, pp. 22-25.
- Kolesnikov A.E., 2018. Yazyk seti internet i amerikanizatsiya russkogo yazyka [The Language of the Internet and the Americanization of the Russian Language]. *Molodoy uchenyy*, no. 20 (206), pp. 446-448.
- Kostarnova O.S., 2020. Gendernye aspekty sovremennoy bytovoy italyanskoi skazki [Gender Aspects of the Modern Domestic Italian Tale]. *Nauka bez granits: sinerhiya teorii, metodov i praktik: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Science Without Borders: Synergy of Theory, Methods and Practice: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, MGLU, pp. 515-518.

- Kostomarov V.G., 2019. O displeinykh tekstakh [About Display Texts]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 1 (272), pp. 61-64.
- Leeuwen Van Th.N., Moed H.F., Tijssen R.J.W., Visser M.S., Raan Van A.F.J., 2001. Language Biases in the Coverage of the Science Citation Index and its Consequences of International Comparisons of National Research Performance. *Scientometrics*. Leiden, Leiden University, vol. 51, pp. 335-346. DOI: 10.1023/A:1010549719484.
- Litosseliti L., Gill R., Favaro L.G., 2019. Postfeminism as a Critical Tool for Gender and Language Study. *Gender and Language*, vol. 13, no. 1, pp. 1-22. DOI: 10.1558/genl.34599.
- Mityagina V.A., Gureeva A.A., 2017. Kommunikativnaya kompetentsiya perevodchika v epokhu global'nogo informatsionnogo prostranstva [The Communicative Competence of a Translator in the Era of the Global Information Space]. *Yazyk i lichnost v garmonichnom dialoge kultur: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Language and Personality in a Harmonious Dialogue of Cultures: Proceedings of the International Scientific Conference]. Stavropol, Paragraph Publ., pp. 325-329.
- Mityagina V.A., Sidorova I.G., 2016. Zhanry personalnogo Internet-diskursa: kommunikativnye eksplikatsii lichnosti [The Genres of the Personal Internet Discourse: Communicative Explications of a Person]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 2 (14), pp. 106-115. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-106-115.
- Müller-Spitzer C., Ribeiro-Silveira M., 2019. Fremdschämen muss sich jeder Mal, aber haben Sie schon einmal von Fremdpflegen oder Fremdküssen gehört? Eine Studie zur Akzeptabilität und zum Neologismenstatus von Fremd-Verben. *IDS Sprachreport*, vol. 35, iss. 3, pp. 16-21.
- Naumova A.P., 2013. Institutsional'nost' professional'nogo diskursa perevodchikov [Institutionality of Professional Translators' Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (18), pp. 104-109.
- Ovchinnikova I.G., 2013. Kommunikatsiya i identifikatsiya v sotsialnykh setyakh: faktory, tipazhi, natsionalno-kulturnaya spetsifika (na materiale sotsialnoi seti twitter) [Communication and Identification in Social Networks: Factors, Types, Ethnic and Cultural Specifics (Based on the Material of the Social Network Twitter)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], no. 2 (22), pp. 143-156.
- Provine R.R., Spencer R.J., Mandell D.L., 2007. Emotional Expression Online – Emoticons Punctuate Website Text Messages. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 26, iss. 3, pp. 299-307. DOI: 10.1177/0261927X06303481.
- Saakyan L.N., 2016. Novye media: yazyk smi i sotsial'nykh setei [New Media: the Language of the Mass Media and Social Networks]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 4 (257), pp. 93-99.
- Russkaya germanistika. T. V. Tipologiya tekstov novogo vremeni: ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* [Russian Germanistics. Vol. 5. Typology of Texts of Modern Times. Yearbook of the Russian Union of Germanists], 2008. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. 403 p.
- Yazyki moda: sb. st.* [Language and Fashion. Collection of Articles], 2017. Moscow, s. n. 166 p. (Series: Theory and History of Linguistics).

Information About the Authors

Innara A. Guseynova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German Language Lexicology and Stylistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, ginnap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

Alexey I. Gorozhanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German Language Grammar and History, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, a_gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

Elena S. Kudinova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English as a Second Foreign Language, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, e.kudinova@linguanet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9967-6443>

Информация об авторах

Иннара Алиевна Гусейнова, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, ginnap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

Алексей Иванович Горожанов, доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, a_gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

Елена Сергеевна Кудинова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка как второго, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, e.kudinova@linguanet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9967-6443>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.6>

UDC 81'25:378
LBC 81.18

Submitted: 09.12.2020
Accepted: 30.03.2021

A TRANSLATION TEACHER PROFILE IN THE RUSSIAN CONTEXT¹

Olga V. Petrova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Vadim V. Sdobnikov

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The paper discusses the results of a survey of a translation teacher profile in the context of Russian academia. It reveals that there is no integral profile of a translation teacher in Russia today. Translation teachers can be categorized into certain groups according to their initial training, practical experience in translation and age. The survey shows that a significant number of translation teachers have had no translation training. Regardless of their initial training, almost all translation teachers are engaged in practical translation, however only few of them perform translation or interpreting on a regular basis. Among those who teach Translation Theory there are some who have never been taught it, thus they may be regarded as self-educated theorists. Virtually no translation trainers in Russian universities have ever been professionally educated in translation didactics. 75% of the total number of translation teachers have completed short-time advanced training courses, which does not seem to be sufficient to become an experienced translation teacher. A large number of those who do have initial translation training teach translation copying their own teachers. It is doubtful that all of them possess translation mode of thinking and are able to develop it in their students. The overall conclusion is that a comprehensive system for training and retraining translation teachers is required.

Key words: translation teacher, translation teacher competence, translation training, translation didactics, Translation Theory.

Citation. Petrova O.V., Sdobnikov V.V. A Translation Teacher Profile in the Russian Context. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 65-74. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.6>

УДК 81'25:378
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 09.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ПОРТРЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПЕРЕВОДА В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ¹

Ольга Владимировна Петрова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Вадим Витальевич Сдобников

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты изучения профиля преподавателя перевода в российской высшей школе. Показано, что сегодня в России не существует единого целостного портрета преподавателя перевода. На основании проведенного авторами опроса, в котором учитывалось базовое образование, опыт работы переводчиком и возраст, выделены несколько категорий преподавателей. Установлено, что значительная часть респондентов не имеет специального переводческого образования; вне зависимости от базового образования большинство преподавателей перевода осуществляют практическую переводческую деятельность,

однако незначительное их количество делают это на постоянной основе. Обнаружено, что среди российских преподавателей теории перевода есть такие, которые не изучали эту дисциплину в вузе, а осваивали самостоятельно. Выявлено, что большинство опрошенных не получили профессиональной подготовки в области дидактики перевода, три четверти от общего количества опрошенных обучались на краткосрочных курсах повышения квалификации, чего явно недостаточно для того, чтобы стать опытным преподавателем перевода. Значительное число тех, кто получил базовое переводческое образование, преподают перевод, опираясь на устаревшие методики, что не позволяет сформировать у студентов современное переводческое мышление. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости создания комплексной системы подготовки и переподготовки преподавателей перевода.

Ключевые слова: преподаватель перевода, компетенция преподавателя перевода, обучение переводу, дидактика перевода, теория перевода.

Цитирование. Петрова О. В., Сдобников В. В. Портрет преподавателя перевода в российских вузах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 65–74. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.6>

Introduction

Training translators has been conducted in Russian universities for approximately ninety years already. In the Soviet Union it was confined to a small number of academic institutions that specialized in training translators / interpreters to meet the needs of the Army and government agencies. The situation changed upon the collapse of the Soviet Union, with the transfer to the market economy, dramatic expansion of foreign trade and development of relations not only on the government-to-government but also on the business-to-business level. It became obvious that various domains required a great number of qualified translators and interpreters able to satisfy their needs. In the 1990s, the challenge was quickly responded to by many Russian universities which began to offer bachelor-equivalent and master-equivalent programs in translation and interpreting. The expansion of the academic training of translators resulted in the pressing need of competent translation teachers who might be able to design translation courses, to develop translation skills in their students and to transfer their knowledge of translation to them.

And here a question arises: where did those translation teachers come from? It is obvious that those who joined this noble profession had never been taught how to teach translation. We know that only few of them had had some translation training at universities and gained appropriate experience in the field. Apparently, it was those few who were best prepared to fulfill the mission of training novice translators and interpreters, at least due to the fact that they had already acquired the knowledge of how translation can be taught in

the course of their own studies. This view is shared by Roberto Mayoral who argues that “the best way to learn how to teach translation is to study the way good teachers teach, and then enrich that with one’s own innovations” [Mayoral, 2003, p. 5]. Michael Gove as cited by J. Orchard and Ch. Winch metaphorically compares teaching with a craft: “Teaching is a craft and it is best learnt as an apprentice observing a master craftsman or woman. Watching others, and being rigorously observed yourself as you develop, is the best route to acquiring mastery in the classroom” [Orchard, Winch, 2015, p. 12]. Indeed, in the 1990s, it seemed to be the only reliable way to become a translation teacher. Being reliable and based on common sense, the method still lacks some training which is essential for those who are engaged in teaching translation and which we shall mention below.

The academic landscape has changed in Russia, and those who have joined the profession of translation teacher differ from one another in terms of their initial training, qualification, translation and teaching experience. Thus, the categorization of translation teachers is possible and most probable in order to outline a translation teacher profile (or profiles, as the case may be), which constitutes the aim of this article. With this aim in view, a questionnaire has been distributed among translation teachers of Russian universities, and results of the inquiry will be dwelt upon below.

Translation teacher competences

In order to solve the task, it is necessary, first and foremost, to determine what requirements a translation teacher must meet. In other words, what competencies (s)he should possess.

Some scholars believe that “whereas the term ‘competence’ is largely used in many disciplines and contexts, it is difficult to find a definition that reconciles all different ways in which it is used” [Esfandiari, Shokrpour, Rahimi, 2019, p. 1]. Translation Studies (TS) literature is also abundant in definitions of a competence. We believe that F. Lasnier’s definition is one of the most comprehensive: “A competence is a complex know-how to act resulting from integration, mobilization and organization of a combination of capabilities and skills (which can be cognitive, affective, psychomotor or social) and knowledge (declarative knowledge) used efficiently in situations with common characteristics” [Lasnier, 2000, p. 24]. This broad notion of competence must be made more specific in relation to training the trainers.

It has become a good tradition to refer to Dorothy Kelly who has offered a list of translation teacher competences which includes: 1) profession translation practice; 2) Translation Studies as an academic discipline; 3) teaching skills [Kelly, 2005, p. 151]. The latter is subdivided into “subcompetences” or areas of competence: *organizational* (i.e., the ability to design courses and appropriate teaching and learning activities); *interpersonal* (i.e., the ability to work collaboratively with trainees towards their learning goals); *instructional* (i.e., the ability to present content and explain clearly); *contextual* or *professional* (i.e., understanding of the educational context in which training takes place) [Kelly, 2005, p. 151]. Kelly believes that the first two competences “constitute prerequisites rather than the central competence we are interested in”, and presents the third one as the most essential [Kelly, 2005, p. 151]. Yet, be it prerequisites or core requirements, the first two competences are of paramount importance, especially in the Russian context. We shall note, in passing, that the same requirements are formulated by D. Li and Ch. Zhang who termed them as “knowledge of teaching”, “knowledge of research” and “knowledge of the trade”. The latter encompasses translating abilities and the knowledge of the profession, including familiarity with the market and the technology [Li, Zhang, 2011, p. 697].

The fact is that the question whether a translation teacher should have experience in translation is still unresolved in Russia. To be more exact, many educators as well as many

practitioners who are not indifferent to what is going on in academia and in the professional field insist that to be experienced in practical translation / interpreting is a must for a translation teacher. At the same time, educational authorities pretend not to hear the claims because they need to provide for training a sufficient number of translators; so they do it by recruiting *any* specialists who have at least command of a foreign language and, as the case may be, some experience in teaching a foreign language.

This situation contradicts the principles voiced in the TS literature and insisted upon by many scholars. In particular, members of the EMT Expert Group mention a Field Competence as the one which is indispensable for a translation teacher / trainer (together with Instructional Competence, Organizational Competence, Interpersonal Competence and Assessment Competence) (EMT). A Field Competence is eloquently defined as the “ability to perform any task assigned to the students according to the quality standards required in professional practice” (EMT) and breaks down into two sub-categories: 1) *knowledge of the professional field* including translation-related professions; constraints of translation projects (e.g. time / budget / qualities); domains of specialization in translation-related professions; market requirements; operating procedures and tools used in professional translation; foreseeable development of the professions; 2) *translation-service provision competence* including knowledge of the existing standards and specifications; ability to critically analyze these standards and specifications; ability to perform the tasks and sub-tasks involved in the translation-service provision (including planning, preparing the material for translation, quality assurance, document management, terminology management, etc.) (EMT).

The vision of a translation teacher being a practitioner is also upheld by Marta Roses as cited by Defeng Li and Chunling Zhang [Li, Zhang, 2011, p. 696] when she writes that “since one of the main tasks of the social constructivist teacher is to represent the community in which the apprentices wish to take part, translator trainers should be active translators or, at least, have ample professional experience in the area. This way, it will also be easier to take real projects to the

classroom (with the clients' approval) or help students get such projects, enabling them to do just what professionals do: translate real texts, for real clients and real readers / users". We can add a number of arguments to support the idea that a teacher must be able to do what (s)he teaches. But it is hardly necessary to do so since the idea seems to be self-evident. Moreover, in Russian and Western Translation Studies it is deeply rooted in the views of the precursors of the science of translating. Suffice it to recall Peter Newmark's definition of translation teacher's professional qualities that can be seen as comprising of "translator's skills" on the one hand, and teaching skills on the other [Newmark, 1991, p. 131]. Vilen Komissarov also argues that translation must be taught only by a person who is an experienced translator himself, who has professional competences, who knows the translation activity "from within", who is familiar with the challenges, possibilities and conditions of the translator's work. Komissarov states straightforwardly that "not every practitioner is able to teach translation successfully but every translation teacher must be able to translate professionally (translation mine. – *V. S.*)" [Komissarov, 2001, pp. 340-341]. Donald Kiraly is no less straightforward in his statement that "it cannot be expected that language instructors without professional translation expertise will have a professional translator self-concept themselves or that they will be able to help their translation students develop one" [Kiraly, 1995, p. 3]. It is only regrettable that this idea, so simple and transparent, is not fully understood by the Russian academic community.

However, Kelly justly states that "professional experience as a translator is simply not sufficient to become a professional translation teacher" [Kelly, 2008, p. 102]. As was stated above, the list of translation teacher competences outlined by Kelly includes such item as Translation Studies as an academic discipline. It implies that a translation teacher, first, must have some knowledge of Translation Studies, and second, must be engaged in scientific research. Other scholars insist that a translation teacher should also possess deep knowledge of General Linguistics. For example, Komissarov argues that a translation teacher "must know linguistic and translation aspects of his or her course both practically and theoretically, must have

comprehensive knowledge in the fields of Language Theory and Translation Theory. Analyzing the content and stylistic peculiarities of the source text, comparing various versions of translation with the ST, explaining errors in translations to his / her students, the teacher uses analysis methods and terminology of semasiology, lexicology, grammar and other linguistic disciplines (translation mine. – *V. S.*)" [Komissarov, 2001, pp. 342-343]. Both Linguistics and Translation Theory help a translation teacher make his / her arguments convincing enough. Yet, it is clear that the knowledge of Translation Studies constitutes an integral and indispensable part of a translation teacher's theoretical background, one of the core components of his / her competence. As Dmitry Shlepnev has put it, "a translation teacher needs a well-articulated theory that (s)he can use as a basis, a background for their explanations to students. If it is the case, (s)he will not beat about the bush in his / her speculations about translation and his / her work in class will be more effective (translation mine. – *V. S.*)" [Shlepnev, Sdobnikov, 2007, p. 105].

It is well known that the university faculty is often required to conduct scientific research. In this respect, the situation in Russia differs little from the situation abroad. Kelly writes that "most university systems expect full-time lecturers to be quite heavily involved in research, and promotion and incentive schemes are usually based on reward for dedication to, and achievements in, research, whereas teaching and achievements in teaching tend inevitably to play second fiddle" [Kelly, 2008, p. 100]. The requirement to be involved in research does not cause much concern, provided the research is done in the field of Translation Studies and not only in purely linguistic disciplines. Concern is caused by the fact that within Translation Studies, both in Russia and abroad, there exist various concepts, theories and approaches that not only differ from one another but often contradict one another. It follows that a translation teacher is expected to stick to a certain Translation Theory among the multitude of theories, to a specific system of views concerning translation activity. It is clear that any translation course must be aimed at the indoctrination of the correct attitude of students towards translation as an activity. The course should result in the students' comprehension of the laws and essence

of translation, of the tasks (not considered in terms of methods of translation or achieving equivalence at a certain level) a translator solves in each translation act [Shlepnev, Sdobnikov, 2007, p. 107]. But to make it happen, a translation teacher themselves should have the correct attitude towards translation, and this attitude must be based on the correct Translation Theory. Based on our observations, we can state that, regretfully, many translation teachers in Russia have an eclectic mix of early theories of translation (mainly, purely linguistic theory underpinned by equivalence as its core notion), provisions of the theory of intercultural communication and a rough idea of real translation activity in their minds, instead of the correct and systematized theory based on the functionalist approach to translation.

There is no doubt that a translation teacher should possess teaching skills. As was stated above, Kelly views them as the central competence. We are disinclined to build a hierarchy of translation teacher competences as we believe that all of them are equally important: if a teacher lacks one of them his / her activity in the classroom is unlikely to produce the desired effect. The same is true about the teaching skills. In their review of the literature devoted to translation teacher competences Nataša Pavlović and Goranka Antunović mention a number of works that stress the importance of teaching skills [Pavlović, Antunović, 2019]. But a question arises: how, when and where can translation teachers acquire those skills? There are no university programs of training professional translation teachers in Russia. We know about some attempts to introduce such programs in Russian universities but they were not a success due to the lack of interest and low motivation among bachelors to get involved in teaching translation. Does it mean that Roberto Mayoral cited above is right when he states that “the best way to learn how to teach translation is to study the way good teachers teach” [Mayoral, 2003, p. 5]?

So, the topical issue is “What does a translation teacher need to do to become good at teaching translation?” Daniel Gouadec is more specific than Mayoral in his consideration of the ways of acquiring necessary competences by translation teachers. He writes that “teachers on a translator-training program should spend one month in all three of the following situations:

1. Working in a translation firm (either as a translator or a reviser or a terminologist).
2. Working in an in-house translation service (same as above).
3. Being a freelance professional.

That should be enough for a start. And that should clearly decide on their teaching approaches” [Gouadec, 2003, p. 13].

We believe it is perhaps excessively optimistic to expect a person to become a good translation teacher after working in the three situations specified by Gouadec for a total of three months. It will not be enough even for a start. True, it can provide some knowledge of the field (or trade). But it can hardly equip a teacher with an appropriate teaching approach. Suffice it to recall that even well-experienced practitioners are not always good translation teachers (when they teach translation part-time or even full-time). They lack a lot of necessary qualities which can be obtained only in the academic environment. Thus, we are impelled to conclude that Gouadec, again, is excessively optimistic and non-specific when he answers the question “Who should train translators?”: “The answer to who should train translators is quite straightforward: both professionals with a talent for teaching and teachers with a good knowledge of the job (not a collection of subject matters) that they are supposed to train people for” [Gouadec, 2003, p. 13]. The notion of “talent for teaching” is too vague to apply it to an individual. The knowledge of the job is hard to be measured.

From the above it follows that so far provisions of Translation Studies and even the best practices of universities in Russia and abroad cannot form the basis for any recommendations as to how translation teachers should be trained. Apparently, there can be different paths to the profession of teaching translation. Having walked a certain path to the profession, each teacher brings their own wealth of knowledge, expertise and experience to the classroom, which implies that what a translation teacher knows and can do inevitably influences his / her teaching approach. That is why our study includes review of 118 Russian translation teacher’s backgrounds in the form of a questionnaire which, as we hope, can help outline a translation teacher’s profile or various profiles.

The Survey Results

So what is the current situation as revealed by the survey?

Out of the 118 translation teachers 64 (54.2%) have a degree in translation (T group) and 54 (45.8%) have diplomas of foreign language teachers, linguists, philologists or specialists in cross-cultural communication (Non-T group).

Almost all respondents have completed advanced training courses, with only less than 1% stating that they have attended no professional development programs and teach on the basis of their university education and personal experience as translator. However only 11 persons (9.3%) have been retrained as teachers of translation. 29 respondents (24.6%) have completed advanced training courses in translation: 18 respondents in the T-group and 11 in the Non-T group. The majority (75.4%) have completed short-time advanced training courses. The figures do not sum up correctly because several respondents in both groups went through two and one person even through 3 courses.

According to comments made by some respondents, short-time advanced training courses are not always perceived as targeted specifically at teaching translation. Having positively answered the question about completing such a program a person says they have never undergone any professional training as a translation teacher.

The breakdown by age groups shows that 11 respondents (9.3%) are people under 30; 39 (33.1%) between the ages of 30 and 40; 25 (21.2%) between 40 and 50; 27 (22.9%) between 50 and 60 and 16 (13.6%) are over 60. However the picture within the T group and Non-T group is not uniform (Table 1).

While the percentage of people having a degree in translation is the highest in the age group between 30 and 40 and then gradually decreases to the minimum of slightly over 6% in the senior group, in the Non-T group the highest figure is in the age group between 50 and 60 years with quite a high result for the people over 60 (22.2%). It is also noteworthy that the number of young people (those under 30) is more than twice as high among teachers with a degree in translation as it is in the other group.

The result can be interpreted in two ways. First, it shows that the majority of “the old guard” among translation trainers are people with no degree in translation. Besides, it reflects a tendency for recent graduates to choose the field of work coinciding with the field in which they have a degree (or probably a tendency for the employers to give preference to such graduates).

The analysis of the distribution according to teaching experience and experience in practical translation / interpreting has not revealed any direct correlation. Neither has it shown any dependence of practical experience in translation / interpreting on the age (see Table 2 and 3).

Table 1. Age groups

Age (years)	General result		T group		Non-T group	
	Respondents	%	Respondents	%	Respondents	%
22–30	11	9.3	8	12.5	3	5.5
30–40	39	33.1	25	39.1	14	25.9
40–50	25	21.2	15	23.4	10	18.5
50–60	27	22.8	12	18.7	15	27.8
Over 60	16	13.6	4	6.3	12	22.3
<i>Total</i>	<i>118</i>	<i>100</i>	<i>64</i>	<i>100</i>	<i>54</i>	<i>100</i>

Table 2. Teaching experience

Teaching experience (years)	General result		T group		Non-T group	
	Respondents	%	Respondents	%	Respondents	%
Less than 5	7	5.9	7	10.9	–	–
5-10	19	16.1	13	20.3	6	11.2
10-20	38	32.2	20	31.3	18	33.3
20-30	32	27.2	16	25.0	16	29.6
Over 30	22	18.6	8	12.5	14	25.9
<i>Total</i>	<i>118</i>	<i>100</i>	<i>64</i>	<i>100</i>	<i>54</i>	<i>100</i>

Table 3. Translation / Interpreting experience

Translation / Interpreting experience (years)	General result		T group		Non-T group	
	Respondents	%	Respondents	%	Respondents	%
Less than 5	21	17.8	10	15.6	11	20.4
5–10	29	24.6	12	18.8	17	31.5
Over 10	68	57.6	42	65.6	26	48.1
Total	118	100	64	100	54	100

The absence of Non-T group respondents with less than 5 years of teaching experience agrees with the tendency of recent graduates having a non-translation degree not to engage in teaching translation. Other results, however, do not allow of any straightforward interpretation. The thing is that there are respondents whose translation experience exceeds their teaching experience and vice versa. Some responses show that a person with the teaching experience of 20–30 years and more can have a very limited experience in translating or interpreting (practically never of both). At the same time responses show that some people in the age group under 30 have over 10 years of translation experience, which means that they started practicing translation before graduation.

It is necessary to admit that the results concerning teaching experience are not very reliable and need further verification. On the one hand, the questionnaire was circulated among translation teachers, so the question about teaching experience implied teaching translation. It probably should have been formulated in a more explicit way. On the other hand, judging by what some respondents have written in the comments, they do not always differentiate between teaching translation and teaching foreign languages and consider translation to be an aspect of teaching a language. Such comments were found in the senior Non-T group. So it is possible that in some cases the figures in the responses indicate the time a person teaches both languages and translation.

Comments concerning practical translation also show that not all translation trainers are at the same time practitioners. Some respondents say it directly; some others enumerate aspects of practical translation they teach as an example of their practical work as translators, which actually means they do not practice translation professionally.

Another question in the survey relates to the character of translation classes taught by the

respondents. The most remarkable and significant is the following result: among 54 respondents who teach theory of translation only 31 have a degree in translation. It means that 23 translation theory teachers are self-taught theorists.

What conclusions can be drawn from this survey?

90.3% of teachers have no professional education in teaching translation and interpreting. Those with a degree in translation do it by copying their own teachers. The quality and results of their work depend to a large extent on how professional those teachers were. Those having no degree in translation do it empirically, taking their own practical experience (if any) as a basis or proceeding from general principles of didactics and methods of teaching foreign languages. Neither way can be adequate to the state of things and new challenges in the present-day translation market.

42.6% of those teaching theory of translation have no education in translation at all. With due respect for people who achieve great results by means of self-education it is necessary to admit that in many cases it leads to eclecticism that can hardly serve as a sound theoretical basis for professional training of translators and interpreters.

Discussion

Overall analysis of the profession age structure shows that a degree in translation is more often found in younger groups of teachers, while the majority of teachers constituting elder groups have no such training.

In class, the older generation with a degree in education is mainly guided by general didactic principles and methods of language teaching, by some eclectic, fragmentary recommendations and guidelines randomly found in various teaching aids (often with a purely linguistic approach to

translation), and by their own experience in translation – if any. Having no education in the subject they teach, they do not always realize that translation is not just another aspect of teaching language practice, but a specific type of language mediation dealing more with sense and meanings than with words and syntactic structures.

Another group of elder teachers (nearly 25%) do have professional training as translators. They were taught by luminaries of translation and inherited a system approach to the profession.

The younger generation has an advantage: they have an education in the subject they teach. But they lack education in translation didactics, or, for that matter, in teaching anything at all. So, they copy their teachers, which means they use either the wrong didactic approach or the approach of their teachers who had a systematic understanding of translation. It all depends on what teachers they had.

Whichever the case may be, the general conclusion is that there are practically no translation trainers in our universities professionally educated in translation didactics. The fact that 75.4% of them have completed short-time advanced training courses does not change the situation radically. Such courses, usually not longer than 36 classroom (contact) hours, can hardly be considered as a comprehensive program, the more so because these 36 hours usually encompass lectures on the theory of translation, master classes in various aspects of practical translation (which is another variety of the do-as-I-do approach), sometimes even classes of language practice, leaving no time for translation didactics proper. Another problem with such courses is that their program is usually developed on the assumption that all listeners have a high enough level of practical translation skills – which is often not the case. So instead of discussing problems of translation didactics it becomes necessary to try to hastily patch up the gaps in the practical translation skills of the retrainees. It is obvious that with all these limitations and disadvantages short-time advanced training courses cannot be viewed as an adequate form of educating translation trainers in translation didactics.

The figures showing that the majority of teachers in the non-T group have a considerable experience in practical translation is not in itself a reason for too much optimism either. Practical

experience is indispensable. But if a person translates something it does not necessarily mean that they know how to do it and do it well. The percentage of poor, amateurish, low quality translations in the translation market today is distressing. Practical experience is not yet a proof of a translator's high professional level.

Besides, a translation experience does not always mean that the translator is knowledgeable about the modern tools and technologies used by translators and often required by agencies today. So they are not able to teach their students to use them.

Teaching Theory of Translation is another problem. Analysis of the course descriptions shows that the content of the course varies from university to university but is practically never perceived as the basis for developing translation mode of thinking in students. In many cases it is a more or less detailed retelling of various theories and models merely for information, without any attempt at purposeful analysis. So the very fact that teachers from T group were themselves taught Theory of Translation as part of their professional training is not a guarantee either of their translation mode of thinking or of their ability to develop it in students.

Today translation market imperatively demands from translators many skills unknown not only to the non-T group, but also to many T group teachers, especially belonging to the older generation. It will suffice to mention the use of various CATs or postediting techniques. Translation teachers are responsible for equipping students with the skills and knowledge adequate to the requirements of the market. So, teachers themselves must be taught everything that their students are supposed to know, and taught at a much higher level. Unfortunately, the current practice does not provide a sufficiently effective training of translation teachers in this respect.

Conclusions

The survey and its analysis show that there is no integral profile of a translation teacher in Russia today. There are categories and subcategories of teachers according to their age, training, teaching experience, translation expertise, etc., with no clear-cut correspondences, correlations, and regularities that would allow to

view them as a more or less consistent conglomeration – except one thing: they all lack training in translation didactics. Which means that we need a comprehensive system for training and retraining translation teachers.

NOTE

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00149 “The Basic Principles of Training Translation Teachers”.

REFERENCES

- Esfandiari M.R., Shokrpour N., Rahimi F., 2019. An Evaluation of the EMT: Compatibility with the Professional Translator’s Needs. *Cogent Arts and Humanities*, no. 6, pp. 1-17.
- Gouadec D., 2003. Notes on Translator-Training (Replies to a Questionnaire). Pym A., Fallada C., Ramyn Biau J., Orenstein J., eds. *Innovation & E-Learning in Translator Training*. Tarragona, Universitat Rovira i Virgili. 98 p.
- Kelly D., 2005. *A Handbook for Translator Trainers: A Guide to Reflective Practice*. Manchester, Saint Jerome. 173 p.
- Kelly D., 2008. Training the Trainers: Towards a Description of Translator Trainer Competence and Training Needs Analysis. *TTR*, no. 21 (1), pp. 99-125.
- Kiraly D., 1995. *Pathways to Translation. Pedagogy and Process*. Kent (Ohio), Kent State University Press. 175 p.
- Komissarov V., 2001. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. Moscow, ETS Publ. 424 p.
- Lasnier F., 2000. *Réussir la formation par compétences*. Montreal, Guérin. 504 p.
- Li D., Zhang Ch., 2011. Knowledge Structure and Training of Translation Teachers: An Exploratory Study of Doctoral Programmes of Translation Studies in Hong Kong. *Meta*, no. 56 (3), pp. 693-712.
- Mayoral R., 2003. Notes on Translator-Training (Replies to a Questionnaire). Pym A., Fallada C., Ramyn Biau J., Orenstein J., eds. *Innovation & E-Learning in Translator Training*. Tarragona, Universitat Rovira i Virgili. 98 p.
- Newmark P., 1991. *About Translation*. Clevedon, Multilingual Matters. 184 p.
- Orchard J., Winch Ch., 2015. What Training Do Teachers Need? Why Theory Is Necessary To Good Teaching. *IMPACT. Philosophical Perspectives on Education Policies*, no. 22. 41 p.
- Pavlović N., Antunović G., 2019. A Desirable Profile of Translation Teacher: Perceptions and Needs in the Croatian Context. *TRAlinea Special Issue: New Insights into Translator Training*. URL: <http://www.intralinea.org/archive/article/2423> (accessed 19 February 2021).
- Shlepnev D., Sdobnikov V., 2007. Rol i mesto kursa teorii perevoda v professionalnoi podgotovke perevodchika [Translation Theory in Training Professional Translators]. *Metodicheskie osnovy podgotovki perevodchikov: nizhegorodsky opyt* [Methodological Basis for Translators Training: Nizhny Novgorod Experience]. Nizhny Novgorod, GOU VPONGLU, pp. 105-109.

SOURCE

EMT – The EMT Translator Trainer Profile. Competences of the Trainer of Translation. URL: <http://docplayer.net/14445272-The-emt-translator-trainer-profile-competences-of-the-trainer-in-translation.html> (accessed 20 November 2020).

Information About the Authors

Olga V. Petrova, Candidate of Sciences (Philology), Professor, Department of English, Translation and Translatology, Head of the International Research Laboratory “Theoretical and Applied Issues in Translation Studies”, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina St, 31a, 603155 Nizhny Novgorod, Russia, o.v.petrova.nn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1781-7853>

Vadim V. Sdobnikov, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English, Translation and Translatology, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina St, 31a, 603155 Nizhny Novgorod, Russia, artist232@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4717-2980>

Информация об авторах

Ольга Владимировна Петрова, кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31а, 603155 г. Нижний Новгород, Россия, o.v.petrova.nn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1781-7853>

Вадим Витальевич Сдобников, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31а, 603155 г. Нижний Новгород, Россия, artist232@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4717-2980>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.7>

UDC 811.512.133'255.2
LBC 81.633.1-8

Submitted: 11.12.2020
Accepted: 30.03.2021

LINGUISTIC-AND-STYLISTIC DETERMINATION OF NATIONAL PECULIARITIES REPRESENTATION IN LITERARY TRANSLATION (EXEMPLIFIED BY UZBEK PROSE)

Saodat E. Kamilova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

Nasirulla M. Mirkurbanov

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article represents the analysis results, assessing the quality of national specifics rendering in the process of literary translation and related to it individual writer's style. The material for analysis is the novel "Almazny pojas (Diamond Belt)" by Pirimkul Kadyrov translated from Uzbek into Russian by Yu. Suvortsev and interlinear translation carried out by the author himself. The explanatory potential of hermeneutic approach to the analysis of source and target texts is demonstrated in the article. The examples of felicitous translation solutions for reproducing\reflecting national picture of the world, which is represented in the source text, were characterized. Such cases are revealed in rendering puns, proverbs, etc. There were also revealed errors made by the translator when reproducing personal names of characters, etiquette formulas, stylization of characters' speech, etc., which led not only to violation of a literary text perception integrity, but also to leveling of national specificity of the source text. The study resulted in the development of an approximate algorithm for a translation strategy, which will minimize losses in rendering of the national specificity and writer's individual style in the process of translation from one language to another. As a research perspective, the authors bring up an issue of authorized translation and the problem of the writer's creative work on the interlinear translation.

Key words: translation, national specificity, hermeneutic approach, Uzbek literature, translation strategy.

Citation. Kamilova S.E., Mirkurbanov N.M. Linguistic-and-Stylistic Determination of National Peculiarities Representation in Literary Translation (Exemplified by Uzbek Prose). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 75-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.7>

УДК 811.512.133'255.2
ББК 81.633.1-8

Дата поступления статьи: 11.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЫ)

Саодат Эргашевна Камилова

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан

Насирулла Мирсултанович Миркурбанов

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан

Аннотация. В статье обобщены результаты изучения перевода художественного произведения в аспекте качества передачи национальной специфики и индивидуального стиля писателя. Материалом для исследо-

вания послужили перевод романа «Алмазный пояс» Пиримкула Кадырова с узбекского языка на русский, выполненный Ю. Суровцевым, и подстрочный перевод, выполненный автором. Показан экспланаторный потенциал герменевтического подхода к анализу оригинального и переводного текстов. Охарактеризованы случаи удачных переводческих решений при воссоздании в переводе национальной картины мира, отраженной в тексте-источнике, они обнаруживаются при воспроизведении языковой игры, пословиц и др. Выявлены погрешности, допущенные переводчиком при передаче личных имен персонажей, этикетных формул, стилизации речи персонажей и др., которые приводят не только к нарушению целостности восприятия художественного текста, но и к нивелированию национального своеобразия оригинала. В результате исследования разработан примерный алгоритм переводческой стратегии, которая позволит минимизировать потери при передаче национального своеобразия и индивидуального стиля писателя в процессе перевода с одного языка на другой. В качестве перспективы исследования поднимаются проблемы авторизованного перевода и творческой работы автора над подстрочником.

Ключевые слова: перевод, национальное своеобразие, герменевтический подход, узбекская литература, переводческая стратегия.

Цитирование. Камилова С. Э., Миркурбанов Н. М. Лингвостилистическая детерминация передачи национальной специфики художественного перевода (на материале узбекской прозы) // Вестник Волгодского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 75–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.7>

Введение

Перевод прочно занял свое место в литературе и искусстве как вполне самостоятельный и чрезвычайно своеобразный вид художественного творчества. Переводчик же только тогда может называться художником, когда, проявив творческое отношение к подлиннику, заставляет читателя проникнуться духом оригинального произведения, дает возможность воспринять всю гамму чувств и мыслей писателя, создавая при этом иллюзию первозданности, первичности. Именно иллюзию, ибо перевод, по словам В.С. Виноградова, – «это искусство “вторичное”, искусство “перевыражения оригинала” в материале другого языка» [Виноградов, 1978, с. 42], где «перевыражение» должно подчиняться строгим законам, один из которых, по утверждению авторитетного теоретика перевода А. Федорова, гласит: «...перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого» [Федоров, 1968, с. 123]. Этот непреложный закон перевода, может быть, единственный, безоговорочно принятый всеми теоретиками и практиками, трудновыполним, вследствие чего проблема качества перевода художественных произведений до сих пор считается в переводческой науке одной из самых обсуждаемых.

Сегодня существуют различные подходы к оценке качества перевода. Системати-

зируя их, В.В. Мошкович выделяет четыре способа оценивания качества перевода: «балльный», машинный, психолингвистический, анализ эквивалентности и адекватности [Мошкович, 2013]. Первые два способа невозможно применить к анализу качества перевода художественного произведения. Третий способ может быть применен отчасти, так как критерии необходимо вырабатывать для каждого переведенного произведения отдельно. Четвертый способ позволяет научно обосновать переводческие решения в тексте, однако при его реализации не учитываются социально-исторический, культурный, ментальный, биографический контексты.

На наш взгляд, при анализе качества перевода художественного произведения необходимо руководствоваться герменевтическим подходом, который активно разрабатывается в современной науке о переводе [Комиссаров, 2002; Кудрявцева, 2009; Швейцер, 1988]. Он опирается на адекватное понимание переводчиком текста оригинала и обеспечивает правильный подбор эквивалентных языковых средств, полноценное воссоздание описанной в произведении действительности, сохранение стиливых доминант, которые отражают национальную специфику оригинала.

В рамках данной статьи остановимся на выявлении специфики передачи национальной картины мира в переводе; опираясь на полученные результаты, сформулируем алгоритм переводческой стратегии, применение которо-

го позволит сохранить национальный колорит переводимого текста.

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили оригинальный текст романа «Алмазный пояс» Пиримкула Кадырова и его переводы на русский язык: подстрочный, выполненный писателем; художественный, выполненный Ю. Суровцевым.

Методология данного исследования определяется совокупностью следующих методов: лингвистического описания, позволившего установить художественные доминанты текста оригинала; герменевтики, позволившего выявить идейно-художественное своеобразие и национальную специфику произведения; сопоставительного метода, позволившего сравнить лексические единицы оригинала и перевода художественного произведения с точки зрения отражения художественного стиля писателя; прием переводческих трансформаций, использованный для сопоставления предложений оригинала и перевода, сравнительно-типологический метод, позволивший осмыслить изменения в переводном тексте эмоциональной среды повествования и их последствия при восприятии перевода художественного произведения как единого целого, а также изменения стилистической маркированности лексических единиц, ставшие причиной искажения смысла в переводе.

Результаты и обсуждение

Роман народного писателя Узбекистана Пиримкула Кадырова «Алмазный пояс», вышедший в 1977 г. и удостоенный самых высоких литературных премий того периода, – это взволнованное повествование о духовном мире и нравственной красоте идеалов человека середины XX в., глубокие раздумья о чрезвычайно сложных человеческих взаимоотношениях. Современность у П. Кадырова накрепко связана с прошлым и будущим, и это временное триединство вырастает в романе в глобальный образ; по сути, историзм, как важная грань мировоззрения героев романа, становится мерилем человеческой состоятельности и четкой границей между

нравственным и безнравственным, истинным и наносным.

В центре внимания художника – творческая интеллигенция, архитекторы и строители, созидающие разрушенный землетрясением новый Ташкент. Как древний Шаш, освобождаясь от кривых и темных переулков, ветхих глиняных мазанок, вырастает в удивительно величественный город, воплотивший в своем облике и неповторимый колорит древнего Востока, и безупречные линии современной архитектуры, так и герои П. Кадырова на протяжении романной жизни вырастают нравственно и поднимаются над суетой повседневности. Через борьбу, через поистине драматические конфликты они не только утверждают свою правоту, но и заново обретают друг друга.

Мы не будем подробно останавливаться на идейно-художественных особенностях «Алмазного пояса». Роман уже давно получил положительную оценку в критике, ему посвящены разделы в монографиях и ряд научных статей литературоведов Узбекистана [Алимова, 2019; Гибралтарская, Камилова, 2018; Эгамбердиева, 2016; Kamilova, Arustamyan, 2020]. Перед нами другая цель: выявить особенности воссоздания в переводе с узбекского языка на русский глубинного смысла оригинального художественного текста, сделав акцент на воспроизведении переводчиком важнейшей черты оригинала – его национальной специфики. Переводчик романа «Алмазный пояс» на русский язык – известный русскоязычному читателю литературный критик и журналист Юрий Иванович Суровцев, заслуженный работник культуры Узбекистана. Он имеет большой переводческий опыт, причем в особенно трудном жанре художественной прозы – историческом романе. Перевод Ю. Суровцевым «Сокровищ Улугбека» Адыла Якубова, как было показано в наших предыдущих работах, отличается «бережным отношением и скрупулезной тщательностью при воссоздании на русском языке ориентальных и исторических деталей оригинала, вниманием к национальному миру средневековой Азии, всему тому, что составляет “воздух” романа Якубова» [Камилова, 2014, с. 61].

При переводе «Алмазного пояса» перед Ю. Суровцевым стояла иная, более легкая, на

первый взгляд, задача: воспроизвести на русском языке мир современной Азии, воплощенной в романе. Однако перевод произведения на современную тему, как известно, сопряжен с рядом трудностей.

Переводчик романа сумел в целом верно воссоздать, говоря словами Л. Бархударова, «ту реальную ситуацию, ту внеязыковую действительность, которая в данном тексте описывается» [Бархударов, 1978, с. 46]. Во многом перевод близок к оригиналу, представляет собой не «рабское копирование» [Комиссаров, 1982, с. 3] подлинника, а творческое его освоение. Русский читатель романа получил возможность постичь специфичный быт городских узбеков, увидеть штрихи национального характера героев, проникнуть в национальную психологию персонажей. Ю. Суровцеву зачастую удается найти, может быть, единственно верный путь при переводе конкретных национальных реалий, передать почти в первозданности некоторые языковые особенности романа, как, например, в случае с переводом названия арыка Полумас:

(1) ...есть арык, который называется Пулемас – значит, не требующий денег. Шерзод подсчитал, во сколько примерно обойдется бетонирование его русла, и оказалось – около миллиона рублей! Вот тебе и Пулемас – такую прорву денег слопать готов (Кадыров, с. 24).

Сравним с подстрочным переводом:

(2) ...есть, оказывается, арык, который называется Пулемас. Мы приблизительно подсчитали, во сколько обойдется перестройка и бетонирование его – оказалось, в один миллион рублей! Вот сколько денег должен съесть у нас только один Пулемас!

Благодаря введенному переводчиком внутриконтекстовому пояснению – *значит, не требующий денег* – появилась возможность адекватного воспроизведения содержания оригинала, причем изобразительные элементы перевода и подлинника в функциональном смысле равноценны. Переводческой удачей Ю. Суровцева можно считать языковую экономность, когда минимумом слов переводчик добился четкости и емкости выражения мысли, при этом ненавязчиво дав русскоязычному читателю возможность почувствовать игру слов узбекского языка.

Ю. Суровцев хорошо знаком с культурными традициями узбекского народа, он глубоко проник в кладовые народной мудрости и фольклора, что позволяет ему донести до русского читателя практически все смысловые оттенки восточных пословиц и поговорок, найти эквивалентную замену идиомам и реалиям с ярко выраженной национальной окраской. При этом переводческие потери, как правило, сведены к минимуму. Так, при переводе узбекской поговорки *Голам сатанг достигал сот, бор чета узина утирала* Ю. Суровцев использует простой способ калькирования и тем самым добивается полной тождественности смысла и ритмического строя фразы на русском языке узбекскому оригиналу: *Если собрался ковер продавать, продай другу, тогда и сам на краешке посидишь*.

Другой пример – диалог Аброра с Шерзодом Бахрамовым, когда выведенный из себя подлостью бывшего сокурсника, а ныне одного из руководителей строительством нового Ташкента, Аброр в сердцах бросает ему в лицо упрек: *...сизга ишонийи – сувга суйниий билан баробар экан*. Калькирование и в этом случае не привело бы к разрушению смысловой и ритмической интонации сравнения, ср. перевод в подстрочнике: *...верить вам – все равно, что опираться на воду*. Как видим, смысловая структура сравнения не деформирована, сохраняется даже количество слов. Следовательно, не нарушена и ритмическая организация речевой конструкции. Однако дословно переводить эту фразу нельзя, так как звучит она не по-русски. Здесь Ю. Суровцев использует, казалось бы, парадоксальный прием: отдалается от слов текста, но приближается к смысловой структуре выражения в целом, стремясь сохранить «дух» в ущерб «букве». В русском переводе фраза представлена следующим образом: *Оказывается, верить тебе – все равно что болото за твердый асфальт принять!* (Кадыров, с. 112). Несмотря на то что в переводе появились слова *болото* и *асфальт* и русский текст даже отдаленно не напоминает оригинал, есть все основания оценить перевод как удачный, как вполне возможный вариант, воплощающий так называемую переводческую «интерпретацию». Она не противопоставлена понятию «перевод» и является, по верному ут-

верждению В. Комиссарова, «неотъемлемую часть переводческого процесса» [Комиссаров, 1982, с. 19]. Переводчик в данном случае добился безусловного функционального подобия перевода оригиналу, ибо на Шерзода Бахрамова, хорошо владеющего русским языком, слова Аброра, воспроизведенные в полном смысле по-русски, оказали бы то же воздействие, что и узбекская фраза. Таким образом, вариант перевода, выбранный Ю. Суровцевым, вполне соответствует идейно-художественным задачам подлинника, органично вплетается в художественную ткань произведения, ибо несет ту же смысловую нагрузку и интонацию, обладает той же эмоциональной окраской, что и узбекский вариант.

При переводе художественного произведения с одного языка на другой важна не буквальная тождественность перевода оригиналу, а воспроизведение «духа» произведения, того, что «лежит за текстом». В этих случаях, по мысли Н.В. Гоголя, переводчику иногда необходимо отдаляться от слов подлинника для того, чтобы быть к нему ближе. Переводческой манере Ю. Суровцева свойственно именно такое «отдаление» с целью более глубокого и верного выражения авторской мысли.

Однако в целом удачный перевод романа «Алмазный пояс» не лишен ошибок и неточностей, причем они здесь не обусловлены так называемыми трудными случаями, характерными, главным образом, для практики перевода художественно-исторической литературы, обладающей архаичной национальной спецификой, перегруженной уникальными историческими реалиями, особой безэквивалентной лексикой и т. п.

Роман Пиримкула Кадырова «Алмазный пояс» – о жизни конца XX в., главные герои – люди, родившиеся в сороковые годы XX столетия, хорошо владеющие русским языком. В характерах героев романа превалирует общечеловеческое над узко национальным, специфическим, но это не лишает героев П. Кадырова национальных черт, отличающих их от представителей других народов СНГ. В языке и поведении Аброра и Вазирсы, Агзам-аты и Ханифы-холы, Шерзода и многих других проявляется то особенное, что позволяет видеть в них представителей узбекского, а не другого народа.

Требование к переводчику внимательно изучать особенности национальной среды и национального характера вполне естественны и высказываются практически в каждой статье, касающейся проблем перевода. Однако реализация этого требования – сама по себе сложная задача – еще более усложняется, если переводчик ограничен слишком узкими рамками, мотивированными субъективным пониманием национальной специфики «западного» или «восточного» характера. Приведем пример. В конце XX в. редакция журнала «Вопросы литературы» часто проводила в Москве встречи переводчиков за круглым столом. На одной из них состоялась дискуссия об общих и частных проблемах художественного перевода в связи с различиями восточных и западных культур. Одно из выступлений оказалось неожиданным. Известный специалист по проблемам перевода и переводчик поэзии Ш. Шамухамедов внес немало интересных, заслуживающих внимания предложений, однако заявил: «Тут очень много сложностей, которые предстоит преодолеть переводчику. Возьмем такое природное явление, как снег. Снег для восточных народов – это беда, а для русских – праздник, радость. Или черты характера – в русском характере все ясно, открыто – и радость, и горе переживаются открыто, “на миру”. На Востоке порой трудно понять, радуется человек или нет. Например, громкий смех раньше осуждался. Все эти особенности переводчик обязан знать, иначе невозможно воссоздать средствами иного языка национальный характер того или другого народа» [Шамухамедов, 1979, с. 66].

Если доверчивый переводчик примет это пожелание за незыблемое правило, то не избежать неудачных переводческих решений, ибо то, что верно по отношению к конкретным произведениям и конкретным героям, может быть совершенно не применимо к иному опыту и иным персонажам.

Метафора холода часто была тропом с отрицательными коннотациями у многих восточных мастеров слова. Как символ беды она использована, например, у Айбека в «Священной крови», у С. Бородина в «Звездах над Самаркандом», писателя, унаследовавшего ориентальную эмблематику Востока, и т. д. Однако для земледельца, будь то

узбек или представитель другой центрально-азиатской национальности, выпавший зимой снег – это радость: снег – это залог будущего богатого урожая, а значит – жизнь, счастье, достаток. Например, в романе «Гроза» известного узбекского писателя Назира Сафарова рассказывается о тяжелой доле простых дехкан в одном из глухих кишлаков Бухарского эмирата в самом начале XX века. Каждодневный изнурительный труд бедняков едва-едва позволял им сводить концы с концами. Вся надежда на урожай со скудных земель. В одном из эпизодов романа писатель передает беседу сельчан, съехавшихся на поминки из разных кишлаков Нурагинского предгорья:

(3) К беседующим подошел почтенный старец из соседнего кишлака, которого в соответствии с обычаями и традициями усадили на самое почетное место.

– Большой снег выпал, – сказал старик, обращая внимание присутствующих на густо идущий за окном снег (Сафаров, с. 124).

Как для самого писателя, так и для переводчика выбор национальной символики всегда художественно конкретен и не может быть регламентирован заранее. Что же касается русского характера, в котором, по мнению уважаемого критика, все «ясно» и «открыто», то, видимо, А. Пушкин, Н. Гоголь, Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Толстой и А. Чехов совершенно неоправданно «погружали» читателя в дебри психологии в чем-то похожих, а в чем-то очень разных своих героев. Кроме того, заметим, что независимо от национальности по-разному переживается людьми горе: кто-то ищет сочувствия и утешения у других людей, кто-то замыкается в себе, оставаясь один на один со своими переживаниями. Радостью же представители всех народов без исключения и почти одинаково делятся с людьми: ср. празднование свадьбы, новоселья, рождения ребенка и т. д. На Востоке тоже смеялись, иногда громко и «на миру», например на состязаниях острословов, именуемых *аския*. Однако молодой жене в стародавние времена в присутствии родственников мужа и посторонних людей действительно смеяться запрещалось, как и появляться на людях без паранджи, но не на всем Восто-

ке. Казахи, киргизы и некоторые другие народы Средней Азии никогда не пользовались паранджой. Значит, и Восток бывает разным. Нет двух абсолютно одинаковых представителей одной национальности, но есть много явлений жизни и природы, к которым одинаково относятся представители разных культур, разных народов. Национальный характер – явление чрезвычайно многогранное, а потому подходить схематично к художественному его воспроизведению (будь то в оригинальном произведении или переводе) недопустимо.

В русском тексте «Алмазного пояса» читатель часто встречает слово *ханум*, которое традиционно воспринимается носителями русской культуры как номинация (иногда присоединяемая к имени), отражающая уважительное отношение к женщине, желание подчеркнуть ее значимость. Однако в переводе романа слово *ханум* не всегда уместно и не всегда отражает ту «затекстовую» действительность, которую должно было бы отразить. Причина погрешности – ориентированность переводчика на стереотип. Нужно отметить, что слово *ханум* зафиксировано в лексическом составе узбекского языка, на момент выхода в свет перевода романа оно перешло в пассивный запас и стилистически маркировано как книжное, поэтому в разговорной речи используется с насмешливо-ироническим, иногда шутивным оттенком. В современной же речи более употребительно слово *хон*: *Вазира-хон*, *Мавлуда-хон* и т. п. В романе Пиримкула Кадырова представлено слово *хон*, а не *ханум*. Тем не менее, если не быть чрезвычайно требовательным к переводчику, можно согласиться с решением использовать слово *ханум* в некоторых эпизодах романа, например, когда между Шерзодом и Вазирой – давними знакомыми, однокурсниками, некогда в юности любившими друг друга, – идет полусерьезный, полшутливый разговор в самолете по пути в Москву:

(4) Ну, ханум, совсем попала под влияние своего отставшего от жизни мужа. Я удивлен, Вазира, куда девалась ваша недавняя независимость?; Я с вами не спорю, ханум, относительно правомерного успеха вашего супруга в Москве, но в Ташкенте, вообще говоря, он уж очень цепляется за старые традиции (Кадыров, с. 78).

Здесь слово *ханум*, привнесенное в текст перевода, выполняет те же функции, что и слова *мадам*, *сударыня*, употребляемые в шутовском разговоре. Однако в ситуации, когда Аброр обращается к своей теще Зумрад Садыковне:

(5) Не горячитесь, ханум. Давайте побеседуем спокойно (Кадыров, с. 87).

Слово *ханум*, адресованное человеку старшему и к тому же уважаемому не менее, чем родная мать, звучит несколько фривольно.

Слово *ханум* переводчик внес в текст романа, не принимая во внимание специфику его современного использования. Кроме того, не учитываются особенности транслитерации с узбекского: должно быть *хоным* (*ханум* – кавказский вариант). Это упущение автора перевода незначительное, ибо для русского читателя слово *ханум* маркирует восточную реалию.

Более существенные стилистические нарушения связаны с трансформацией личных имен (*Алибек* при переводе превращается в *Алика*), несоблюдением этикетных требований (зять и шурином обращаются друг к другу на «ты»). Здесь изменена не «буква», а «дух» оригинального текста.

Отметим, что во времена, описанные в романе «Алмазный пояс», в среде молодых людей иногда бывали случаи преобразования узбекских имен на русский манер: *Али – Алик*, *Эргаиш – Эдик*, *Тулкун – Толик* и т. п., однако это нетипичное явление, кроме того, в романе *Алибек* превратился в *Алика* в устах собственной матери, человека пожилого, давшего ему при рождении имя *Алибек*. Маленькая деталь, может быть не замеченная переводчиком, способствовала нивелированию национальной специфики текста.

Чрезвычайно редким в узбекских семьях является обращение на «ты» даже в тех случаях, когда между родственниками идет нелицеприятный разговор. Такая подмена тем более не оправдана, поскольку сам переводчик объясняет в тексте значение узбекских «ты» и «вы» и, говоря об узбекском «ты», точно замечает, что «оно не совпадает с русским: узбекское «ты» означает отношение свысока к другому человеку, проявленное в данный момент неуважение к нему или даже стремле-

ние ударить словом» (Кадыров, с. 102). Аброр не отчитывает Алибека, а пытается по-доброму образумить его, обратить внимание на неприглядность поведения и несостоятельность его мировоззренческих позиций. Верит, как мы убеждаемся в романе, не напрасно в исправление Алибека, а потому в такой ситуации, произошедшей она в реальности, не мог Аброр перейти на «ты», оскорбив тем самым собеседника.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что национальная специфика, отраженная в речевых формах, и сегодня не потеряла своей значимости. Совокупность подобных деталей и определяет своеобразие народа, его менталитет; вольное или невольное пренебрежение ими может привести к размыванию национально-культурных особенностей переводимого произведения. Не сомневаясь в истинности тезиса о том, что перевод на русский язык становится полноценным явлением русской литературы, мы не вправе отвергать и незыблемое правило: он должен одновременно оставаться фактом художественной литературы народа, на языке которого создан оригинал. В противном случае невозможна ситуация, когда, говоря словами А.Н. Толстого, «читатель перевода переносился бы в ту же сферу, в которой находится читатель оригинала, и чтобы перевод действовал на те же нервы» [Толстой, 1969, с. 333].

Погрешности перевода «Алмазного пояса» возникают и в тех случаях, когда в нем появляются слова, которых в оригинале нет и быть не могло. Трудно, например, согласиться с решением переводчика внести в текст произведения такие строки:

(6) Но что тут поделаешь, ежели он вроде матрешки: сидят, скрываются друг в друге несколько разных Авроров, и один из них, самый, может, изначальный укрылся и жалит другого. <...> Не муж, а тряпка... спешил дуралей, гнал машину... для чего? <...> А вот поди-ка, внутри матрешки жил, оказывается, еще и старый «восточный» Аброр. Вековой инстинкт... гены? Пусть так, но его жена должна быть безукоризненно честной, преданной. И чтоб никто не имел никакого, ни малейшего повода в том усомниться! (Кадыров, с. 143).

Монолог героя, его переживания, мучительная внутренняя борьба между интеллигентным, получившим современное образова-

ние, воспитанным в новых традициях Аброром и Аброром, как оказалось, еще не вполне освободившимся от векового наследства отживших традиций, на первый взгляд, переводчиком переданы верно. Сопоставим художественный перевод с подстрочным:

(7) В Аброре, который считал себя вполне современным и интеллигентным человеком, оказывается, совершенно независимо жил и другой Аброр, унаследовавший древние инстинкты предков. Этот «внутренний» Аброр сейчас саркастически цедил: «Суетился с утра, спешил, гнал машину и все для того, чтобы впопыхах отправить свою благоверную в дальний путь вручив ее на попечение давнему, жаждущему реванша сопернику. Не муж, а «тряпка» – жалил, как оса, этот изначальный Аброр Аброра современного <...> И все-таки целомудрие и верность жены настолько были дороги ему, что, если хоть малейшая тень и падала на них, он чувствовал себя ужасно неуютно и беспокойно до тех пор, пока подозрения не рассеивались окончательно.

Во-первых, спокойная, размеренная речь писателя приобрела в переводе Ю. Суровцева некоторую торопливость. Аброр у Пиримкула Кадырова – человек основательный и рассудительный, даже в самых сложных ситуациях не теряющий самообладания, – видимо, не может даже внутренний монолог строить в ритмическом ключе, навязанном ему переводчиком. Во-вторых, образ матрешки, неожиданно появившийся в переводе, не помогает понять душевное состояние и характер героя, а наоборот, вводит читателя в заблуждение, вызывает некоторое недоумение и употребление в одном контексте слов *матрешка* и *восточный*, а мягко, по-есенински «ввернутое» *дуралей* окончательно разрушает микроструктуру переведенного текста; если быть точнее, его национальный колорит. Неточности перевода приводят к искажению и других смыслов романа. Так, у П. Кадырова не несколько Аброров скрываются друг в друге, как стремится убедить нас переводчик, а происходит раздвоение личности и отсюда – душевный разлад, мастерски выписанный и позволяющий проникнуть в глубины психологии героя, увидеть «души изменчивой приметы» (Н. Заболоцкий). Для Аброра важно, чтобы жена, которую он очень любит, на самом деле была верна ему, и не только потому, что кто-то может усомниться в ее порядоч-

ности (интерпретация переводчика). Вечные спутники любви – ревность и необоснованные подозрения – внациональны, как и само чувство любви. Ревность обуревают не «восточного» Аброра, а вполне современного, интеллигентного человека, в этом своем чувстве похожего на людей разных национальностей (ср., например, с переживаниями Ленского, Арбенина и др.).

Небольшой по объему эпизод (но весьма значимый для выявления психологии и характера героя) поблек, потерял не только черты индивидуального стиля писателя, но и черты национальной специфики, присущие любому произведению искусства.

Известно, что художественное произведение есть способ и форма персонализированного выражения авторского «я», воплощение его творческой и психологической сути, мировоззренческой позиции. Несомненно, что перевод, в той же мере, что и процесс создания художественных произведений, акт творческий. Не случайно К.И. Чуковский в книге «Высокое искусство» заметил: «Художественные переводы потому и художественные, что в них, как и во всяком произведении искусства, отражается создавший их мастер, хочет он того или не хочет» [Чуковский, 1988, с. 46].

В отличие от оригинального литературного текста для перевода характерно «столкновение» двух типов субъектности – автора и переводчика, а значит, возникает опасность конфликта двух взглядов на мир, в частности несовпадение двух способов вербального описания действительности. Последнее есть, по видимому, частный случай нарушения «пропорции присутствия» автора и переводчика в тексте – замещение первого вторым. К.И. Чуковский писал об этом так: «В “Гамлете”, которого перевел Борис Пастернак, слышится голос Пастернака, в “Гамлете”, переведенном Михаилом Лозинским, слышится голос Лозинского» [Чуковский, 1988, с. 352].

В художественном переводе «Алмазного пояса» в большинстве случаев творческую стилизацию речи героев следует признать удачной, однако обнаруживаются и отдельные просчеты, приводящие к тому, что герои отрываются от своей почвы, становятся глухи к звукам родной речи и говорят на совершенно не характерном для себя жаргоне, например:

(8) Садись, Ахметка, пять – отметка! (Кадыров, с. 145).

Вряд ли можно ожидать, что эту вырванную из анекдота фразу произнесет Вазира. В тексте оригинала эквивалентного этому высказывания нет.

Неудачной является стилизация и в другом случае. Мать Абнора Ханифа-хола спрашивает у своего мужа:

(9) Хой, дадаси, сурнайчи нима булди? (Кодиров, с. 69).

Переводчик, видимо, решив приблизить текст перевода к подлиннику, воссоздает этот вопрос таким образом:

(10) Эй, отаси, а сын сурначи нашел? (Кадыров, с. 64).

Междометие *эй* как в русском, так и в узбекском языке, не должно соседствовать со словами, выражающими уважение, а потому Ханифа-хола никак не может в такой форме обращаться к мужу, которого почтительно называет *дадаси* (в переводе почему-то *отаси*). От узбекской фразы здесь ничего не осталось, а «одеться» в формы русского языка она так и не успела.

Бесспорно, что при переводе литературного произведения с одного языка на другой неизбежны потери как в передаче национально-культурной информации подлинника, так и национально-культурной специфики речевого поведения людей. Однако переводчику важно помнить, что, модернизируя речь литературных персонажей, заставляя героев говорить на языке, для них не свойственном, он нарушает единство связи языка и национальной культуры, одновременно искажая реальную действительность, а это в конечном счете снижает художественные достоинства перевода. В подтверждение этой мысли вновь обратимся к тексту. Увидев принесенную мужем бутылку вина «Старый замок», Вазира восклицает удивленно:

(11) Батюшки мои, «Старый замок»! Где это наш папочка сумел достать? Вы просто молодец, папа! (Кадыров, с. 171).

Ср. подстрочный перевод:

(12) Она прочла: «Старый замок». Ой, это вино очень хвалили! Оказывается, оно румынское. Где его нашли, Абнор-ака?

Как видим, в оригинале нет той умиленно-сюсюкающей интонации, которая появилась в переводе, есть просто радостное удивление и живая заинтересованность: действительно, где можно в наши дни достать столь редкое вино? Когда переводчик заставлял героиню воскликнуть *Батюшки мои!*, создается впечатление, что Вазира живет не в Ташкенте, а в средней полосе России, и не сегодня, а в конце XIX века. Желание переводчика договорить, домыслить за автора создает иногда неверное представление об особенностях национальной и социальной среды, отраженной в романе.

В художественном переводе «Алмазного пояса», выполненном Ю. Суровцевым по авторскому подстрочнику, недостатков, подобных рассмотренным в статье, гораздо меньше, чем достоинств, поэтому важно обратить внимание на переводческие промахи, устранение которых будет способствовать тому, что роман приобретет в переводе эстетическое звучание подлинника.

В филологии принято считать, что перевод обогащает воспринимающую литературу, творческий опыт и уроки мастерства усваиваются художниками слова и переводчиками, на родном языке которых обретает новую жизнь произведение инационального писателя, но бесспорно и то, что из поля зрения критики исчезает важная и вполне назревшая проблема воздействия перевода на творчество автора оригинала. Этому вопросу посвящены единичные статьи в журнале «Дружба народов», затрагивающие вопросы авторизованного и авторских переводов (см. подробнее: [Апаева, 2013; Большакова, 2004]). Однако пока нет исследований, раскрывающих, в какой мере работа над подстрочником собственного произведения влияет на творчество автора оригинала и как преломляется в творчестве писателя этот многотрудный опыт синтеза филологических и художественных усилий. Объектом таких исследований могли бы стать произведения многих писателей бывших союзных республик, в частности романы Пиримкула Кадырова.

На титульном листе второго издания «Алмазного пояса» (на узбекском языке) значится: «Переработанное и дополненное издание». Информация, казалось бы, более соотносимая с научной монографией или учебным пособием, но читатель, знакомый с первым изданием романа (1977 г.) и перечитавший второе, мог убедиться в том, что за этим скупым академическим пояснением стоит долгий, кропотливый труд писателя, заново пережившего со своими героями их радости и печали, драматические конфликты и жизненные испытания. Причиной обращения Пиримкула Кадырова к завершённому труду стала работа над подстрочником для русского перевода, в ходе которой у писателя появилось желание познакомить узбекского читателя с ее результатами. Пример и творческий опыт создания автором «Алмазного пояса» подстрочника собственного произведения достоин пристального внимания филологов, поскольку позволяет научно осмыслить проблемы авторизованного перевода, творческой работы автора над подстрочником, которая сквозь призму пересечения двух языковых стихий в конечном счете помогает ему по-новому взглянуть на свое детище и, опираясь на опыт другой (например русской) литературы, критически подойти к результату своего труда. Отнюдь не преувеличивая значения работы писателя по подготовке романа к переводу на русский язык, все же следует подчеркнуть, что она несомненно во многом способствовала более глубокому звучанию «Алмазного пояса» в контексте национальной прозы.

Выводы

Оценивая художественный перевод Ю. Суровцева, отметим, что в тесном сотрудничестве с писателем переводчик в целом смог показать читателю индивидуальную палитру красок художника, в большинстве случаев бережно и внимательно отнесся к оригиналу, к его национально-культурной специфике, многими удачами и некоторыми частными погрешностями в своей работе еще раз подтвердив справедливость истины о трудности поиска порой единственного слова, в первоизданности отражающего «мысль изреченную» и

национальную действительность, этой мыслью охватываемую.

Обобщая наблюдения над текстом оригинала и художественного перевода на русский язык, сформулируем некоторые требования к переводческой работе, ее алгоритм, реализация которого обеспечит передачу национального своеобразия и индивидуального стиля автора в переводном тексте.

Во-первых, необходима предпереводческая работа, которая поможет понять не только замысел писателя, его идейно-художественное своеобразие, но и стилевые доминанты творчества писателя в целом и конкретного художественного произведения в частности.

Во-вторых, техника перевода не должна допускать модернизации текста, потери «национальности» языка, для этого необходимо уделять внимание специфике синтаксических структур устной речи, особенностям тропов, поговорок, пословицам, поговоркам.

В-третьих, необходимо выделить речевые средства (стилистические доминанты), которые использует автор для создания собственного стиля и передачи национального колорита и в целом для воспроизведения национальной картины мира (лексические, синтаксические, стилистические (включая фоностилистические)).

Если переводчик учтет эти требования в процессе работы с текстом оригинала, то сможет максимально сократить неизбежные потери.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимова Н. Х., 2019. Американская новелла: к вопросу жанра // Филология и лингвистика. № 1 (10). С. 1–4.
- Апаева А. Ю., 2013. История герменевтики от Шлейермахера до Гадамера // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 11 (112). С. 60–71.
- Бархударов Л. С., 1978. Что нужно знать переводчику? // Тетради переводчика. Вып. 15. М.: Международные отношения. С. 40–57.
- Большакова Н. И., 2004. Национальная картина мира и проблема лакуарности игры слов в художественном переводе // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. № 17. С. 87–88.

- Виноградов В. С., 1978. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М. : Изд-во МГУ. 174 с.
- Гибралтарская О. Н., Камилова С. Э., 2018. Специфика передачи индивидуального стиля писателя при переводе художественной прозы с узбекского на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 12 (805). С. 116–125.
- Камилова С. Э., 2014. Особенности воссоздания национальной картины мира при переводе современной узбекской прозы на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 695. С. 59–63.
- Комиссаров В. Н., 1982. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. Вып. 19. М. : Высш. шк. С. 1–19.
- Комиссаров В. Н., 2002. Современное переводоведение. М. : ЭТС. 414 с.
- Кудрявцева Н. С., 2009. Герменевтика в искусстве перевода // Новітня філологія. № 11 (31). С. 237–244.
- Мошкочич В. В., 2013. Оценка качества перевода и использование адекватности и эквивалентности как критериев оценки качества перевода // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 10. С. 291–297.
- Толстой А., 1969. Письмо к С.А. Толстой, 1867 // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. М. : Правда. С. 333–334.
- Федоров А. В., 1968. Основы общей теории перевода. М. : Высш. шк. 304 с.
- Чуковский К. И., 1988. Высокое искусство. М. : Сов. писатель. 384 с.
- Шамухамедов Ш., 1979. Дела организационные // Вопросы литературы. № 5. С. 51–69.
- Швейцер А., 1988. Теория перевода: (статус проблемы, аспекты). М. : Наука. 214 с.
- Эгамбердиева Г. М., 2016. Об особенностях перевода дастана «Рустамхан» // Звезда Востока. № 3. С. 144–146.
- Kamilova S. E., Arustamyan Ya. Yu., 2020. Original Projections of Author's «Self» in Modern Russian and Uzbek Short Story // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. No. 13 (12). P. 2012–2026. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0700>.
- Кодиров – Кодиров П. Олмос камар. Ташкент : Янги асп, 2019. 416 с.
- Сафаров – Сафаров Н. Гроза. Ташкент : Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1984. 223 с.

REFERENCES

- Alimova N.Kh., 2019. *Amerikanskaya novella: k voprosu zhanra* [American Short Story: On the Question of Genre]. *Filologiya i lingvistika*, no. 1 (10), pp. 1–4.
- Apaeva A.Yu., 2013. *Istoriya germeneytiki ot Shleyermakhera do Gadamera* [History of Hermeneutics from Schleiermacher to Gadamer]. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedeniye»* [RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series Academic Journal], vol. 11 (112), pp. 60–71.
- Barkhudarov L.S., 1978. *Chto nuzhno znat perevodchiku?* [What Does a Translator Need to Know?]. *Tetrady perevodchika*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, no. 15, pp. 40–57.
- Bolshakova N.I., 2004. *Natsionalnaya kartina mira i problema lakunarnosti igry slov v khudozhestvennom perevode* [The National Picture of the Word and the Problem of Lacuna Pun in Literary Translation]. *Visnyk Zhytomyrskogo derzhavnogo universytetu imeni Ivana Franka* [Zhitomir Ivan Franko State University Journal], no. 17, pp. 87–88.
- Vinogradov V.S., 1978. *Leksicheskiye voprosy perevoda khudozhestvennoy prozy* [Lexical Issues of Prose Translation]. Moscow, Izd-vo MGU. 174 p.
- Gibraltarskaya O.N., Kamilova S.E., 2018. *Specifika peredachi individualnogo stilya pisatelya pri perevode khudozhestvennoy prozy s uzbekskogo na russkiy yazyk* [Specifics of Transmission of the Writer's Individual Style in Translating Literary Prose from Uzbek into Russian]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], vol. 12 (805), pp. 116–125.
- Kamilova S.E., 2014. *Osobennosti vossozdaniya nacionalnoy kartiny mira pri perevode sovremennoy uzbekskoy prozy na russkiy yazyk* [Peculiarities of Reproducing the National Picture of the World in Translating Modern Uzbek Prose into Russian]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 695, pp. 59–63.

ИСТОЧНИКИ

Кадыров – Кадыров П. Алмазный пояс : Ташкентский городской роман / пер. с узб. Ю. Суруцева. М. : Сов. писатель, 1984. 270 с.

- Komissarov V.N., 1978. Perevod i interpretatsiya [Translation and Interpretation]. *Tetradi perevodchika*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., no.19, pp. 1-19.
- Komissarov V.N., 2002. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Modern Translation Studies]. Moscow, ETS Publ. 414 p.
- Kudryavtseva N.S., 2009. Germenevtika v iskusstve perevoda [Hermeneutics in the Art of Translation]. *Novitnyya filologiya*, no. 11 (31), pp. 237-244.
- Moshkovich V.V., 2013. Otsenka kachestva perevoda i ispolzovanie adekvatnosti i ekvivalentnosti kak kriteriev otsenki kachestva perevoda [Evaluation of the Translation's Quality and Usage of Adequacy and Equivalence as Criteria for Translation's Quality Evaluation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 10, pp. 291-297.
- Tolstoy A., 1969. Pismo k S.A. Tolstoy, 1867 [A Letter to S.A. Tolstaya, 1867]. *Sobranie sochineniy. V 4 t. T. 4* [Collection of Works. In 4 Vols. Vol. 4]. Moscow, Pravda Publ., pp. 333-334.
- Fedorov A.V., 1968. *Osnovy obschey teorii perevoda* [Fundamentals of General Translation Theory]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 304 p.
- Chukovskiy K.I., 1988. *Vysokoye iskusstvo* [The High Art]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ. 384 p.
- Shamukhamedov Sh., 1979. Dela organizatsionnye [The Organizational Matters]. *Voprosy literatury*, no. 5, pp. 51-69.
- Shveytser A., 1988. *Teoriya perevoda: (status, problemy, aspekty)* [Translation Theory: (Status, Problems, Aspects)]. Moscow, Nauka Publ. 214 p.
- Egamberdieva G.M., 2016. Ob osobennostyakh perevoda dastana «Rustamkhan» [On the Peculiarities of the Saga “Rustamkhan” Translation]. *Zvezda Vostoka*, no. 3, pp. 144-146.
- Kamilova S.E., Arustamyan Ya. Yu., 2020. Original Projections of Author's “Self” in Modern Russian and Uzbek Short Story. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, no. 13 (12), pp. 2012-2026. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0700>.

SOURCES

- Kadyrov P. *Almazniy poyas: Tashkentkiy gorodskoy roman* [The Diamond Belt: Tashkent Urban Novel]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1984. 270 p.
- Kodyrov P. *Olmos kamar* [The Diamond Belt]. Tashkent, Yangi asr Publ., 2019. 416 p.
- Safarov N. *Groza* [Thunderstorm]. Tashkent, Izd-vo literatury i iskusstva imeni Gafura Gulyamova, 1984. 223 p.

Information About the Authors

Saodat E. Kamilova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Russian Literary Studies, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Universitetskaya St, 4, 700174 Tashkent, Uzbekistan, ksaodate@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7542-3970>

Nasirulla M. Mirkurbanov, Candidate of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Literary Studies, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Universitetskaya St, 4, 700174 Tashkent, Uzbekistan, sadmir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6827-660X>

Информация об авторах

Саодат Эргашевна Камилова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского литературоведения, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, ул. Университетская, 4, 700174 г. Ташкент, Узбекистан, ksaodate@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7542-3970>

Насирулла Мирсултанович Миркурбанов, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского литературоведения, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, ул. Университетская, 4, 700174 г. Ташкент, Узбекистан, sadmir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6827-660X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.8>

UDC 81'322.4
LBC 81.184

Submitted: 11.12.2020
Accepted: 30.03.2021

EFFICIENCY OF MACHINE TRANSLATION IN URBAN DISCOURSE

Svetlana A. Korolkova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Anna A. Novozhilova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. This article aims to analyze the use of *Yandex.Translate*, an online machine translation system, in translating urban discourse texts on the web. The authors use integrative linguistic-and-pragmatic approach to assess machine translation quality in a global digital setting. The aim is to show the efficiency of a state-of-the-art machine translation system and to investigate its usefulness in practical application. The authors perform a detailed analysis of the Paris city website content, which is automatically translated from French into Russian with *Yandex.Translate*. The data selection is justified by the absence of official foreign versions of this website, which points to the need of machine translation engines integrated in a web browser. Less than 20% of the analysed machine-translated texts demonstrate high language quality, whereas 60% can be referred to as acceptable – the text preserves the meaning of the source but contains some errors and inaccuracies in the target language. About 20% of the machine-translated text contains blunders, which violate Russian language norms. It causes source text contents distortion and communication failures. In the end, a classification of the system errors is presented. It is also concluded that machine translation would substitute middle-skilled human translators in the future. However, the use of such systems will enforce standardisation and simplification of the target language.

Key words: information technology, machine translation, *Yandex.Translate*, translation quality, language norm, semantic error, urban discourse.

Citation. Korolkova S.A., Novozhilova A.A. Efficiency of Machine Translation in Urban Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 87-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.8>

УДК 81'322.4
ББК 81.184

Дата поступления статьи: 11.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА В УРБАНИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Светлана Азадовна Королькова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Анна Алексеевна Новожилова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу системы машинного перевода «Яндекс.Переводчик» и ее использованию в сети Интернет для перевода текстов урбанистического дискурса. Для оценки качества работы системы в условиях гиперглобализации цифрового пространства используется интегративный лингвопрагматический подход. Цель работы – показать уровень развития современных систем машинного перевода и выявить целесообразность их использования для потребительских целей. Представлены результаты анализа перевода контента официального городского интернет-портала г. Парижа, выполненного программой «Яндекс.Переводчик» с французского языка на русский. Выбор материала исследования обус-

ловлен отсутствием переводных версий данного портала на других языках, что подтверждает факт востребованности встроенных в браузер систем машинного перевода. Выявлено, что менее 20 % текста, переведенного машинным переводчиком, показывают высокое качество продукта, около 60 % материала переведено на уровне «приемлемого качества», при котором допускаются ошибки и неточности, не искажающие смысла исходного текста, такой речевой продукт не представляет собой полностью корректного текста на языке перевода; около 20 % переведенного контента содержат семантические ошибки и грубые нарушения языковой нормы русского языка, которые приводят к искажению содержания исходного текста и сбою в коммуникации. Представлена классификация ошибок, допускаемых системой, и сделаны прогностические выводы о том, что использование систем машинного перевода способствует стандартизации и упрощению языка и вытеснению с рынка переводчиков среднего уровня квалификации.

Ключевые слова: информационные технологии, машинный перевод, «Яндекс.Переводчик», качество перевода, языковая норма, семантические ошибки, урбанистический дискурс.

Цитирование. Королькова С. А., Новожилова А. А. Эффективность систем машинного перевода в урбанистическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 87–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.8>

Введение

Информационные технологии уже давно и прочно вошли практически во все сферы науки и техники, и современный мир уже невозможно представить без них. В последнее десятилетие наблюдается бурное развитие искусственного интеллекта и в этой связи все чаще звучат прогнозы о том, что роботы и «умные системы» вытеснят ряд профессий. Среди таких профессий иногда называют профессию переводчика, заявляя, что машинный перевод (МП) сможет заменить ее в ближайшем будущем. Данное утверждение может показаться на первый взгляд весьма обоснованным, поскольку в эпоху глобализации и распространения сети Интернет объемы информации на разных языках стремительно увеличиваются и потребность в их переводе постоянно растет, а системы машинного перевода совершенствуются и справляются с переводом огромного контента буквально за несколько секунд.

Лингвисты и ученые-переводоведы участвуют в развитии машинного перевода, анализируют и оценивают качество текстов, полученных при его помощи. Такие исследования способствуют выявлению языковых ошибок и проблем в работе машинных переводчиков и имеют практическую значимость для создателей лингвистического программного обеспечения. В настоящей статье исследуются возможности выполнять качественный перевод одной из наиболее используемых на сегодняшний день российских систем машинного перевода – «Яндекс.Переводчик».

Материалы и методы

Материалом исследования послужил контент официального городского интернет-портала Парижа (www.paris.fr) и его перевод на русский язык, выполненный машинным переводчиком «Яндекс.Переводчик» в автоматическом режиме (около 16 000 печатных знаков). Данная функция встроена в Яндекс.Браузер и предлагается системой при переходе пользователей на сайты на любом иностранном языке, поддерживаемом «Яндекс.Переводчиком».

Городской интернет-портал выбран в качестве материала исследования не случайно. Такие ресурсы становятся все более востребованными среди большого количества пользователей Интернета. Они привлекают внимание разных целевых групп: потенциальных туристов, предпринимателей и бизнесменов, инвесторов, специалистов в области истории, культуры, рекламы и т. д. Одной из основных задач городских интернет-порталов является реализация PR-функции, которая направлена на повышение аттрактивности города и формирование его позитивного бренда и имиджа [Гуреева, 2017, с. 129–130]. Городские интернет-порталы, по мнению Э.Ю. Новиковой, – это социокультурное пространство, в котором сочетаются признаки и элементы различных институциональных дискурсов: медийного, виртуального, административного, туристического, маркетингового, культурного и др. [Новикова, 2015, с. 468].

На наш взгляд, большинство текстов городских порталов можно отнести к так на-

зываемому урбанистическому дискурсу, который, как отмечают некоторые исследователи, сформировался в результате «пересечения большого количества дискурсов, от постфордистского дискурса до дискурса глобализации и оформления мирового города, общественного дискурса, административного дискурса и т. д.» [Зарубина, 2018, с. 178]. Урбанистический дискурс все чаще становится предметом исследования отечественных и зарубежных лингвистов, поскольку привлекает своим разнообразием жанров, стилей и яркой палитрой средств вербальной и невербальной коммуникации [Chen Fachun, Leontovich, 2020; Aiello, Tosoni, 2016; и др.]. В Интернете именно урбанистический дискурс становится «ключевым каналом трансляции территориального бренда, формирующим образ и ассоциации из набора символов, пресуппозиций, знаний, которые связаны с территорией как в глобальном, так и локальном сетевых контенте» [Попова, Королькова, Степанова, 2020, с. 124].

Анализируя машинный перевод такого разнопланового контента, можно проследить, как далеко продвинулся искусственный интеллект в сфере перевода и оценить, насколько эффективна его работа с текстами разных типов и какое потенциальное влияние может оказать машинный перевод на развитие переводческой отрасли и самого языка.

Исследование проводилось с применением следующих лингвистических методов исследования: описательный, сопоставительный методы, структурно-семантический, стилистический анализ, прием количественных подсчетов. Данные методы и приемы позволили выделить ряд преимуществ и недостатков использования программ машинного перевода при осуществлении межкультурной коммуникации в рамках урбанистического дискурса.

Результаты и обсуждения

До 20-х гг. XXI в. история развития и применения МП имела поступательный характер. Не углубляясь в историю становления и развития МП, можно смело утверждать, что наше время – бум МП как в сфере его развития, так и его применения и распространения.

М. Меняйлова, руководитель направления машинного перевода в компании ЭГО Транслейтинг, констатирует, что «начиная с 2000-х развитие МП ускоряется, с 2019 года мы можем наблюдать постоянные изменения в работе с МП каждые полгода, что вскоре может перерасти в глобальные обновления раз в месяц» [Меняйлова, 2020].

С одной стороны, появление коронавируса в 2020 г. поставило под сомнение сам феномен глобализации из-за мирового карантина и закрытия границ, с другой стороны, он же привел к гиперглобализации цифрового пространства. Человечество было вынуждено уйти на удаленную работу, и коммуникация в цифровом пространстве многократно увеличилась. Возникла насущная потребность в быстром переводе значительных объемов текста, что вызвано даже не только интернационализацией бизнеса, сколько гиперускорением технологического процесса и его повсеместным проникновением, в том числе и на бытовом уровне. Без систем машинного перевода мы не сможем общаться с «умными предметами» с голосовым управлением, которые разрабатываются в одной стране и продаются по всему миру. Очевидно, что интернационализация бизнеса, обучения, культурного и социального взаимодействия будет только усиливаться, и технологический прогресс в сфере искусственного интеллекта и МП будет только ускоряться. Публикация издательством Individuum в конце 2020 г. книги Дэниела Сасскинда «Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться» [Susskind, 2020], перевод которой был выполнен «Яндекс.Переводчиком» за 40 секунд и отредактирован профессиональным переводчиком А. Дунаевым за 3 месяца (обратите внимание на разницу во времени!) [Тарарак, 2020], как никогда актуализирует вопрос, задаваемый профессиональным переводческим сообществом с 50-х гг. прошлого века: заметит ли МП переводчиков. При этом, как отмечает Д. Беллос в своей книге «Что за рыбка в вашем ухе?», нужно помнить: МП не появился ниоткуда, на ровном месте. Все варианты перевода, выражения и т. д. придумал не МП, это результат бесконечного и кропотливого труда «человеческих переводчиков»: именно их переводы и создали корпуса тек-

стов, именно они вместе с программистами разрабатывали и развивали МП [Беллос, 2019, с. 152].

У неспециалиста, коим является заказчик, обратившийся в переводческое бюро, или любой рядовой потребитель МП, термин «машинный перевод» вызывает две реакции: либо ужас, либо полный восторг и убеждение, что машинный перевод вполне может заменить человеческий. Для профессионала, работающего в сфере перевода, МП – это инструмент, который необходимо использовать, поскольку он позволяет получить выгоду во времени и, соответственно, сократить финансовые затраты, но при этом следует быть готовым получить на выходе перевод «приемлемого качества», согласно Международному переводческому стандарту 2017 г. [ISO 18587: 2017]. Стоит отметить, что этот стандарт стал результатом ускорения прогресса в сфере МП и понимания, что спрос клиентов на использование МП будет только расти. Как отмечается во введении Стандарта, МП позволяет сократить затраты на перевод, ускорить выход товаров на конкретные рынки, но главное – увеличить потоки информации, сохраняя конкурентоспособность специалиста-переводчика. При этом в стандарте подчеркивается, что «скорость, с которой меняются системы машинного перевода, делает нецелесообразным разработку всеобъемлющего международного стандарта для этих систем, который может сдерживать инновации или игнорироваться индустрией разработки технологий перевода» [ISO 18587: 2017].

С 2018 г. все системы МП, предлагаемые ведущими IT-игроками на рынке переводческих услуг, например, российские компании Яндекс и Промт, являются гибридными, то есть объединяют базовый SMT-модуль перевода и модуль NMT, которые выполняют перевод, а третий модуль, в системе Яндекса (CatBoost), осуществляет на основании ряда факторов – длина предложения (короткие фразы лучше переводит статистическая модель), терминология и т. д. вплоть до синтаксиса, оценивание вариантов и выбирает лучший, который и предьявляется пользователю. Кроме этого, в коммерческих версиях есть возможность подключать уже на-

работанную Память переводов клиента для обучения системы, как показано в исследовании Р. Лука, что обеспечивает более эффективный перевод, поскольку качество инструментов МП напрямую зависит от качества корпуса текстов, с которым он работает [Loock, 2016]. По мнению М. Меняйловой, «современное развитие кастомизации движков машинного перевода под организацию, проект, тематику и любые задачи значительно расширяет границы применения МП и возможно даже стирает их вовсе» [Меняйлова, 2020]. Современные системы МП – это инструменты для облегчения труда переводчика, поскольку их можно использовать, с одной стороны, для выполнения рутинной работы переводчика, с другой стороны, для сокращения затрат (временных и финансовых) заказчика.

Использование МП на профессиональном переводческом рынке уже имеет свои четкие ориентиры. Профессионалы знают, для каких типов текстов и в какой предметной сфере его использование даст максимальный результат и выгоду. Они осознают пределы его использования и понимают, в каких случаях его использование оправдано. Для профессионалов очевидно, что МП не устраняет человека-переводчика, а создает новые сферы деятельности, например, постредактирование МП (МТРЕ – machine translation post edition). Следовательно, важно сфокусировать исследование на использовании МП в так называемых «бытовых» ситуациях, когда потребитель «неспециалист», не владеющий иностранным языком, прибегает к использованию МП для решения сиюминутных потребностей: ознакомиться со статьей с иноязычного ресурса, с иноязычным сайтом во время путешествий и т. д. В таких ситуациях потребитель использует общедоступные ресурсы – «Яндекс.Переводчик», «Google.Translate» или аналогичные им ресурсы в социальных сетях, например, в Фейсбуке. Французское подразделение Фейсбука, разрабатывая собственную систему МП (уже сейчас в этой сети осуществляется более 4 миллиардов переводов в день в режиме «timeline»), делает ставку на «потребительский» МП для редких языков (пушту, суахили, кхмерский или непальский), на которых практически не существует корпусов текстов, при

этом разработчики пытаются создать практически универсальные модели, применимые к любой языковой паре [Lupieri, 2019].

Обратимся к контенту официального городского интернет-портала столицы Франции. Такие сайты, как уже отмечалось выше, изобилуют текстами разных жанров и стилей, и на примере работы системы «Яндекс.Переводчик» дадим оценку эффективности ее использования при переводе этих ресурсов для «потребительских» целей.

Официальный портал Парижа www.paris.fr (site officiel de la Ville de Paris) имеет отличительную черту: он – одноязычный, то есть любой пользователь Интернета, пытающийся найти здесь нужную для себя информацию, сталкивается с языковым барьером и необходимостью воспользоваться услугами МП. При этом внизу презентационной страницы находится ссылка «Visit Paris. Tourist Office» на многоязычную (11 языков – все основные европейские, а также русский, китайский, японский и корейский языки) туристическую страницу французской столицы www.parisinfo.com. Иными словами, не владеющий французским языком пользователь Интернета может ознакомиться только с туристической информацией: достопримечательности и краткая историческая справка, мероприятия, музеи, рестораны, транспорт и т. д., но получить практические сведения и информацию о повседневной жизни парижан, воспользоваться полезными для повседневной жизни ссылками и т. д. с официальной страницы города без МП он не сможет.

Итак, проанализируем контент и МП главной страницы городского портала Парижа, вкладки которой отправляют к текстам разного содержания, жанров и адресованы разнообразной целевой аудитории. Перевод страницы «Яндекс.Переводчиком» выполнен без пропусков: все рубрики и все микротексты переведены. Анализ переведенной страницы позволяет сделать вывод, что 15–20 % контента переведено на хорошем уровне и соответствует запросу требовательного в языковом плане получателя. Это в первую очередь названия рубрик в форме простых предложений, не содержащих культурно маркированных и многозначных единиц, понимание которых вне контекста затруднено.

(1) *Visite virtuelle: la Bibliothèque historique à 360°.*

Виртуальный *тур*: Историческая библиотека на 360.

(2) *Cours d'adultes de Paris.*

Курсы для взрослых в Париже.

(3) *Les restaurateurs peuvent réserver des stands sur les marchés.*

Рестораторы могут забронировать *киоски* на рынках.

При этом следует отметить, что «Яндекс.Переводчик» находит для выделенных единиц наиболее адекватный контексту вариант перевода, который не зафиксирован в словарях, то есть движок учитывает смысловые связи внутри предложения, а качество параллельных текстов статистической модели движка высокое.

Перевод 50–60 % контента можно характеризовать как текст «приемлемого качества» («good enough») в терминологии центра TAUS (Translation Automation User Society) и Международного стандарта 2017. При таком качестве текст перевода точно передает смысл исходного сообщения, но не является грамматически, синтаксически и стилистически корректным с точки зрения языковой нормы [TAUS, 2010]. Иными словами, перевод является правильным с точки зрения семантики, в нем нет случайных добавлений или опущений, и в результате МП не появилось неприемлемого с точки зрения культуры переводного языка контента. Однако такой переводной текст вызывает, как правило, «когнитивный диссонанс» у профессиональных переводчиков, лингвистов и других получателей, трепетно относящихся к языку. Рассмотрим недочеты, вызванные самыми разнообразными причинами.

Для этой группы характерны в первую очередь недочеты, возникающие при калькировании, когда не учитывается контекст и нарушается лексическая сочетаемость. Чаще всего они появляются при переводе многозначных слов или контекстов. Ср:

(4) *Couvre-feu, fermetures... toutes les mesures à Paris.*

Комендантский час, *закрытие*... все меры в Париже.

(5) *Signaler une anomalie avec DansMaRue.*

Сообщить *об аномалии* с DansMaRue.

(6) Une nouvelle *halte* de nuit pour les femmes sans abri.

Новая ночная *остановка* для бездомных женщин.

(7) En raison du *contexte sanitaire*, les cours des mineurs sont suspendus à partir du 16 janvier.

Из-за санитарного контекста занятия для несовершеннолетних приостанавливаются с 16 января.

Во всех приведенных примерах получатель без больших усилий способен понять содержание высказываний: в (4) речь идет о *списке организаций, закрытых* в связи с эпидемией COVID-19; в (5) – о *технических неполадках* в указанной рубрике; в (6) – о *приюте* для женщин, попавших в сложную ситуацию; в (7) – об *эпидемиологической ситуации*.

К недочетам этого же уровня, то есть характерным для «приемлемого качества», можно отнести и грамматические ошибки:

– несогласование падежа после числительных:

(8) 13 «arbres remarquables» dans Paris;

13 замечательные деревья в Париже;

(9) 15 expos à ne pas manquer en 2021;

15 выставки, которые нельзя пропустить в 2021 году;

– неправильный выбор предлога из нескольких потенциальных вариантов в переводном тексте:

(10) les musées parisiens travaillent déjà à vous proposer *pour* 2021;

музеи уже работают над тем, чтобы предложить вам *для* 2021;

– потеря анафорических связей и эллипса:

(11) La vaccination *des plus de 75 ans* débute ce lundi.

Вакцинация *старше 75 лет* начинается в понедельник.

(12) *Vous avez jusqu'au 7 février* pour vous inscrire en ligne.

У вас есть до 7 февраля, чтобы зарегистрироваться в Интернете.

В приведенных примерах получатель на языке перевода легко восстанавливает пропущенные машиной смысловые связи и понимает, что речь идет о вакцинации *людей старше 75 лет* и *возможности до 7 февраля* получить какую-то услугу.

Наиболее частотным является такой недочет, как дословный перевод, при котором происходит нарушение лексической и грамматической сочетаемости.

(13) A partir du 16 janvier, seuls les équipements sportifs extérieurs restent ouverts jusqu'à 18 h.

С 16 января до 18 часов *остается только открытый* спортивный инвентарь.

(14) *Sa sépulture est visible* au cimetière de Montmartre.

Его захоронение видно на Монмартрском кладбище.

Получатель понимает, что в высказывании (13) речь идет о том, что *с 16 января спортивное оборудование на открытом воздухе доступно для занятий до 18 часов*, в (14) – о том, что *могилу можно увидеть на кладбище Монмарта*. Таких примеров достаточно много, что может отразиться на прагматическом уровне: получатель контента может испытывать определенное раздражение из-за того, что понимание текста затруднено по причине узуально и нормативно некорректного языкового оформления.

Сопоставительный анализ оригинальных и переводных высказываний на портале обнаруживает, что 20–35 % контента – это перевод с ошибками, приводящими к искажению смысла или его полному отсутствию в переводном тексте. Все эти ошибки, на наш взгляд, вызваны различными причинами, но они всегда являются следствием того, что искусственный интеллект пока еще не в состоянии выстраивать сложные смысловые связи и обращаться к самым неожиданным контекстам для извлечения смыслов и обличения инферированных подтекстов в вербальную форму. Прежде всего отметим трудности, которые испытывает движок при переводе коротких названий, поскольку их интерпретация требует большого объема фоновых знаний и понимания узкого и широкого контекста. В таких ситуациях МП дает кальку исходного слова или словосочетания, так как заложенные алгоритмы принятия решения не позволяют прибегнуть к адекватной замене, раскрывающей содержание этого явления / события.

(15) *Stationnement résidentiel*.

Жилая парковка.

(16) *Encombrants*.
Громоздкие.

Если перевод фразы в (15) благодаря фоновым знаниям получателя и семантике лексических единиц, входящих в словосочетание, позволяет получателю догадаться, что речь идет о *парковке для жителей квартала*, то перевод в примере (16) создает сложности для понимания того, что речь идет о рубрике *утилизировать громоздкие вещи*.

Далее следует отметить ошибки, вызванные особенностями французского языка. Его носители часто используют аббревиатуры, сокращают слова или образуют новые слова за счет слияния сокращенных основ словосочетания. При переводе таких единиц машина начинает что-то «выдумывать» в надежде угадать правильный ответ [Как победить морников, 2017].

(17) *Expos*.
Экспо.

Данный пример, исходя из контекста, абсолютно прозрачен для переводчика-специалиста: *Expos* = *выставки*, но машина, ориентируясь на форму, выбирает другой вариант, который создает смысловую ошибку, поскольку соотносится с иным контекстом.

(18) *Facil'Familles*.
Facil'Семьи.

(19) *La campagne de vaccination se poursuit dans les Ehpad publics*.

Кампания вакцинации продолжается в общественных *Ehpad*.

В обоих случаях машина приняла решение сохранить частично или полностью исходный вариант сокращения. В примере (18) движок оставил первую часть сокращения в оригинале, а вторую часть перевел; при таком варианте перевода содержание рубрики осталось полностью затемненным для получателя, хотя хороший переводчик, скорее всего, поймет, что речь идет о портале для семей и предложит вариант *все для семьи*. В примере (19) машина перенесла сокращение на языке оригинала в перевод, хотя само сокращение, его расшифровка и перевод зафиксированы во всех онлайн-словарях: *Établissement*

d'Hébergement pour Personnes Agées Dépendantes – дом для престарелых. Эта ошибка повлекла за собой следующую – неправильный выбор варианта перевода для многозначного прилагательного, что привело к серьезному смысловому искажению в переводе, поскольку в русскоязычной версии транслируется информация о вакцинации в общественных местах, а не *государственных домах для престарелых*. К тому же окончание *-pad* может соотноситься русскоязычным получателем с продукцией компанией Apple, например, *airpad*, что полностью искажает смысл исходного высказывания.

Далее рассмотрим случаи, когда предложенный движком перевод семантически полностью неправильный.

(20) *On connaît le plus emblématique de la capitale : l'arc de triomphe de la place de l'Etoile*.

Известна самая знаменитая столица – Триумфальная арка на площади Этуаль.

Ошибка, допущенная машиной в этом примере, вероятно, вызвана тем, что МП до сих пор испытывает определенные трудности с восстановлением анафорических связей в тексте. В данном случае движок не смог отнести артикли *le* и *la*, грамматическая и анафорическая связь которых очевидна переводчику человеку. Предлагаем вариант перевода:

Известна самая знаменитая арка столицы: Триумфальная арка на площади Этуаль.

(21) *Le 15 janvier 1200, le roi Philippe Auguste reconnaît officiellement l'Université de Paris, l'une des premières universités d'Europe*.

15 января 1200 года король Филипп Август официально признал Парижский университет одним из первых университетов Европы.

В примере (21) смысловая ошибка в переводе вызвана многозначностью глагола и недостаточной способностью машины правильно интерпретировать знаки пунктуации. Для специалиста-переводчика запятая в оригинале сигнализирует о том, что часть является приложением к существительному *l'Université*, об этом же сигнализирует субстантивированное числительное *l'une*. К тому же специалист может ориентироваться на фоновые знания о том, что первый официаль-

ный документ о создании первого *Universitas* – сообщества преподавателей и студентов со своим уставом, правилами и гарантией автономии для этого сообщества – был издан королем Филиппом II Августом. Предлагаем вариант перевода:

15 января 1200 года король Филипп Август официально *основывает* Парижский университет, один из первых университетов Европы.

(22) *Paris est placé en vigilance jaune neige et verglas, aujourd'hui, par Météo France. La vigilance est prévue pour cette nuit.*

Париж находится в желтом снегу и гололеде, сегодня погода Франция. Бдительность назначена на эту ночь.

Пример (22) иллюстрирует недостаточную способность искусственного интеллекта членить фразу на смысловые единицы в отсутствие знаков препинания и верно интерпретировать написание слова с заглавной буквы. Перевод, предложенный движком, не имеет смысла, поскольку в оригинале развернутое словосочетание *en vigilance jaune neige et verglas* было неверно разбито движком на базовые смысловые единицы, хотя даже начинающему переводчику известно, что прилагательное цвета во французском языке всегда стоит после существительного, к которому оно относится. Кроме того, словосочетание *vigilance jaune*, за которым следует *neige et verglas* и *Météo France*, в сознании переводчика-человека активирует единицы, связанные с уровнями погодной опасности, а заглавные буквы в словосочетании *Météo France* сигнализируют о том, что это название национальной метеорологической службы. Некорректный перевод движком первой фразы обуславливает семантически неверный перевод второго предложения. Предлагаем вариант перевода:

В Париже объявлен желтый уровень опасности из-за снега и гололеда на сегодняшнюю ночь, – сообщает сегодня Метео Франс.

В анализируемом контенте было выявлено, что «Яндекс.Переводчик» испытывает сложности с переводом англицизмов во французском языке. Это вполне предсказуемо: движок обучен работать с двумя языками, и

все, что выходит за пределы программы, вызывает у машины сбой.

(23) *Adeptes des dribbles et des dunks, vous avez envie de travailler votre shoot dans un endroit sympa ? On vous propose un petit tour d'horizon des plus beaux playgrounds de basket de la capitale.*

Вы хотите работать *в приятном месте*? Вам предлагается небольшой обзор самых красивых баскетбольных *игр* столицы.

В примере (23) движок пропустил англицизмы (кстати, широко известные для любителей баскетбола) в первом предложении, а во втором предложении дал неправильный вариант перевода заимствования, что привело к абсолютно некорректному по смыслу переводу. Предлагаем вариант перевода:

Любите постучать мячом и побросать в корзину, хотите поработать над своим броском в крутом месте? Для вас обзор самых красивых баскетбольных площадок столицы.

Однако при переводе имени мэра города Парижа движок дает перевод с английского варианта звучания имени:

(24) *Anne Hidalgo présente ses vœux 2021 en vidéo. Энн Идальго представляет свои пожелания в видео.*

Несомненно, для рядового получателя это всего лишь сбой, не влияющий на понимание текста, но человек-переводчик знает, что подобные ошибки могут приводить к серьезным конфликтам. Предлагаем вариант перевода:

Анн Идальго: видеопоздравление с 2021 годом.

В качестве примера курьезных случаев, которые в целом стали гораздо реже встречаться в современных МП, можно привести переводы, где имена нарицательные были даны как имена собственные:

(25) *Fontaine, raconte-moi des histoires...*

Фонтейн, расскажи мне истории ...

(26) *puis un net redoux en soirée et la nuit suivante;*

а затем *чистый Реду* вечером и следующей ночью.

Если в примере (25) есть определенные орфографические предпосылки для неверно-

го перевода – заглавная буква и возможность интерпретировать слово как обращение, то в примере (26) остается непонятным, почему машина интерпретировала имя нарицательное как имя собственное. Предлагаем варианты переводов для (25), (26) соответственно:

Фонтан, расскажи мне истории;
а затем *явное потепление* вечером и ночью.

Иными словами, абдуктивный поиск движка приводит пока к нелепостям в переводе, которые условно можно назвать «машинными ляпами».

Заключение

Анализ контента презентационной страницы городского портала Парижа показал, что «Яндекс.Переводчик» на 75–80 % справляется с задачей предоставить рядовому пользователю возможность ознакомиться с иноязычным материалом в хорошем или приемлемом качестве текста. Если учесть, что машина может это сделать за сотые доли секунды, то, по нашему мнению, это очень хороший результат, демонстрирующий, насколько глубоко искусственный интеллект вторгается в очень непростую сферу языка и сознания.

Выявленные ошибки можно квалифицировать следующим образом:

1. Переводческие недочеты без потери семантического смысла (75 %):

- нарушение грамматической сочетаемости;
- нарушение лексической сочетаемости;
- потеря анафорических связей;
- калькирование.

2. Семантические ошибки (25 %):

- потери и деформации сокращений;
- трудности с пониманием англицизмов;
- трудности с пониманием многозначных слов и игнорирование контекста (как широкого, так и узкого);
- трудности с пониманием сложного синтаксиса и анафорических связей;
- «машинные ляпы».

При этом следует отметить, что качество МП значительно повышается в связи с развитием систем искусственного интеллек-

та. Те ошибки, которые были отмечены нами, возможно будут преодолены в ближайшее время за счет того, что «Яндекс.Переводчик» быстро обучается и активно использует тексты, порождаемые человеком-переводчиком. Например, российская переводческая онлайн-платформа SmartCat, популярная как среди фрилансеров, так и корпоративных пользователей, использует МП Яндекса, тем самым способствуя его прогрессу.

Однако основные проблемы создания МП не относятся к сфере семантических ошибок, которых в целом становится меньше, а лежат в плоскости стандартизации языка, его однообразия и упрощения. Статистическая модель построена на оперировании уже готовыми соответствиями, которые выбираются машиной из значительного количества параллельных текстов, и не предполагает порождение «адекватных замен». Несмотря на то что внедрение нейросетей и переход на гибридную систему дает возможность более свободного порождения вариантов перевода, на сегодняшнем этапе развития МП текст, создаваемый машиной, – это повторяющийся контент «приемлемого качества». Частое его воспроизведение создает опасность того, что человек, потребляющий такой контент, начнет порождать тексты «приемлемого качества». Следовательно, сегодня не теряет актуальности классическая постановка проблемы: МП сами по себе не представляют опасности, она заключается в том, насколько разумно и ответственно этот инструмент используется человеком. Как показали результаты нашего исследования, на данный момент не удастся достичь качественного абдуктивного машинного поиска, соответствующего уровню хорошего человека-переводчика.

МП уже изменяет и будет еще радикальнее трансформировать ситуацию на переводческом рынке. «Человеческий» перевод постепенно станет роскошью, для его выполнения будут привлекаться только высококвалифицированные переводчики, а специалисты среднего уровня будут постепенно вытеснены МП, при этом функции квалифицированных переводчиков в сфере нехудожественных текстов будут смещены в сторону редактирования МП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беллос Д., 2019. «Что за рыбка в вашем ухе?». М. : КоЛибри. 416 с.
- Гуреева А. А., 2017. PR-функция текста туристического брендинга: лингвистические средства как способ реализации // Брендинг как коммуникативная технология XXI века : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 1–3 марта 2017 г. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. экон. ун-та. С. 128–131.
- Зарубина А. Б., 2018. Урбанистический дискурс в аспекте мультидисциплинарной дискурсологической практики как драйвер позитивных изменений городской коммуникативной среды // Филологический аспект. № 1 (33). С. 172–181.
- Как победить морников: Яндекс запустил гибридную систему перевода, 2017. URL: <https://yandex.ru/blog/company/kak-pobedit-mornikov-yandeks-zapustil-gibridnuyu-sistemu-perevoda> (дата обращения: 14.01.2021).
- Меняйлова М., 2020. Машинный перевод: глобализация, коронавирус или почему мы все еще сомневаемся? URL: <https://www.topt.ru/library/translation-as-service/mashinnyj-perevod-globalizacziya,-koronavirus-ili-pochemu-myi-vse-eshhe-somnevaemysya.html> (дата обращения: 10.01.2021).
- Новикова Э. Ю., 2015. Дискурсивные характеристики «глокального города» на городском интернет-портале // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 6 (717). С. 467–476.
- Попова О. И., Королькова С. А., Степанова Е. В., 2020. Стратегии брендинга малых городов в интернет-пространстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 2. С. 123–138. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.11>.
- Тарарак Е., 2020. Машина vs человек: отберет ли искусственный интеллект хлеб у переводчиков? URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/13/88357-mashina-vs-chelovek> (дата обращения: 10.01.2021).
- Chen Fachun, Leontovich O. A., 2020. A Tale of two Cities: Historical Narratives in the Russian and Chinese Urban Landscapes // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 2, pp. 78–85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.7>.
- Aiello G., Tosoni S., 2016. Going About the City: Methods and Methodologies for Urban Communication Research // International Journal of Communication. № 10. P. 1252–1262.
- International Standard on Translation Services ISO 18587: 2017. URL: https://standartgost.ru/g/ISO_18587:2017 (date of access: 31.01.2020).
- Loock R., 2016. Using electronic corpora by professional translators: When? How? What for? // Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Asie et Australie. No. 27. URL: <http://journals.openedition.org/ilcea/3835> (date of access: 5.01.2021).
- Lupieri S., 2019. La traduction automatique fait des pas géant. URL : <https://www.lesechos.fr/weekend/business-story/la-traduction-automatique-fait-des-pas-de-geant-1211737> (date of access: 15.01.2021).
- Susskind D., 2020. A World Without Work: Technology, Automation, and How We Should Respond. New York : Metropolitan Books. 320 p.
- TAUS, 2010. Machine Translation Post-editing Guidelines. URL: <https://www.taus.net/think-tank/best-practices/postedit-best-practices/machine-translation-post-editing-guidelines> (date of access: 5.01.2021).

ИСТОЧНИК

Site officiel de la Ville de Paris. URL: <https://www.paris.fr/> (date of access: 5.01.2021).

REFERENCES

- Bellos D., 2019. «Chto za rybka v vashem uhe?» [“Is That a Fish in Your Ear?”]. Moscow, KoLibri Publ. 416 p.
- Gureeva A.A., 2017. PR-funkcija teksta turisticheskogo brendinga: lingvisticheskie sredstva kak sposob realizacii [Branding PR-Function in Travel Discourse Texts: Ways to Perform]. *Branding kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf., g. Sankt-Peterburg, 1–3 marta 2017 g.* [Branding as a Communication Technology of the 21st Century. Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference. Saint-Petersburg, 1–3 March, 2017]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, pp. 128–131.
- Zarubina A.B., 2018. Urbanisticheskij diskurs v aspekte multidisciplinarnoy diskursologicheskoy praktiki kak drayver pozitivnykh izmenenij gorodskoy kommunikativnoj sredy [Urban Discourse in the Aspect of Multidisciplinary Discursive Practices as a Driver of Positive Changes in the City Communicative Environment]. *Filologicheskij aspekt*, vol. 1 (33), pp. 172–181.

- Kak pobedit' mornikov: Jandeks zapustil gibridnuju sistemu perevoda*, 2017 [How to Defeat Morniki: Yandex has Launched a Hybrid Translation System]. URL: <https://yandex.ru/blog/company/kak-pobedit-mornikov-yandeks-zapustil-gibridnuyu-sistemu-perevoda> (accessed 14 January 2021).
- Menyaylova M., 2020. *Mashinnyy perevod: globalizacija, koronavirus ili pochemu my vse eshhe somnevaemsja?* [Machine Translation: Globalization, Coronavirus, or Why Do We Still Have Doubts?]. URL: <https://www.toptr.ru/library/translation-as-service/mashinnyj-perevod-globalizacziya,-koronavirus-ili-pochemu-myi-vse-eshhe-somnevaemysya.html> (accessed 10 January 2021).
- Novikova E.Yu., 2015. Diskursivnye harakteristiki «glokal'nogo goroda» na gorodskom internet-portale [Discourse of the “Glocal City” on the Urban Website]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 6 (717), pp. 467-476.
- Popova O.I., Korol'kova S.A., Stepanova E.V., 2020. Strategii brendirovaniya malyh gorodov v internet-prostranstve [Branding Strategies for Small Cities in the Internet Space]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 2, pp. 123-138. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.11>.
- Tararak E., 2020. *Mashina vs chelovek: otberet li iskusstvennyj intellekt hleb u perevodchikov?* [Machine vs Human: Will Artificial Intelligence Take the Bread Away From Translators?]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/13/88357-mashina-vs-chelovek> (accessed 10 January 2021).
- Chen Fachun, Leontovich O.A., 2020. A Tale of Two Cities: Historical Narratives in the Russian and Chinese Urban Landscapes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 2, pp. 78-85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.7>.
- Aiello G., Tosoni S., 2016. Going About the City: Methods and Methodologies for Urban Communication Research. *International Journal of Communication*, no. 10, pp. 1252-1262.
- International Standard on Translation Services ISO 18587:2017*. URL: https://standartgost.ru/g/ISO_18587:2017 (accessed 31 January 2020).
- Loock R., 2016. Using Electronic Corpora by Professional Translators: When? How? What for? *Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Asie et a Australie*, no. 27. URL: <http://journals.openedition.org/ilcea/3835> (accessed 5 January 2021).
- Lupieri S., 2019. *La traduction automatique fait des pas géant*. URL: <https://www.lesechos.fr/weekend/business-story/la-traduction-automatique-fait-des-pas-de-geant-1211737> (accessed 15 January 2021).
- Susskind D., 2020. *A World Without Work: Technology, Automation, and How We Should Respond*. New York, Metropolitan Books. 320 p.
- TAUS, 2010. *Machine Translation Post-Editing Guidelines*. URL: <https://www.taus.net/think-tank/best-practices/postedit-best-practices/machine-translation-post-editing-guidelines> (accessed 5 January 2021).

SOURCE

Site officiel de la Ville de Paris. URL: <https://www.paris.fr/> (accessed 5 January 2021).

Information About the Authors

Svetlana A. Korolkova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, tipp@volsu.ru, korolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2083-4101>

Anna A. Novozhilova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, tipp@volsu.ru, novozhilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

Информация об авторах

Светлана Азадовна Королькова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, tipp@volsu.ru, korolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2083-4101>

Анна Алексеевна Новожилова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, tipp@volsu.ru, novozhilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.9>

UDC 81'25:35.077.535.6
LBC 81.18

Submitted: 14.12.2020
Accepted: 30.03.2021

EASY AND PLAIN LANGUAGE TRANSLATION AS AN INTRALINGUAL TYPE OF TRANSLATION & TRAINING THE INTRALINGUAL TRANSLATORS

Natalya V. Nechaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Krishna-Sara Helmle

Translation Company and Consultancy
for Easy-to-Read and Plain Language “Textöffner®”, Tübingen, Germany

Emma M. Kairova

Founder and CEO at LSP and Mentorship project for translators “PROtranslation”, Nalchik, Russia

Abstract. The article explores the principles of intralingual translation of texts into easy and plain languages, specifies the necessary competencies of specialists in this field and identifies the main characteristics, peculiarities and areas of intralingual translation application. The differentiation of key concepts of “translation into easy language” and “translation into plain language” is presented. The competencies needed for these types of text translations are outlined and exemplified by the analysis of text translation into easy Russian. The researchers point out the necessity to single out linguistic and extralinguistic factors at the pre-translation stage of original text analysis, and take into consideration the communicative background of translation. The assessment of the practical experience of training translators in easy and plain language in Germany made it possible to draw conclusions about the possibilities and content of training in this field in Russia. The results of the research can be applied while developing university training programs for translators, as well as in public and commercial organizations when creating an accessible environment in easy and plain language for effective communication with their target audience. In addition, the article may be of interest to practicing interlingual translators who would like to enhance their skills in this area.

Key words: intralingual translation, easy language, plain language, digital accessibility, easy language translation, plain language translation, translator training.

Citation. Nechaeva N.V., Helmle K.-S., Kairova E.M. Easy and Plain Language Translation as an Intralingual Type of Translation & Training the Intralingual Translators. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 99-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.9>

УДК 81'25:35.077.535.6
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 14.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ПЕРЕВОД НА ЯСНЫЙ И / ИЛИ ПРОСТОЙ ЯЗЫКИ КАК ИНТРАЛИНГВАЛЬНЫЙ ВИД ПЕРЕВОДА И ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКОВ

Наталья Викторовна Нечаева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Кришна-Сара Хельмле

Переводческая и консалтинговая компания Textöffner®, г. Тюбинген, Германия

Эмма Магомедовна Каирова

Переводческая компания и наставнический проект для переводчиков ООО «Протранслейшн», г. Нальчик, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы особенности интралингвального перевода текстов на ясный и / или простой языки и определены возможности подготовки специалистов в этой сфере. Э.М. Каировой выявлены критерии разграничения понятий «перевод на ясный язык» и «перевод на простой язык», рассмотрены принципы и правила перевода. Н.В. Нечаевой описана специфика применения принципов и правил при переводе текстов на ясный и / или простой языки, выделены компетенции специалистов, необходимые для перевода текстов на ясный и / или простой языки. Исследование речевой практики (примеров перевода текстов на ясный русский язык) позволило Н.В. Нечаевой выявить языковые и внеязыковые факторы, которые необходимо учитывать на этапе предпереводческого анализа исходного текста и коммуникативной ситуации перевода. Обобщение практического опыта подготовки переводчиков на ясный и простой языки в Германии позволило К.-С. Хельмле сделать выводы о возможностях и содержании подготовки специалистов данной сферы в России и мире. Результаты исследования могут быть применены в российских и зарубежных университетах при разработке программ подготовки переводчиков, в государственных и коммерческих организациях при создании доступной среды на ясном и простом языке для эффективной коммуникации с целевой аудиторией. Материалы статьи могут быть полезны практикующим специалистам по межъязыковому переводу для повышения квалификации в сфере интралингвального перевода.

Ключевые слова: интралингвальный перевод, ясный язык, простой язык, цифровая доступность, перевод на ясный язык, перевод на простой язык, подготовка переводчиков.

Цитирование. Нечаева Н. В., Хельмле К.-С., Каирова Э. М. Перевод на ясный и / или простой языки как интралингвальный вид перевода и подготовка переводчиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 99–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.9>

Перевод на ясный и простой языки как вид интралингвального перевода

Традиционно перевод рассматривается как акт межъязыковой и межкультурной коммуникации, то есть передача смыслового и прагматического содержания текста, выраженного знаками одного языка, средствами другого языка. Однако существует и другой подход к определению перевода в широком смысле, который базируется на уже ставшей классической концепции Р.О. Якобсона [Якобсон, 1978], согласно которой можно выделить три вида перевода:

– межсемиотический перевод, или трансмутация, – например, сурдоперевод, создание текстов на языке Брайля, передача языковых знаков символами (таблички о запрете курения, дорожные знаки и т. п.);

– межъязыковой перевод, или собственно перевод, – традиционный перевод устных, письменных и аудиовизуальных текстов с одного языка на другой;

– интралингвальный (внутриязыковой) перевод, или переименование, к которому от-

носятся такие виды преобразования текста, как реферирование, аннотирование, адаптация текстов с учетом специфики новой целевой аудитории (например, энциклопедических текстов для детей), а также перевод текстов на ясный (далее – ЯЯ) и простой (далее – ПЯ) языки, который выступает объектом исследования в настоящей статье.

Перевод на ЯЯ и / или ПЯ – это интралингвальный устный или письменный перевод (адаптация) текста при сохранении его основного информационного содержания. Такой вид внутриязыкового перевода позволяет сделать текст доступным для максимально широкого круга реципиентов [Нечаева и др., 2020].

Перевод на ЯЯ и перевод на ПЯ – понятия близкие, но не тождественные. Продемонстрировать их различия можно через определение адресатов, целей перевода и характера текстов, которые могут быть переведены на тот или иной язык [Нечаева и др., 2020].

Так, главная целевая аудитория перевода текстов на ЯЯ – люди, у которых по разным причинам недостаточно хорошо сформирован

навык чтения и развита способность понимать тексты на стандартном русском языке. Чтобы найти нужную информацию, записаться на прием к врачу, прочитать инструкцию, заполнить бланк, им необходима помощь посредника – переводчика, друга, родственника – или текст, который переведен со стандартного русского языка на ясный русский язык. Сферы применения и цели перевода на ЯЯ ограничены кругом бытовых ситуаций и тем, не требующих знаний ни в какой предметной области: а) повышение безопасности жизнедеятельности адресатов за счет различного рода инструкций, памяток, пошаговых руководств; б) повышение качества жизни за счет обеспечения доступа к большому количеству услуг, культурной, общественной жизни и т. п.

Целевая аудитория перевода текстов на ПЯ шире – это так называемый «массовый читатель», то есть люди, которые в силу возраста (как юного, так и пожилого), уровня образования, объема фоновых знаний и т. п. могут испытывать сложности в понимании специальных текстов, написанных стандартным языком. Как показывают результаты различных исследований РИАС, НИУ ВШЭ, исследование доступности Рунета и др., таких людей в России и мире более 80 % – уровень читательской грамотности (функциональное чтение) населения планеты крайне низок. Многим людям требуется помощь и пояснения при чтении стандартных текстов, или же они не читают то, чего не понимают. Таким образом, цели перевода на ПЯ не ограничены, поскольку в эффективной коммуникации заинтересованы все, кто создает тексты, кто хочет быть услышанным своей целевой аудиторией, хочет избежать коммуникативных неудач. ПЯ в качестве средства обеспечения доступности необходим в тех случаях, когда возможностей для перекодирования текста на ЯЯ недостаточно (см.: Исследование обеспечения доступности...; Оценка сложности языка...; Результаты исследования РИАС).

Процесс перевода на ясный и простой языки: базовые принципы и их применение

Процесс перевода на ЯЯ и ПЯ по своей сути идентичен межъязыковому переводу

текстов и включает три базовых этапа: анализ, стратегия и интерпретация-адаптация с учетом новой коммуникативной ситуации, целевой аудитории и т. д. (передача смысла текста на одном языке средствами другого языка – в традиционном межъязыковом переводе). Адаптация без умения глубоко анализировать и понимать целевую аудиторию, коммуникативную ситуацию невозможна.

При переводе для людей с когнитивными нарушениями (аудитория ЯЯ) переводчик должен также понимать психофизиологические особенности восприятия текста/речи этой целевой группой – конкретное мышление, неустойчивое внимание, слабая способность отслеживать логику текста и т. п. (подробно об этом см.: [Брюховских, 2009]).

Принципы и правила перевода на простой и ясный язык

Базовые принципы и основанные на них правила перевода текстов на ЯЯ и ПЯ сформулированы и подробно проанализированы зарубежными исследователями [Baumert, 2016; 2018; Bredel, Maass, 2017; Usova, 2017; Helmle, 2017] и представителями профильных организаций: Международной ассоциацией «Простой язык» (PLAIN), Международной федерацией «Простой язык» (Plain Federation), Международной ассоциацией поддержки лиц с особенностями интеллектуального развития и их семей «Инклюзивная Европа» (Inclusion Europe).

Важно понимать, что с лингвистической точки зрения правила и принципы перевода на ЯЯ и на ПЯ во многом идентичны, чем, по нашему мнению, и объясняется недостаточно четкое разграничение языков и видов перевода.

Базовые **принципы перевода** текстов на ПЯ и ЯЯ включают принципы: 1) главенствующей роли читателя; 2) равной позиции; 3) конкретности; 4) личности; 5) частотности; 6) наглядности. На них базируются общие **правила адаптации** текстов для целей доступности, которые в равной степени применимы для перевода текстов на ПЯ и ЯЯ. Рассмотрим перечисленные принципы подробнее.

1. Принцип главенствующей роли читателя.

Согласно принятым Международной федерацией «Простой язык» постулатам, текст

только тогда может считаться доступным, когда получатель изложенной в нем информации может легко найти нужную, понять ее и использовать (Plain Federation). Таким образом, текст, создаваемый без учета ситуативного контекста его использования целевой аудиторией, не может считаться доступным, даже если написан простыми словами и короткими предложениями.

2. Принцип равной позиции.

Все коммуникативные неудачи начинаются с уверенности автора текста в том, что читатель знает и понимает в предмете речи столько же, сколько и сам автор. Успешность коммуникации в данном случае также мало зависит от того, насколько простые, короткие или частотные слова будет выбирать автор – главное, понимать, что картина мира и понятийный аппарат адресата позволят ему понять текст в полном объеме и должным образом. Для этого необходимо уметь встать на общую позицию с читателем.

3. Принцип конкретности.

Характерные для официально-делового стиля и юридического дискурса приемы – например, подмена понятий, безличные конструкции, использование пассивного залога и т. п. – делают такие тексты недоступными для людей, которые никогда целенаправленно не учились их читать. Образность и большое количество заложенной в художественные и публицистические тексты эксплицитной информации также препятствуют их полному пониманию целевой аудиторией ЯЯ и ПЯ.

4. Принцип личности.

Отказ от безличных конструкций в пользу прямого указания на читателя, например, в части прав и обязанностей, возникающих у него при подписании договора, информированного согласия на лечение и т. п.

5. Принцип частотности.

При переводе необходимо отдавать предпочтение наиболее частотным словам, избегать узкой терминологии, иностранных слов, аббревиатур, многозначных слов и клише официально-делового стиля. Если термин или аббревиатуру нельзя заменить на распространенную в обывательском обиходе и однозначно понятную языковую единицу, их нужно разъяснить непосредственно в тексте.

6. Принцип наглядности.

Снабжение текста примерами в личной форме позволяет лучше понимать, ассоциировать с собой и запоминать написанное. Кроме того, при переводе текста на ПЯ или ЯЯ рекомендуется иллюстрировать его графическими элементами. Изображения должны быть одинакового стиля, формы, размера и максимально однозначно соотноситься с описываемым предметом или услугой. Это особенно важно при переводе текстов на ЯЯ [Leichte Sprache, 2013].

Правила перевода на ПЯ логично вытекают из этого набора принципов и в каждом отдельном случае выбираются с учетом потребностей аудитории и контекста использования перевода.

Правила перевода на ЯЯ помимо вышеописанных принципов обусловлены также психофизическими особенностями целевой аудитории [Bredel, Maass, 2016; 2017; European standards..., 2014; Helmle, 2017; Usova, 2017]. Так, к числу правил, характерных именно для перевода на ЯЯ, относят:

- a) сокращение количества слов в предложении;
- b) правило «Один вопрос – один текст»;
- c) линейность логики и прямая последовательность изложения;
- d) «избыточное» (с точки зрения правил «нормального» письма) выстраивание логических связей между частями текста;
- e) «избыточное» употребление местоимений;
- f) неиспользование больших чисел и операций с ними, знаков другого языка (латиница или римские цифры в русском тексте и т. п.);
- g) правило «Ничего для нас без нас»: процесс перевода предполагает участие представителей целевой аудитории ЯЯ, которые выступают в качестве экспертов на этапе редактирования.

Применение базовых принципов и правил интралингвального перевода на ясный язык и «псевдоясный» язык

Принципы перевода на ЯЯ и ПЯ выступают в качестве базовых ориентиров, результатом выявления закономерностей и обобщения опыта зарубежных практиков перевода

[Bredel, Maass, 2016; 2017; European standards..., 2014; Helmle, 2017; Usova, 2017]. Далеко не каждый человек, вооружившись таким списком «универсальных» правил, сможет выполнить кажущийся на первый взгляд простым перевод текста на ЯЯ или ПЯ. Для этого необходима специализированная подготовка, базовые переводческие навыки и умения. В противном случае «простое» использование «универсальных» принципов как руководства к действию может привести к созданию текстов на «псевдоянском» языке.

Рассмотрим ряд примеров, представленных на сайте «Цели устойчивого развития Беларуси», точнее странице сайта на ЯЯ (Адаптированная версия сайта...).

Пример № 1

Исследования – это изучение научными свойствами природы, которые потом применяются в производстве и в сельском хозяйстве.

Например, ученые изучают свойство растения или поведение животного.

Ученые придумывают, как это свойство добавить в механизм или в машину.

Пример № 2

Кризисы – это войны, стихийные бедствия, экономические потрясения.

Во время экономических потрясений уменьшается выпуск товаров, закрываются фирмы, растет безработица и снижается уровень жизни населения.

Примеры № 1 и 2 отражают попытку перевести текст на ЯЯ с опорой на набор правил. Формально все нормы соблюдены: предложения сравнительно короткие, слова простые, однозначные, однако не каждому, кто читает эти тексты, ясно, что означает фраза *ученые добавляют свойство природы в механизм или машину*, что такое *экономические потрясения* или *уровень жизни населения*, который снижается. Поэтому, видимо, такое объяснение и «адаптация» едва ли будут понятны целевой аудитории версии сайта на ЯЯ – людям с когнитивными нарушениями.

Следующие примеры перевода (№ 3–5) взяты с сайта Института инклюзивного образования Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (страница на ЯЯ) (Адаптированная версия сайта...).

Пример № 3 КАКУЮ ПРОФЕССИЮ ВЫ ПОЛУЧИТЕ В ИНСТИТУТЕ?

В Институте Вы получите профессию учителя-дефектолога.

Учитель-дефектолог обучает детей с нарушениями речи, слуха, зрения.

Учитель-дефектолог работает с детьми, которые имеют трудности в обучении.

Специалисты адаптировали текст согласно правилам, однако, никто из возможных представителей целевой аудитории не сможет воспользоваться этим текстом: потенциальные иностранные абитуриенты не найдут информации, актуальной для иностранных граждан, а люди с ментальными нарушениями вводятся в заблуждение, якобы они могут сдать вступительные экзамены, поступить в университет и стать дефектологами. Перевод текста формально выполнен, но полностью дисфункционален, не учитывает ситуативного контекста и интересов потенциальных читателей.

Пример № 4 ПО КАКИМ НАПРАВЛЕНИЯМ ВЕДЕТСЯ РАБОТА В ИНСТИТУТЕ?

В Институте проводятся научные исследования в области инклюзивного и специального образования.

<..>

Институт проводит международные научные конференции, конкурсы, выставки по вопросам инклюзивного и специального образования.

В примере № 4 автор перевода описывает деятельность сотрудников института. Формально этот текст также соответствует основным требованиям к текстам на ЯЯ: предложения достаточно простые, нет аббревиатур, заимствованных и многозначных слов (хотя используется пассивный залог – *ведется работа, проводятся исследования* – что противоречит правилам перевода на ЯЯ). При этом словосочетания *область инклюзивного образования, выставки по вопросам инклюзивного и специального образования* слишком абстрактны. Автор использует однозначные слова, но они вряд ли знакомы целевой аудитории. Обращаемся к словарю на сайте, где авторы объясняют значение термина «специальное образование», и видим следующий текст:

Пример № 5

С

• Специальное образование – это обучение и воспитание детей с особенностями психофизического развития.

Объяснение термина «специальное образование» производится с помощью другого термина из области социальной и коррекционной педагогики – «дети с особенностями психофизического развития». Использование одного правила перевода текста на ЯЯ (пояснение терминов в тексте) происходит параллельно с нарушением важнейшего принципа перевода – принципа частотности (уход от использования терминологии). Ясный ли этот язык? Понятен ли он людям с интеллектуальными нарушениями? В данном случае представляется очевидным, что переводчики интерпретировали принцип частотности субъективно, то есть с позиции автора текста, а не с позиции читателя, хотя для преподавателей и студентов указанного вуза термин «особенности психофизического развития» представляется достаточно частотным и общепринятым.

Чтобы избежать ошибок, обусловленных формальным применением базовых принципов и правил адаптации текстов, необходимо до перевода анализировать коммуникативную ситуацию, в которой использованы исходный и переводной тексты, языковую специфику текста, выявлять те смыслы исходного текста, которые обязательны для передачи в тексте перевода (с учетом их функции и пользы для новой целевой аудитории – получателей переводного текста), определять, какие смысловые части необходимо дополнительно пояснять и как.

Такой подход к переводческому процессу базируется на функциональной теории перевода и, в частности, рекомендациях К. Норд по выполнению анализа переводческого заказа, который должен быть первым этапом переводческого процесса [Nord, 1991]. Прежде всего необходимо узнать, что хочет заказчик, проанализировать лингвистические и нелингвистические особенности исходного текста (включая фоновые знания целевой аудитории и функцию текста) и определить, как и в какой степени их необходимо учитывать при переводе. Только профессиональный подход к переводу может обеспечить качественный результат.

Таким образом, интралингвальный перевод текстов на ЯЯ и ПЯ требует не только знания базовых принципов и правил перевода, но и понимания сути и оснований данных принципов, умения их грамотно применять с учетом особенностей коммуникативной ситуации, что требует особой профессиональной подготовки.

Профессиональная подготовка переводчиков на ясный язык: практический опыт

Как показывает практика подготовки переводчиков на ЯЯ в Германии, в частности обучающие семинары и курсы повышения квалификации, организованные одним из авторов настоящей статьи – К.-С. Хельмле, многие слушатели только в процессе обучения осознают, что создавать тексты на ЯЯ не так легко, как может показаться сначала. Выполнение практических заданий дается им с большим трудом, а самый распространенный вывод, который они делают после первых занятий: «переводить нужно уметь». Люди думают, что если читаются такие тексты легко, то и переводить / писать на ЯЯ и ПЯ тоже легко, и любой человек может делать это без особого труда. Однако чтобы адекватно переводить тексты на ЯЯ, нужно не только хорошо знать основные правила, но и понимать их суть, уметь грамотно и разумно применять их на практике с учетом специфики конкретного текста и ситуативного контекста в целом. Безусловно, необходим практический опыт перевода. Участники семинаров Кришны-Сары Хельмле уже после первого учебного дня понимают, что большинство текстов из их повседневной жизни сложны для понимания, и способны выявить в этих текстах основные причины недоступности (например, термины, слишком длинные предложения). Они также могут упростить небольшие части текста, но, как правило, до уровня ПЯ, а не ЯЯ. Бывают исключения, но они лишь подтверждают правило.

Возможности профессиональной подготовки

Существуют разные возможности профессиональной подготовки переводчиков на ПЯ и ЯЯ.

В качестве примера можно привести магистерскую программу «Безбарьерная коммуникация» университета г. Хильдесхайм (Германия). Четыре семестра посвящены теории и практике коммуникационной доступности. ЯЯ и интралингвальный перевод – один из базовых модулей этой образовательной программы (M.A. Barrierefreie Kommunikation).

Обучение в университете г. Хильдесхайм – возможность получить фундаментальную подготовку по переводу текстов на ЯЯ. Однако специалистов в этой области можно эффективно готовить и в рамках курсов повышения квалификации для лиц, получивших общее переводческое образование – они обладают базовыми переводческими компетенциями и могут сравнительно быстро научиться применять их в практике интралингвального перевода. К такому выводу мы пришли на основе многолетнего опыта разработки и ведения курсов повышения квалификации для переводчиков и преподавателей перевода в рамках Международной летней школы в Гермесхайме (Online-Akademie für Übersetzen & Dolmetschen).

В структуру курсов подготовки переводчиков на ЯЯ и ПЯ включены небольшой блок теоретических занятий по лингвистике текста, теории коммуникации и перевода и практические занятия (основная часть курса). Рекомендуется также включать в программу специальные блоки по отраслям: например, модуль «Правовая коммуникация и право» в подготовку переводчиков на ЯЯ (ПЯ) в сфере права.

Еще одно направление обучения квалифицированных специалистов по ЯЯ и ПЯ – подготовка преподавателей перевода текстов на ЯЯ и ПЯ. Такими преподавателями могут стать специалисты, которые уже имеют опыт преподавания (например, преподаватели перевода), прошли обучение по основам перевода и имеют опыт перевода текстов на ЯЯ. Такие преподаватели могут самостоятельно разрабатывать и применять методические инструменты и материалы для подготовки переводчиков на ЯЯ. Стать преподавателями перевода текстов на ЯЯ могут не только преподаватели перевода, однако, для их подготовки потребуется разработка специальной комплексной программы, включающей все пере-

численные выше блоки, а также дополнительные основы дидактики и методики преподавания перевода.

Заключение

Аналитическое осмысление научной литературы, изучение опыта зарубежных теоретиков и практиков перевода позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, перевод текстов на ЯЯ и ПЯ – это интралингвальный вид перевода, который позволяет делать тексты доступными для максимально широкого круга реципиентов (ПЯ) или для реципиентов с особыми потребностями (ЯЯ).

Во-вторых, перевод текстов на ЯЯ и ПЯ – сложный когнитивный процесс, который требует комплексной профессиональной подготовки. Внутриязыковое «переписывание» текстов по формальным правилам без понимания сути переводческого процесса может привести к созданию текстов на «псевдоясном языке».

В-третьих, подготовка переводчиков на ЯЯ и ПЯ – комплексный процесс, который реализуется, как минимум, в двух аспектах: теоретическом (основы теории коммуникации, теории перевода, базовые принципы перевода текстов на ЯЯ) и практическом (занятия по практике перевода, включая предпереводческий анализ языковых и неязыковых особенностей текста).

Существует успешный опыт подготовки переводчиков на ЯЯ как в рамках краткосрочных курсов повышения квалификации для переводчиков на иностранные языки и преподавателей перевода, так и в рамках основных образовательных программ университетов (Германия).

В России в настоящий момент подготовка таких специалистов не ведется, однако развитие этого направления представляется весьма перспективным. Разработка учебных, методических и практических материалов по ясному и простому русскому языку осуществляется в рамках проекта Ассоциации преподавателей перевода «Перевод на ясный и простой языки в России», ведущими экспертами которой выступают авторы настоящей статьи. В рамках проекта в настоящий момент

разрабатывается информационный ресурс на ЯЯ (<https://ясно.сайт>), готовится к апробации курс повышения квалификации для переводчиков, а также планируется разработка курса по подготовке преподавателей перевода в данной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брюховских Л. А., 2009. Особенности понимания речи у детей с умственной отсталостью // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. № 1. С. 82–87.
- Нечаева Н. В., Хельмле К.-С., Каирова Э. М., 2020. Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы в России // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. № 3. С. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2020.3.1>.
- Якобсон Р. О., 1978. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М. : Международные отношения. С. 16–24.
- Baumert A., 2016. *Leichte Sprache – Einfache Sprache. Literaturrecherche, Interpretation, Entwicklung.* Hannover : Bibliothek der Hochschule Hannover. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:960-opus4-6976> (date of access: 17.02.2021).
- Baumert A., 2018. *Einfache Sprache. Verständliche Texte schreiben.* Unter Mitwirkung von Annette Verhein-Jarren. Münster : Spaß am Lesen.
- Bredel U., Maass Ch., 2016. *Leichte Sprache. Theoretische Grundlagen. Orientierung für die Praxis.* Berlin : Dudenverlag. (Sprache im Blick), Kapitel 6.
- Bredel U., Maass Ch., 2017. *Ratgeber Leichte Sprache Die wichtigsten Regeln und Empfehlungen für die Praxis.* Duden.
- European standards for making information easy to read and understand, 2014. URL: http://easy-to-read.eu/wp-content/uploads/2014/12/EN_Information_for_all.pdf (date of access: 17.02.2021).
- Helmle K.-S., 2017. *Leichte Sprache. Ein Überblick für Übersetzer.* Berlin : BDÜ-Fachverlag. 150 p.
- Leichte Sprache – Die Bilder, 2013. Bremen : Verlag der Bundesvereinigung Lebenshilfe e.V. 178 S.
- Nord Ch., 1991. *Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis.* Translated from the German by Christiane Nord and Penelope Sparrow. Amsterdam : Atlanta GA, Rodopi. 250 p.
- Usova O., 2017. *Leichte Sprache in Russland // “Leichte Sprache” im Spiegel theoretischer und angewandter Forschung.* Leipzig : Frank & Timme GmbH. P. 457–461.

ИСТОЧНИКИ

- Адаптированная версия сайта на ясном языке «Цели устойчивого развития Беларуси». URL: http://sdgs.by/clear_lang/. (дата обращения: 17.02.2021).
- Адаптированная версия сайта на ясном языке Института инклюзивного образования Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка. URL: <https://iio.bspu.by>. (дата обращения: 17.02.2021).
- Исследование обеспечения доступности интернет-ресурсов Рунета для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). URL: https://perspektiva-inva.ru/userfiles/download/Accessibility_of_Runet_2013.pdf (дата обращения: 29.11.2020).
- Оценка сложности языка законов: исследование НИУ ВШЭ. URL: <https://icef.hse.ru/data/2020/03/18/1567931010/Оценка%20сложности%20законов.pdf> (дата обращения: 29.11.2020).
- Результаты исследования PIAAC. URL: https://www.oecd.org/skills/piaac/publications/PIAAC_Technical_Report_2019.pdf (дата обращения: 29.11.2020).
- Inclusion Europe. URL: <https://www.inclusion-europe.eu> (date of access: 17.02.2021).
- M.A. Barrierefreie Kommunikation, Universität Hildesheim. URL: <https://www.uni-hildesheim.de/leichtesprache/ma-barrierefreie-kommunikation> (date of access: 17.02.2021).
- Online-Akademie für Übersetzen & Dolmetschen. URL: <https://www.iris-akademie.de> (date of access: 17.02.2021).

REFERENCES

- Bryukhovskikh L.A., 2009. Osobennosti ponimaniya rechi u detey s umstvennoy otstalostyu [Peculiarities of Speech Understanding in Children with Intellectual Disabilities]. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University], no. 1, pp. 82–87.
- Nechaeva N.V., Hel'mle K.-S., Kairova J.E.M., 2020. Pervod na jasnyj i prostoj jazyki: zarubezhnyj opyt i perspektivy v Rossii [Translating into Easy and Plain Languages: International Practice and Prospects for Russia]. *Vestnik PNIPIU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], no. 3, pp. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2020.3.1>.
- Jakobson R.O., 1978. O lingvisticheskikh aspektah perevoda [On the Linguistic Aspects of Translation]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike* [Issues of Translation

- Theory in Foreign Linguistics]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 16-24.
- Baumert A., 2016. *Leichte Sprache – Einfache Sprache. Literaturrecherche, Interpretation*. Hannover, Bibliothek der Hochschule Hannover. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:960-opus4-6976> (accessed 17 February 2021).
- Baumert A., 2018. *Einfache Sprache. Verständliche Texte schreiben. Unter Mitwirkung von Annette Verhein-Jarren*. Münster, Spaß am Lesen.
- Bredel U., Maass Ch., 2016. *Leichte Sprache. Theoretische Grundlagen. Orientierung für die Praxis*. Berlin, Dudenverlag. (Sprache im Blick), Kapitel 6.
- Bredel U., Maass Ch., 2017. *Ratgeber Leichte Sprache Die wichtigsten Regeln und Empfehlungen für die Praxis*. Duden.
- European Standards for Making Information Easy to Read and Understand*, 2014. URL: http://easy-to-read.eu/wp-content/uploads/2014/12/EN_Information_for_all.pdf (accessed 17 February 2021).
- Helmle K.-S., 2017. *Leichte Sprache. Ein Überblick für Übersetzer*. Berlin, BDÜ-Fachverlag. 150 p.
- Leichte Sprache – Die Bilder*, 2013. Bremen, Verlag der Bundesvereinigung Lebenshilfe e.V. 178 p.
- Nord Ch., 1991. *Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Translated from the German by Christiane Nord and Penelope Sparrow*. Amsterdam, Atlanta GA, Rodopi. 250 p.
- Usova O., 2017. Leichte Sprache in Russland. “*Leichte Sprache*” im Spiegel theoretischer und angewandter Forschung. Leipzig, Frank & Timme GmbH, pp. 457-461.
- Version of the “Sustainable Development Goals in Belarus” Website in Clear Language]. URL: http://sdgs.by/clear_lang (accessed 17 February 2021).
- Adaptirovannaja versija sajta na jasnom jazyke Instituta inkluzivnogo obrazovanja Belarusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Maksima Tanki* [Adapted Version of the Institute of Inclusive Education of the BSPU Website in Clear Language]. URL: <https://iio.bspu.by> (accessed 17 February 2021).
- Issledovanie obespechenija dostupnosti internet-resursov Runeta dlja ljudej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja (OVZ)* [Study on Accessibility of Runet Internet Resources for People with Disabilities]. URL: https://perspektiva-inva.ru/userfiles/download/Accessibility_of_Runet_2013.pdf (accessed 29 November 2020).
- Ocenka slozhnosti jazyka zakonov: issledovanie NIU VShJe* [Assessing the Complexity of the Language of Laws: A Study by the National Research University Higher School of Economics]. URL: <https://icef.hse.ru/data/2020/03/18/1567931010/Ocenka%20slozhnosti%20zzakonov.pdf> (accessed 29 November 2020).
- Rezul'taty issledovanija PIAAC* [Results of the PIAAC Study]. URL: https://www.oecd.org/skills/piaac/publications/PIAAC_Technical_Report_2019.pdf (accessed 29 November 2020).
- Inclusion Europe*. URL: <https://www.inclusion-europe.eu> (accessed 17 February 2021).
- M.A. Barrierefreie Kommunikation, Universität Hildesheim*. URL: <https://www.uni-hildesheim.de/leichtesprache/ma-barrierefreie-kommunikation> (accessed 17 February 2021).
- Online-Akademie für Übersetzen & Dolmetschen*. URL: <https://www.iris-akademie.de> (accessed 17 February 2021).

SOURCES

Adaptirovannaja versija sajta na jasnom jazyke «Celi ustojchivogo razvitija Belarusi» [Adapted

Information About the Authors

Natalya V. Nechaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 1 корпус, 191186 Saint Petersburg, Russia, mnechaeva@ Herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8731-9118>

Krishna-Sara Helmle, Founder and Business Owner, Translation Company and Consultancy for Easy-to-Read and Plain Language “Textöffner®”, Mirabeauweg, 2, 72072 Tübingen, Germany, info@leicht-verstehen.de, <https://orcid.org/0000-0003-3154-7722>

Emma M. Kairova, Founder and CEO at LSP and Mentorship project for translators “PROtranslation”, Kirova St, 2G/77, 360030 Nalchik, Russia, ekairova@protranslation.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0892-0608>

Информация об авторах

Наталья Викторовна Нечаева, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, набережная реки Мойки, 48, 1-й корпус, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, mnechaeva@ Herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8731-9118>

Кришна-Сара Хельмле, основатель и директор, Переводческая и консалтинговая компания Textöffner®, Мирабеауweg, 2, 72072 г. Тюбинген, Германия, info@leicht-verstehen.de, <https://orcid.org/0000-0003-3154-7722>

Эмма Магомедовна Каирова, директор, Переводческая компания и наставнический проект для переводчиков ООО «Протранслейшн», ул. Кирова, 2Г/77, 360030 г. Нальчик, Россия, ekairova@protranslation.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0892-0608>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.10>

UDC 811.161.1
LBC 81.2-5

Submitted: 23.03.2020
Accepted: 30.03.2021

IMPLICIT MEANINGS OF THE DISCOURSE OF FICTION: LINGUISTIC-AND-STYLISTIC ANALYSIS OF THE STORY BY I.A. BUNIN “THE MURDERESS”

Victoria A. Maryanchik

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The theme of the work is the mechanisms of implicit meanings verbalization in fiction. The aim is to analyze stylistic convergence in the story of I.A. Bunin “The murderess” as an explication of subtext. The main methods are the following: denotative, chronotopic, stylistic, narrative, conceptual analysis. The main results identify stylistic mechanisms that provide an appropriate interpretation of the literary text. It is revealed that the stylistic convergence includes colorative gradation, parcelling, semantic-syntactic verbalization of perceptual concept, semantic-stylistic actualization of the “golden section”, conceptual antonymy, semantic sound images. Implicit meanings are identified in the narrative development: stylistic techniques and mechanisms of implicit artistic meanings verbalization are distinguished in each macrosituation. The term “method” traditionally refers to the conscious using of stylistic means by the author; the term “mechanism” is understood as a synergistic process of organizing the text space as a result of interpretative operations. The described techniques and mechanisms add to the repertoire of artistic stylistics. The means of fiction temporality are nominated; the vertical chronotope in macrosituations is modelled. The special feature of Bunin’s story composition is “the effect of eversion”: it transfers the semantic emphasis from the criminal action to the assessment of this action. The analysis confirms ephrasticity and visualization of the image of an icon of the phenomenon within the analyzed story. The main oppositions *power / people* is distinguished in the conceptual field. The role of stylistic device in the synergetic organization of the text is shown. The main conclusion is drawn that the implicitness, ambiguity and “multi-focus” of the author’s assessment as a feature of Bunin’s idiosyle is realized through the mechanism of stylistic convergence.

Key words: Bunin, idiosyle, subtext, implicit meaning, stylistic method, stylistic convergence, stylistics of the literary text, “golden section” of the text.

Citation. Maryanchik V.A. Implicit Meanings of the Discourse of Fiction: Linguistic-And-Stylistic Analysis of the Story by I.A. Bunin “The Murderess”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 109-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.10>

**ИМПЛИЦИТНЫЕ СМЫСЛЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА:
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА И.А. БУНИНА «УБИЙЦА»****Виктория Анатольевна Марьянчик**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия

Аннотация. Предметом изучения являются механизмы вербализации имплицитных смыслов художественного дискурса. Цель заключается в описании стилистической конвергенции как способа экспликации подтекста в рассказе И.А. Бунина «Убийца». Посредством денотативного, хромотопного, стилистического, нарративного, концептуального анализа выявлено, что стилистическую конвергенцию создают колоративная градация, парцелляция, семантико-синтаксическая вербализация перцептивного концепта, семантико-стилистическая актуализация «золотого сечения», концептуальная антонимия, смысловая звукопись. Имплицитные смыслы выявлены в порядке нарративного развертывания: в рамках каждой макроситуации выделены стилистические приемы и механизмы вербализации имплицитных художественных смыслов. Прием понимается как преднамеренное, осознанное использование автором стилистически значимых средств; механизм – как синергетический процесс организации текстового пространства в результате интерпретативных операций. Обнаруженные приемы и механизмы пополняют инструментарий художественной стилистики. В макроситуациях установлены средства художественной темпоральности, смоделирован вертикально организованный хромотоп. Определена особенность композиции: «эффект нарративного выворачивания» переносит смысловой фокус с преступления на оценку этого действия. Подтверждается экфразистичность и визуализация образа иконы явления в рассказе. В концептуальном поле выделена основная аксиологическая оппозиция *власть / народ*. Доказано, что имплицитность, многозначность и «многофокусность» авторской оценки как черта идиостиля И.А. Бунина реализуется через механизм стилистической конвергенции.

Ключевые слова: Бунин, идиостиль, подтекст, имплицитный смысл, стилистический прием, стилистическая конвергенция, стилистика художественного текста, «золотое сечение» текста.

Цитирование. Марьянчик В. А. Имплицитные смыслы художественного дискурса: лингвостилистический анализ рассказа И.А. Бунина «Убийца» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 109–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.10>

Введение

В 2020 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина – первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе. Язык произведений великого поэта и прозаика остается для современных ученых источником научных идей и открытий. В рамках данной статьи мы обратимся к механизмам вербализации имплицитных смыслов художественного дискурса, рассмотрев их на материале рассказа И.А. Бунина «Убийца», впервые опубликованного в газете «Последние новости» (Париж, 1930, № 3539, 30 ноября). Стилистическая конвергенция, определяющая сближение замысла автора и интерпретации читателя, исследована во многих работах, посвященных творчеству И.А. Бунина (см., например: [Лошаков, 2012; 2013; Николина, 1995;

Рыжова, 1991; Фахарова, 2011; и др.]). Прочтение рассказа в предложенном нами аспекте когнитивной поэтики актуализирует значения, которые формируются когнитивным стилем автора. Новизна исследования заключается в выделении ранее не описанных механизмов вербализации имплицитных смыслов в художественном дискурсе: колоративная градация, семантико-стилистическая актуализация «золотого сечения» и др. При этом термин «прием» понимается как обозначающий преднамеренное, осознанное использование автором стилистически значимых средств; термин «механизм» – как обозначающий синергетический процесс организации текстового пространства в результате интерпретативных операций. Выявленные приемы и механизмы пополняют инструментарий художественной стилистики.

Методы исследования

Основными методами исследования являются денотативный, нарративный, хронотопный, лингвостилистический анализ художественного текста.

Денотативный анализ позволяет выделить глобальные ситуации и макроситуации, в рамках которых проводится нарративный и лингвостилистический анализ.

При нарративном анализе особое внимание уделяется фокализации. Посредством количественного анализа находится «золотое сечение» нарратива с целью интерпретации кульминации повествования.

Хронотопный анализ выполняется с опорой на лингвистические инструменты – в тексте выделяются хронотопные номинаторы и корреляторы, структурирующие художественное пространство по вертикали и горизонтали. Учитываются также гипертекстовые модели хронотопа, например, «дом – порог – простор».

С применением лингвостилистического анализа исследуются языковая форма в ее связи с когнитивными единицами – концептами (образы, сценарии, картинки).

Изучение стилистической конвергенции в рассказе И.А. Бунина «Убийца» позволяет выделить следующие приемы эксплицирования подтекста:

– колоративная градация (выявляется посредством выстраивания восходящих/нисходящих рядов цветовых эпитетов);

– антитетическая парцелляция (выявляется посредством моделирования семантики парцеллятов в концептуальных оппозициях текста);

– семантико-синтаксическая вербализация перцептивного концепта (выявляется посредством моделирования визуального образа с опорой на синтаксический строй и лексическую семантику, актуализированную в контексте макроситуации);

– семантико-стилистическая актуализация «золотого сечения» (выявляется посредством количественного анализа);

– концептуальная антонимия (выявляется посредством моделирования оппозиций в языковой картине мира);

– смысловая звукопись (выявляется посредством лингвистического эксперимента –

деформации художественного текста путем извлечения и подстановки).

Результаты и обсуждение

В денотативном пространстве анализируемого текста представлена глобальная ситуация – арест женщины, убившей своего возлюбленного. В денотативной структуре рассказа последовательно репрезентируются четыре макроситуации (здесь и далее цитаты приводятся по электронному изданию рассказа, см. раздел «Источники»):

(1) ожидание ареста:

Дом с мезонином в Замоскворечье. Деревянный. Чистые стекла, окрашен хорошей синеватой краской. Перед ним толпа и большой автомобиль, казенный. В растворенные двери подъезда виден на лестнице вверх коврик, серый, с красной дорожкой. И вся толпа смотрит туда с восхищением, слышен певучий голос:....;

(2) рассказ об убийстве:

– Да, милые, убила! Вдова молодая, богатого купеческого роду... Любила его, говорят, до страсти. А он только на ее достаток льстился, гулял с кем попало. Вот она и пригласила его к себе на прощанье, угощала, вином поила, все повторяла: «Дай мне на тебя наглядеться!» А потом и всадила ему, хмельному, нож в душу...;

(3) выход убийцы к толпе:

Открылось окно в мезонине, чья-то рука в белой перчатке дала знак автомобилю. Машина зашумела, народ раздался. И вот она показалась – сперва стройные ноги, потом полы собольей накидки, а потом и вся, во всем своем наряде – плавно, точно к венцу, в церковь, стала спускаться вниз по ступенькам. Бела и дородна, черные глаза и черные брови, голова открыта, причесана гладко, с прямым пробором, в ушах качаются, блещут длинные серьги. Лицо спокойно, ясно, на губах ласковая улыбка – ко всему народу...;

(4) отъезд полицейского автомобиля:

Вошла в машину, села, за ней вошли власти, человек в ловкой шинели строго и недовольно глянул на любопытных; хлопнула дверца, машина сразу взяла с места...

И все, глядя вслед, с восхищением:

–И-их, покатили, помчали!

Первая макроситуация представлена детальным описанием места действия и ожидающей толпы. Фокус восприятия: взгляд по-

вестователя-наблюдателя направлен на дом, двери подъезда и толпу, которая *смотрит туда с восхищением*. Художественные смыслы этого фрагмента эксплицируются посредством антитетической парцелляции, концептуальной антонимии и колоративной градации.

Эпитет *деревянный* парцеллирован в инверсии, что определяет приращение художественных смыслов в семантике прилагательного (подробно о коммуникативно-когнитивных свойствах лексической единицы в тексте и подтексте см.: [Болотнова, 2012, с. 53]). Синтагматика прилагательного актуализирует лексические оппозиции, ср.: *деревянный (дом)* и *каменный (дом)*. В коллективном сознании носителей русской лингвокультуры пара *деревянный/каменный* актуализирует оценочную семантику: слово *деревянный* ассоциируется с деревом, теплом, жизнью; пейоративной антитезой в картине мира выступает эпитет *каменный* (см. фразеологизмы, устойчивые метафоры и сочетания: *камень за пазухой; камнем на душе; бросать камни в чей-н. огород; забросать камнями; каменный плен; каменная темница*). Таким образом, парцелляция задает вектор внутренней антитезы. Важно, что *деревянный* дом героини-убийцы соотносится с положительным полюсом оценки. Это следует учитывать при интерпретации имплицитных смыслов.

Эпитет *казенный (автомобиль)* в этом фрагменте также акцентируется с помощью инверсии. Интонационно-синтаксическое выделение (прилагательное обособляется, но не парцеллируется), ряд фоновых ассоциаций (*казенный* – холодный, чужой, страшный), устойчивая синтагматика (*казенный дом*) сближают прилагательное с отрицательным полюсом анализируемой антитезы и усиливают ее по признакам *теплый / холодный, свой / чужой, народ / власть*. Антонимия, заданная в начале рассказа, подсказывает читателю, что данный текст не об убийстве и убийце, а о взгляде на ситуацию смертного греха с разных позиций, с разных полюсов концептуальной антитезы.

Перед домом стоят и ждут появления героини два персонажа – *толпа* (персонаж «народ») и *казенный автомобиль* (метонимия персонажа «власть»). Их номинации так-

же соотносятся с полюсами выделенной антитезы: *толпа* как живое, человеческое, *автомобиль* как неживое, механическое. Таким образом, мы находим еще одно подтверждение тому, что антитетичная парцелляция первого предложения задает вектор интерпретации имплицитных смыслов.

Положительную интерпретацию *деревянного дома* как художественного образа и объекта оценки поддерживает ряд эпитетов: *чистые (стекла), хорошая (краска)*. Среди прилагательных в бунинском тексте значительное место занимают цветочные эпитеты, которые, как правило, помогают понять замысел и позицию автора. В рассказе «Убийца» мы обнаруживаем такой стилистический прием, как колоративная градация. Представим все цветочные эпитеты в порядке, в котором они встречаются в первой макроситуации: *чистые (стекла), синеватая (краска), серый (коврик), красная (дорожка)*. Оценочность слов выявляется на основе культурных ассоциаций. Так, прилагательное *чистый* – это безусловный мелиоративный маркер ситуации (ср.: *чистые руки; чистые намерения; чистая душа*). Голубой цвет в русской лингвокультуре связан с небом, благородством, но в слове *синеватый* суффикс *-оват/-еват-* с семантикой неполного выражения признака «сдвигает» эпитет с позиции положительных оценочных ассоциаций, положительная оценка теряет свою безусловность. Эпитет *серый* ассоциативно связан с пейоративным полюсом, ср.: *мутный, нечистый* и т. п. Замыкает ряд колоратив *красный*, который ретроспективно отсылает нас к названию рассказа и актуализирует мотив пролитой крови, убийства. Сочетание с существительным *дорожка* визуализирует ассоциацию. Образная имплицитная оценка «движется» от положительного полюса к отрицательному. Выделенный ряд колоративов следует рассматривать как оценочную нисходящую градацию.

В экспозиционном фрагменте формируются основные доминанты хронотопа. Модель художественного пространства «Дом – порог – простор» монополична: в центре – героиня и ее дом. Локальные номинаторы (*дом, Замоскворечье, растворенные двери подъезда, лестница, машина*) и корреляторы (*перед, вверх, туда*) организуют пространство вер-

тикально: *на лестнице вверх; вся толпа смотрит туда с восхищением*. Пространство расширяется – раскрывается – размыкается постепенно: *чистые стекла* являются границей, но создают иллюзию возможного соприкосновения пространств, *растворенные двери* дают возможность «выхода» героини в иное измерение, другое пространство, в центральном эпизоде толпа расступается, а в финале границы исчезают, раздвигаются до неопределенности посредством глаголов движения *покатили, помчали*. Нарративное расширение пространства предполагает преодоление множества границ. В первой макроситуации пограничными символами являются *стекла, дверь, лестница*.

Как было сказано, пространство организовано вертикально, представлено оппозицией «верх – низ». Взгляд толпы устремлен вверх, что на подтекстовом уровне формирует мотив восхождения. Героиня, напротив, спускается вниз по серому коврику с красной дорожкой. Цветовая и хромотопная символика служат смысловыми опорами при интерпретации нисхождения как нравственного падения, греха.

Вторая макроситуация – рассказ об убийстве. В стилистическом рисунке доминирует концептуальная антиномия. Субъект повествования метонимичен – *певучий голос*, звучащий из толпы. «Рассказ в рассказе» не имеет конкретного субъекта, он изначально обобщен. Эпитет *певучий*, на первый взгляд, имеет положительный оценочный вектор, но в то же время контраст жестокости убийства и сладкой певучести заставляет внимательно вчитываться, вслушиваться в «чужую речь», которая представляет собой внешний монолог. Содержание и форма соотносит монолог с бытовым жанром сплетни, который формируется с помощью ядерного метамаркера *говорят*. Такая не атрибутированная ссылка на источники информации обобщает мнение, точку зрения на событие. Очевидно, что форма речи характеризует «обобщенного говорящего». Монолог насыщен маркерами народной речи: инверсия (*вдова молодая; вином поила*), падежные формы (*купеческого роду*), фольклорно-поэтические метафоры (*всадила нож в душу*), глагольное перечисление (*угощала, поила, повторяла*), разговорные син-

таксические конструкции и лексические единицы (*гулял с кем попало, вот она и...*). Можно сказать, что это *голос толпы*, ее позиция, ее видение ситуации. Время в монологе необратимо, линейно, субъективно: рассказ об убийстве включает длинные временные промежутки, свернутые в глагольные формы.

Речевая организация анализируемого произведения реализует модель «матрешки»: в рамках повествования от третьего лица помещается монолог обобщенного метонимического неперсонифицированного образа *голос*. В монолог голоса вмонтирована реплика главной героини: *Дай мне на тебя наглядеться!* Внутренний метатекст (*все повторяла*) содержит указание на имплицитный рефрен этой реплики. Повтор как стилистическая фигура характерен для фольклорного синтаксиса. Обратим внимание на то, что фрагменты «чужой речи» в рассказе (монолог «голоса», реплика героини, слова толпы) совпадают по тональности. «Голос» не осуждает, а принимает ситуацию (*Да, милые, убила!*); реплика героини, адресованная неверному возлюбленному, также лишена агрессии, злобы, неприятия; толпа восхищается героиней. Монолог «голоса» и включенная в него реплика героини имеют фольклорную окрашенность, общую тональность и композиционно соединены в рамках текстовой единицы. Следовательно, эти контекстно-вариативные формы объединяют образы персонажей – образ вдовы и образ народа. Последняя фраза монолога (*А потом всадила... нож в душу*) диссоциирует с певучей тональностью, что достигается частицей, видовой формой глагола и экспрессивностью метафоры. В монологе отражается общая этическая оппозиция текста: осуждение / восхищение.

Таким образом, эпизод убийства сворачивается до повествования о нем в «чужой речи» неперсонифицированного героя, сцена убийства не детализирована. Особенностью композиции бунинского рассказа становится «эффект выворачивания»: внутри узкой событийной рамки (наблюдение за арестом) находится широкая нарративная рамка (история жизни героини и сюжет убийства). Такое композиционное решение вновь переносит смысловой акцент с преступного действия на его восприятие и оценку «наблюдателями» (*тол-*

на и народ; казенный автомобиль и человек в шинели, повествователь и автор / читатель).

Третья макроситуация – выход убийцы – характеризуется детальным портретным описанием, тема убийства при этом не актуализируется. Приемами экспликации подтекстовых смыслов в данном фрагменте являются семантико-синтаксическая вербализация перцептивного концепта, семантико-стилистическая актуализация «золотого сечения» и концептуальная антонимия, которая уже обозначена в предыдущих фрагментах контекстуальной парой *деревянный / казенный*.

Гипотеза о специфике художественного перцептивного концепта обоснована в лингвистической литературе (см. об этом в работах: [Крюкова, 2019; Мещерякова, 2014; 2015; и др.]). Так, О.А. Мещерякова пишет: «Обогащение содержания художественного перцептивного концепта, репрезентированного в художественном дискурсе И.А. Бунина, связано с тем, что перцептивное знание не отделяется от знаний другого, неперцептивного типа. Подобное соединение детерминирует особый характер восприятия, в результате чего перцепция выходит за рамки, ограниченные оценкой по шкале «удовольствие – неудовольствие», становится частью эстетического отношения, о котором говорил А.А. Потебня» [Мещерякова, 2011, с. 40]. Перцептивные смыслы важны для интерпретации рассказа И.А. Бунина. Это подтверждается результатом анализа тематической группы с общей семей 'смотреть / видеть', формирующей мотив взгляда и вглядывания: *виден коврик; толпа смотрит туда; Дай мне на тебя наглядеться!; она показалась; черные глаза; человек... строго и недовольно глянул на любопытных; глядя вслед*. Центральная позиция мотива «вглядывания» может быть интерпретирована замыслом автора – «вглядеться в ситуацию» с разных позиций, актуализировать в тексте различные фокусы интерпретации и оценки.

Цветовая символика в абзаце представлена антонимичными эпитетами *белый / черный*. Если не учитывать стилистическую конвергенцию, то можно интерпретировать портрет героини как образец женской красоты в народном (фольклорном) восприятии: *Бела и*

дородна; черные глаза и черные брови... Однако семантико-синтаксическая вербализация перцептивного концепта не поддерживает положительную интерпретацию женского образа. Читатель наблюдает за происходящим глазами толпы и рассказчика. Мы видим сигнал изменения художественного пространства – указующий символ-жест преодоления границы между миром непостижимого греха и миром норм и морали: *Открылось окно в мезонине, чья-то рука в белой перчатке дала знак автомобилю*. Ни рассказчик, ни толпа, ни читатель не знают, чья рука подает повелительный знак. Неопределенное местоимение в метонимической номинации заставляет акцентировать внимание на колоративной символической: белый цвет – символ безгрешности, чистоты, святости. В следующем предложении синтаксический параллелизм создает перцептивный образ работающего механизма: *Машина зашумела, народ раздался*.

Героиня появляется перед народом, с которым объединяется и рассказчик: *вся толпа; ко всему народу; все, глядя вслед*. Семантико-синтаксические средства создания визуального образа важны для толкования смыслового содержания, для интерпретации и оценки события и героини. Механизм создания дополнительных смыслов посредством синтаксических конструкций реализуется в произведениях разных русских авторов конца XIX – XX в., но в основном анализируется на материале экспрессивного синтаксиса, например, парцелляций (см.: [Пушкарева, 2009, с. 61–64]). Отметим важные моменты семантико-синтаксической вербализации перцептивного (визуального) концепта. В рассказе проведены четкие границы визуального образа: *И вот она показалась <...> хлопнула дверца*. Важна семантика глагола *показаться*, который отличается от возможных синонимов (ср.: *появиться, выйти* и т. п.) наличием семы 'ирреальность': несмотря на то что героиня выходит к людям, она как бы лишена плоти, явственности. Субъектные номинации *она, вся* также подчеркивают особое восприятие: для героини не подходят «земные» слова *вдова, убийца, женщина*. Далее для описания используются неполные предикативные конструкции (*Бела и дородна...; Вошла в машину, села*), двусоставные конструкции с подде-

жащим, называющим портретные детали (*голова открыта, причесана; лицо спокойно, ясно; серьги качаются, блещут*), неопределенно-личные предложения с незаполненной позицией прямого дополнения (*И-их, покати-ли, помчали!*). Перечисленные синтаксические средства позволяют не использовать какие-либо онимы или апеллятивы для номинации героини – создается стилистический эффект табуированности имени. После момента ее появления из текста почти исчезают глаголы – время останавливается, замирает. Грамматика текста стилистически формирует эмотивные смыслы, передает завороченность толпы.

Читатель следит за явлением героини глазами персонажа-народа. Убийца прекрасна, но акценты этой красоты расставляются автором: *сперва стройные ноги* (красота физическая, телесная, противопоставляемая в культурной традиции красоте внутренней, духовной), *потом полы собольей накидки* (красота материальная, говорящая о достатке, а не о душевных качествах), и только после описания материального и физического автор обращается к духовному, используя сравнение: *точно к венцу, в церковь*. Образ сравнения ситуации (*венчание, церковь*) соотносится с чистотой, верой, следовательно, с нравственностью. Результаты анализа денотативного пространства и стилистических приемов доказывают, что автор интерпретирует аксиологические смыслы в теологическом поле.

Количественный анализ (вычисление границ начала, гармонического центра и конца текста) подтверждает семантико-стилистическую актуализацию «золотого сечения», которое определяется математически умножением общего количества слов на индекс 1,6. Синергетика бунинского рассказа организована так, что имплицитная точка кульминации («золотое сечение») находится в моменте визуализации целостного образа героини: *а потом и вся... Вся героиня, вся ее внутренняя суть и смысл ситуации закодированы в перцептивном образе – в наряде, в движениях*.

Соединим образ сравнения (*церковь*) с другими элементами нарративного стиля и архитектоники рассказа:

– подчеркнутая статичность изображения в момент появления героини;

– общий вектор движения героини – вниз: *стала спускаться вниз по ступенькам*;

– «треугольник» композиции (*народ раздался*);

– движение взгляда рассказчика и автора / читателя на героиню – снизу-вверх;

– общий колоратив рассказа: *красный, серый, синий, белый, черный*;

– деталь колоратива с семантикой «сияние», выделенная глагольной формой: *блещут*;

– детали портрета героини: *Лицо спокойно, ясно, на губах ласковая улыбка*;

– вертикальная организация пространства: *мезонин, спускающийся неземной, кажущийся образ (она показалаась)*, внизу ожидающая и восхищенная толпа;

– локативный коррелятор *перед (домом)*;

– символически-знаковая лексика: *певучий голос, рука... дала знак*.

Обобщив перечисленное, мы делаем вывод, что вербальная живопись слога И.А. Бунина актуализирует образ, характерный для иконописи. В целом обращение к живописи и «обращение в живопись» отмечается как черта идиостиля И.А. Бунина (см., например: [Байцак, 2005]).

Отметим, что стилистический эффект экфрастичности только усиливает двойственность авторской оценки в рамках анализируемого произведения. Сигналы «переворачивания» появляются сразу после кульминационного сравнения. Во-первых, отметим предикативный однородный ряд *бела и дородна*. Если белый цвет, как отмечалось выше, связан с божественностью, святостью, то признак дородности не входит в это ассоциативное поле, а отсылает к земному, телесному. Во-вторых, важным моментом неоднозначности авторской оценки служит портретная деталь: *голова открыта*. В православной традиции вход женщин с непокрытой головой в церковь не разрешается. Важен также источник «сияния», входящего в колоративную палитру рассказа: *в ушах качаются, блещут длинные серьги* (нимб заменяется украшениями).

Таким образом, в тексте репрезентируется амбивалентная оценка. С одной стороны, героиня выходит к народу с ласковой улыбкой: она принимает народ и прощает за воз-

можное осуждение. С другой стороны, вертикальный хронотоп и теологический подтекст задают пейоративный вектор этической оценки героини и ее преступления. Колоративы *белое / черное* четко вербализируют неоднозначность авторской оценки. Противоречие имплицитных оценок в структуре образа главной героини расширяет концептуальную антонимию произведения: к оппозиции *власть / народ, живое / казенное* добавляется противопоставление земного и небесного, святого и греховного.

Анализ стилистической конвергенции макроситуации подводит к выводу о том, что героиня убивает не только чужое тело, но и свою душу.

Четвертая макроситуация денотативной структуры – казенная машина увозит убийцу. В данном отрывке наиболее важными компонентами стилистической конвергенции становятся концептуальная антонимия и смысловая звукопись. Темпоральный рисунок резко меняется: глаголы совершенного вида в многочленном бессоюзном предложении «ускоряют» действие и словно «запускают механизм»: *вошла..., села, ...вошли власти, человек... глянул, хлопнула дверца, машина сразу взяла с места*. Чередование коротких предикатных конструкций с более длинными, распространенными создает своеобразный ритмический рисунок. Часть со звукоподражательным глаголом (*хлопнула дверца*) фонетически резко замыкает фрагмент, в котором создавался перцептивный образ. Захлопнувшаяся дверца (ассоциативный образ клетки вплетается в мозаику сюжета) отсекает героиню от толпы, лишает возможности любоваться силой страсти и духа, забывая о грехе.

Граница между толпой и властью, которая была обозначена в начале рассказа через антитезу *казенный / деревянный*, выходит на уровень сюжета: *...человек в ловкой шинели строго и недовольно глянул на любопытных*. В данном предложении эксплицирована взаимная негативная оценка. Образ власти глазами народа метонимичный: *человек в ловкой шинели*. Номинация *человек* в данном контексте имеет сниженную семантику, соотносится с обращением к прислуге, которая должна реагировать на указания (*чья-то рука в белой перчатке дала знак автомобилю*),

подавать машину, закрывать дверцы и т. д. Синтагматика прилагательного *ловкий* позволяет трактовать его многозначно: удобный, хитрый (ср.: *ловкая шинель, ловкий человек*). Обозначая качество человека, в русской лингвокультуре это прилагательное тяготеет к пейоративному полюсу.

В конце текстового фрагмента эксплицируется положительная оценка, выносимая героине народом, что усиливается кольцевой композицией: в первой макроситуации *вся толпа смотрит... с восхищением*, в заключительном фрагменте *все глядят с восхищением*. Почему убийцу не настагает презрение и осуждение людей? Ответ на этот вопрос находим в еще одном противопоставлении. *Голос* сообщает толпе, что убит тот, кто *только на ее достаток льстил*. Героиня, напротив, персонифицирует эндогенный тип преступника – такого, кто идет на преступление не ради наживы, денег, а с целью решения душевной драмы, психологической проблемы. Это человек, способный на страсть и страдания. Между расчетом, разумом и чувством, страстью русский народ выбирает второе, даже через испытание смертоубийством. Как указывают исследователи, в произведениях И.А. Бунина не осуждается телесное удовольствие, не противопоставляется духовной радости по признаку «возвышенное – низкое» (см. об этом: [Латкина, 2006, с. 8]).

В финальном фрагменте денотативной структуры текста основную роль играет стилистический механизм смысловой звукописи. В художественном тексте она выполняет различные функции, наиболее типична для нее функция изобразительная – создание перцептивных образов. Однако в анализируемом произведении анафорическое построение и звуковая редупликация в реплике *И-их, покатали, помчали!* эксплицируют особые смыслы. Междометие *и-их* передает эмоцию задора, бесшабашности, игры (ср. с многозначными и «тяжелыми» *ах, эх*). Повтор приставки указывает на ее концептуальную значимость. Используем прием лингвистической трансформации текста, заменим приставки: *укатали, умчали*. При этом меняется хронотоп текста: героиня оказывается за границами существования и понимания толпы, вербализируется завершенность действия,

мотив конца, тональность неизбежности. Приставка *по-*, напротив, означает начало действия. Фонетически близкий глагол *покатать*, обозначающий разнонаправленное движение, также проецирует на глагол однонаправленного движения *покатить* гедонистическую семантику. Ср.: *покатить* – «начало движения: быстро поехать, повезти, отправиться куда-либо», *покатать* – «повозить для удовольствия на чем-либо».

Выводы

Итак, имплицитные смыслы рассказа И.А. Бунина «Убийца» вербализируются посредством таких стилистических приемов, как колоративная градация, антитетическая парцелляция, семантико-синтаксическая вербализация перцептивного концепта, семантико-стилистическая актуализация «золотого сечения», концептуальная антонимия, смысловая звукопись. Данные приемы позволяют эксплицитировать амбивалентные оценки автора через «взгляд» того или иного персонажа. Многогранность и биполярность оценки – признак бунинской прозы (см. критический и литературоведческий разделы в [Иван Бунин: *pro et contra*, 2001]) – обусловлена типом художественного сознания писателя, который определяется как «универсалистский, способный синтезировать в своем творчестве различные ценностные и эстетические смыслы» [Пращерук, 2020, с. 30]. Неоднозначность оценки автора в анализируемом рассказе заключается в признании восхищения народа и – одновременно – в понимании совершенного преступления против человеческой души, понимании того, что героиня *всадила нож в душу* не только хмельному возлюбленному, но и себе. Если власти *строго и недовольно* глянули на народ, то автор вглядывается в толпу пристально, рассматривает ее глазами рассказчика, стараясь понять, что заставляет русского человека восхищаться убийством и убийцей. Однако анализ текста не позволяет отождествлять оценку персонажа-народа и авторскую оценку. Оценочные векторы «автор – персонаж», «автор – ситуация» формируются, прежде всего, в результате вербализации имплицитных смыслов посредством стилистической конвергенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байцак М. С., 2005. Экфрастичность прозы И.А. Бунина (по рассказу «Безумный художник») // Филологический сборник: Лингвистика. Литературоведение. Фольклористика. Омск. С. 252–255.
- Болотнова Н. С., 2012. Коммуникативно-когнитивный потенциал слова и его текстовая реализация // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 11, № 9. С. 51–55.
- Иван Бунин: *pro et contra* : антология, 2001. СПб. : РХГИ. 1016 с. URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/bunin-i-a.html> (дата обращения: 05.11.2019).
- Крюкова Л. Б., 2019. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского государственного университета. № 447. С. 47–54.
- Латкина Т. В., 2006. Оценочность в идиостиле Ивана Алексеевича Бунина : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 265 с.
- Лошаков А. Г., 2012. «Жестокие аллеи любви» (лингвопоэтический анализ рассказа И.А. Бунина «Красавица») // Русский язык в школе. № 8. С. 50–56.
- Лошаков А. Г., 2013. «Это ли не вальпургиева ночь!» : (Филологический анализ рассказа И.А. Бунина «Un petit accident») // Русский язык в школе. № 11. С. 47–54.
- Мещерякова О. А., 2011. Идеи А.А. Потебни о перцептивной культуре в свете когнитивной лингвистики // Филологос. № 1 (8). С. 33–40.
- Мещерякова О. А., 2014. Художественный перцептивный концепт: формирование, структура, содержание. Елец : Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина. 303 с.
- Мещерякова О. А., 2015. Языковые структуры передачи перцептивного знания в художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. № 23. С. 717–724.
- Николина Н. А., 1995. Поэтика рассказа И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» // Русский язык в школе. № 6. С. 65–66.
- Пращерук Н. В., 2020. О типе художественного сознания И.А. Бунина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 4. С. 30–35.
- Пушкарева Н. В., 2009. Подтекст в художественном тексте, его семантика и лингвистические средства выражения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. № 1-1. С. 59–65.

Рыжова Н. В., 1991. Речевые средства создания образа автора в прозе И.А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 16 с.

Фахарова Г. Р., 2011. Функции глаголов межличностных отношений в языке произведений И.А. Бунина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 2 (14). С. 111–116.

ИСТОЧНИК

Бунин И. А. Убийца // Литературный портал «Poesias.ru». URL: <http://poesias.ru/proza/bunin-ivan/bunin10268.shtml> (дата обращения: 05.11.2019).

REFERENCES

Baycak M.S., 2005. Ekfrastichnost prozy I.A. Bunina (po rasskazu «Bezumnoy khudozhnik») [Ekphrasis of I.A. Bunin's Prose (According to the Story "The Mad Artist")]. *Filologicheskii sbornik: Lingvistika. Literaturovedenie. Folkloristika* [Philological Collection: Linguistics. Literary Studies. Folklore Studies]. Omsk, pp. 252-255.

Bolotnova N.S., 2012. Kommunikativno-kognitivnyy potencial slova i ego tekstovaya realizatsiya [Communicative and Cognitive Word Potential and Its Textual Realization]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], vol. 11, no. 9, pp. 51-55.

Ivan Bunin: pro et contra: antologiya [Ivan Bunin: Pro et Contra. Anthology], 2001. Saint Petersburg, RKhGI. 1016 p. URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/bunin-ia.html> (accessed 5 November 2019).

Kryukova L.B., 2019. Pertseptivnyy stroy poeticheskogo teksta: k voprosu o terminologicheskom apparate issledovaniya [The Perceptual Structure of the Poetic Text: On the Terms of the Research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 447, pp. 47-54.

Latkina T.V., 2006. *Otsenochnost v idiosstile Ivana Alekseevicha Bunina: dis. ... kand. filol. nauk* [Evaluativity in the Idiostyle of I.A. Bunin. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd. 265 p.

Loshakov A.G., 2012. «Zhestokie allei lyubvi» (lingvopoeticheskii analiz rasskaza I.A. Bunina «Krasavitsa») [“Cruel Alleys of Love” (Linguopoetic Analysis of I.A. Bunin's Story

“A Beauty”)]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 8, pp. 50-56.

Loshakov A.G., 2013. «Eto li ne valpurgieva noch!» (Filologicheskii analiz rasskaza I.A. Bunina «Un petit accident») [“Isn't That Walpurgis Night?” (Philological Analysis of I.A. Bunin's Story “Un Petit Accident”)]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 11, pp. 47-54.

Meshcheryakova O.A., 2011. Idei A.A. Potebni o pertseptivnoy kulture v svete kognitivnoy lingvistiki [A.A. Potebnja's Ideas on Perceptual Culture in Cognitive Linguistics]. *Filologos*, no. 1 (8), pp. 33-40.

Meshcheryakova O.A., 2014. *Khudozhestvennyy pertseptivnyy kontsept: formirovanie, struktura, sodержanie* [Artistic Perceptual Concept: Formation, Structure, Content]. Yelets, Izd-vo EGU im. I.A. Bunina. 303 p.

Meshcheryakova O.A., 2015. Yazykovye struktury peredachi pertseptivnogo znaniya v hudozhestvennom diskurse [The Linguistic Structures of the Transfer of Perception Knowledge in Literary Discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 23, pp. 717-724.

Nikolina N.A., 1995. Poetika rasskaza I.A. Bunina «Gospodin iz San-Frantsisko» [Poetics of I.A. Bunin's Story “The Gentleman from San Francisco”]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 6, pp. 65-66.

Prashheruk N.V., 2020. O tipe khudozhestvennogo soznaniya I.A. Bunina [On the Type of Artistic Consciousness of I.A. Bunin]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 4, pp. 30-35.

Pushkareva N.V., 2009. Podtekst v khudozhestvennom tekste, ego semantika i lingvisticheskie sredstva vyrazheniya [Covert Sense in Prose Texts, Semantic and Linguistic Methods of Its Implementation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Orientalism. Journalism], no. 1-1, pp. 59-65.

Ryzhova N.V., 1991. *Rechevye sredstva sozdaniya obraza avtora v proze I.A. Bunina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Speech Means of Creating the Image of the Author in Prose by I.A. Bunin. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 16p.

Fakharova G.R., 2011. Funktsii glagolov mezhlichnostnykh otnosheniy v yazyke proizvedeniya I.A. Bunina [Functions of Verbs

of Interpersonal Relations in the Language of I.A. Bunin's Works]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Vestnik of the Perm University. Russian and Foreign Philology], no. 2 (14), pp. 111-116.

SOURCE

Bunin I.A. Ubiytsa [The Murderess]. *Literaturnyy portal «Poesias.ru»* [Literary Portal Poesias.ru]. URL: <http://poesias.ru/proza/bunin-ivan/bunin10268.shtml> (accessed 5 November 2019).

Information About the Author

Victoria A. Maryanchik, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severnoy Dviny Emb., 17, 163000 Arkhangelsk, Russia, v.marjyanchik@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767>

Информация об авторе

Виктория Анатольевна Марьянчик, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, 163000 г. Архангельск, Россия, v.marjyanchik@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.11>

UDC 811.134.2'367
LBC 81.472.1-22

Submitted: 27.01.2021
Accepted: 30.03.2021

ON INVESTIGATIONS OF PARADIGM OF EXTENSION IN SPANISH STUDIES DURING 1970–2020¹

Mikhail V. Zelikov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article studies the linguistic mechanisms that indicate the structural (syntactic) extension of the sentence in modern Spanish, which in special studies is unreasonably associated with the phenomenon of redundancy. We analyze the works of Russian and foreign hispanists, which appeared from the 70s of the 20th c. up to the present time. Most of them, written in the context of the phenomenon of linguistic expressivity (as a spontaneous reflection of the affectivity of the speaker / writer), can be considered as separate components of the paradigm of language patterns of extension. The collected material proves that the resources of language extension, being the strategic pillars of communication, do not express (in many cases) the affectivity of the speaking / writing subject, contrary to a popular belief. A significant range of linguistic formations that explicate the phenomenon of the structural extension of the Spanish sentence consists of four types of models that have been poorly studied up to the present time and are mainly qualified as elements of the lexical or phraseological levels in the Spanish studies. These four types are the following: 1) lexical / syntagmatic units that contribute to the communicative extension of the beginning, middle, or end of the sentence; 2) constructions of paraphrasing the nuclear components of the sentence; 3) constructions of lexical and syntactic reduplication; 4) constructions of the syntactic emphasis.

Key words: extension, redundancy, reduction, paraphrasing, reduplication, syntactic emphasis, syntax.

Citation. Zelikov M.V. On Investigations of Paradigm of Extension in Spanish Studies During 1970–2020. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 120-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.11>

УДК 811.134.2'367
ББК 81.472.1-22

Дата поступления статьи: 27.01.2021
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПАРАДИГМЫ РАСШИРЕНИЯ В ИСПАНИСТИКЕ В РАБОТАХ 1970–2020 ГОДОВ¹

Михаил Викторович Зеликов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье изучаются языковые механизмы структурного (синтаксического) расширения предложения-высказывания в современном испанском языке, которое в специальных исследованиях неоправданно связывается с феноменом избыточности. Систематизированы работы отечественных и зарубежных испанис-

тов, в основном опубликованные в период с 70-х гг. XX в. до настоящего времени, в которых преимущественно в контексте явления языковой экспрессии (как спонтанного отражения аффективности говорящего / пишущего субъекта) фрагментарно рассматриваются отдельные компоненты парадигмы языковых моделей расширения. В результате анализа эмпирического материала установлено, что вопреки распространенному мнению ресурсы языкового расширения, являясь стратегическими опорами коммуникации, во многих случаях не выражают аффективности говорящего / пишущего субъекта. Значительный корпус языковых образований, эксплицирующих феномен структурного расширения испанского предложения-высказывания, представлен четырьмя типами моделей, до настоящего времени неудовлетворительно изученных и квалифицируемых в отечественной и зарубежной испанистике как элементы лексического или фразеологического уровней: 1) лексические / синтагматические единицы, способствующие коммуникативному расширению начала, середины или конца высказывания; 2) конструкции перифразирования ядерных компонентов высказывания; 3) конструкции лексической и синтаксической редупликации; 4) конструкции синтаксической эмфазы.

Ключевые слова: расширение, избыточность, сокращение, перефразирование, редупликация, синтаксическая эмфаза, синтаксис.

Цитирование. Зеликов М. В. Об исследовании парадигмы расширения в испанистике в работах 1970–2020 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 120–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.11>

Введение

Языковые механизмы, указывающие на структурное (синтаксическое) расширение предложения-высказывания, после появления в середине XX в. работ А. Мартине, связываются с феноменом избыточности. Несмотря на очевидное противоречие – абсолютное большинство языковых моделей, рассматриваемых как избыточные, таковыми, собственно, не являются, до настоящего времени общепринятым термином для их обозначения остается *redundancy* (англ.), *redoundance* (фр.), *redundancia* в испанской грамматической традиции [Vigara Tauste, 1984; Narbona Jiménez, 1986; Hernando Cuadrado, 1988]. В испанских и португальских исследованиях он применяется и для номинации фигуры речи – плеоназма (греч. «избыточность», «переизбыток»), который как «ошибочное добавление (*adjectio*)» (по Квинтилиану I, 5, 38) [Desbordes, 1983, p. 26] должен относиться только к образованиям типа лат. *prima initia inchoare* «начинать первые начала» или рус. *работать на работе, обычно всегда*. То же – испанские: *eso es muy imposible; se ve perfectamente bien; ya te guardarás muy mucho de hacer semejante cosa* [Vigara Tauste, 1992, p. 157, 166] и другие тавтологические образования, возникающие в процессе речевой деятельности. В отличие от обязательных (грамматических) и факультативных (стилистических) плеоназмов, обусловленных языковой системой / нормой и экспрессивными целями выс-

казывания соответственно, они продолжают квалифицироваться как неправильные. Понятие плеоназма как «переизбытка» [Гаспаров, 2000, с. 462] в строгом смысле является релевантным только при рассмотрении языковой системы в качестве кода. Тем не менее любая теория кодовых функций формального языка не может подменить собой вариативность естественного «языка в действии». По мнению А.В. Десницкой, «богатство форм и избыточность грамматических показателей или же, наоборот, доведенный до пределов лаконизм формального выражения» – это «свойства эстетики естественных языков», которая вряд ли выше «эстетики, закладываемой в роботов... теория кодовых функций, присутствующая любой языковой системе... не может подменить собой язык в целом» [Десницкая, 1985, с. 12]. Например, именно потребностями коммуникации предопределяется использование не одного, а двух глагольных компонентов, соединенных союзом в моделях так называемого эnumerативного предиката. Ср.: рус. *Взял и поехал*, исп. *Va y te dice* – «Он (идет) и говорит мне» (подробнее см.: [Зеликов, 2005а, с. 200–201])².

В бинарно-структуралистском противопоставлении «экономия / избыточность», доминирующем в современной лингвистике, остается незадействованным понятие «полной (цельной) формы», обязательно наличествующей в фундаментальной тернарной схеме классического европейского языкознания (Аполлоний Дискол, II в. н. э.), по отношению

к которой все остальные формы рассматривались как противоположенные. Именно в результате такого противопоставления они определяются как «неполные (эллиптические)» либо «плеонастические» [Lallot, 1983, p. 9–10] – ошибочные, языковые и стилистические.

Полная парадигма языковых моделей расширения (добавления (*adjectio*) компонентов к исходной полной форме) в испанистике до сих пор не выявлена, в отличие от моделей риторического расширения (*amplificatio, dilatatio*) – фигур речи, использующихся как средство «распространения» материала, противопоставленного его «сжатию», например сравнение (*collation*)³, или как переводческий прием.

В статье анализируются работы отечественных и зарубежных испанистов (с 70-х гг. XX в. до настоящего времени), в которых осуществляется фрагментарное исследование языковых моделей расширения. Они изучались преимущественно в контексте языковой экспрессии как спонтанного отражения аффективности говорящего / пишущего субъекта [Vigara Tauste, 1984, p. 30], что не представляется бесспорным: ресурсы языкового расширения во многих случаях являются стратегическими опорами ведения коммуникации, но аффективности адресанта при этом не отображают.

В статье рассматриваются следующие составляющие корпуса моделей расширения: I) модели коммуникативного расширения начала, середины и конца высказывания; II) модели перифразирования ядерных компонентов предложения-высказывания; III) лексические и синтаксические модели редупликации, являющейся не средством украшения речи, а языковой универсалией; IV) модели синтаксической эмфазы, многочисленные разновидности которой в отличие от эмфазы как риторической фигуры мысли исследованы до настоящего времени недостаточно.

Результаты и обсуждение

I. Модели коммуникативного расширения начала, середины и конца высказывания

Как показывает материал специальных исследований, коммуникативное расширение структуры предложения-высказывания осуществляется в рамках стратегических моде-

лей ведения коммуникации говорящим субъектом. Они представлены двумя типами: однокомпонентными и синтагматическими моделями. К первому относятся субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные конструкции, а также конструкции с союзами *pero, conque* и частицей *pues*. Ко второму – субстантивные, местоименные, адъективные, адвербиальные и глагольные конструкции с предлогами и союзами. В рамках коммуникативного расширения рассматривается одна из языковых / речевых функций – фатическая (от лат. *fatuor, -ari* «предсказывать»), исследованная в испанском разговорном языке [Vigara Tauste, 1990b; Herrero Moreno, 1994; и др.]. Истоки ее изучения содержатся в пионерской работе В. Байнхауэра (*tendencia retardataria*) [Weinhauer, 1985, p. 354], восходящей к научному наследию его предшественника и учителя Л. Шпитцера. Отталкиваясь от материала, изложенного в статье Г. Эрреро Морено, С. Эрнандес Алонсо выделяет: 1) формулы **начала** коммуникации, соответствующие формам начала диалога у В. Байнхауэра: *¿qué tal?, mira por dónde, pues, esto, lo que pasa, verá usted, bueno, conque, digo yo que*; 2) формулы **продолжения** коммуникации: *y otra cosa, a propósito, por cierto, así que, conque, es más, de todos modos, al grano*; 3) формулы **прерывания** коммуникации собеседника: *a eso voy, a propósito, por cierto, calla*; 4) формулы **окончания** коммуникации: *adios, hasta luego, y punto, en fin, lo dicho* [Hernández Alonso, 1995, p. 54–55]. Необходимо при этом пояснить, что некоторые из приведенных «формул», представленных двумя разновидностями моделей – однокомпонентными (*pues, conque, calla, adios*) и синтагматическими (*lo que pasa, así que, a eso voy, lo dicho*), используются не только как средство расширения высказывания, но и как самостоятельные реплики в процессе коммуникации.

Рассматриваемую разновидность расширения составляют различные модели наполнения структуры (*expresiones de relleno*), которые, не имея значения с концептуальной точки зрения, используются в качестве стимуляторов коммуникации (*estimulantes conversacionales*) [Vigara Tauste, 1992, p. 189, 380] и являются, по мнению Г. Эрреро Морено, индикаторами «человеческого фактора в процес-

се общения» [Herrero Moreno, 1994, p. 87]. Изучение этих образований, осуществляемое в русле современной лингвистической семиотики (семиологии), предполагает, помимо обращения к синтаксическому и семантическому критериям, обязательное внимание к фактору прагматики [Vigara Tauste, 1992, p. 76]. Как отмечается лингвистами, эти диалогические опоры, не имея собственной цели в высказывании, подобны клапанам (*válvulas*) запуска аффективности говорящего субъекта, что обусловлено субъективностью разговорного языка. Это слова-опоры (*palabras-pilares*) [Díaz Padilla, 1985, p. 110], представляющие серию средств, обычно вводимых (в процессе диалогического общения) характерными синтагмами (и отдельными лексемами. – М. З.) [Díaz Padilla, 1985, p. 105], которые в работах испанских грамматистов, исследующих феномен избыточности, называются присказками (*muletillas*), джокерами (то есть «словами универсального характера» – *comodines*), повторами (*repeticiones*), словами-паразитами (*estribillos*), пословицами (*refranes*) и пр. (см.: [Vigara Tauste, 1992, p. 289]). В истоках их исследования, осуществляемого в русле функционально-коммуникативного (дискурсивного) направления, лежит замечание о «словечках» (*bordones*), появившееся в «Диалоге о языке» Хуана де Вальдеса (1535 г.), которые некоторые люди обыкновенно используют в своей речи⁴. Первые попытки систематизации слов, имеющих сопроводительную функцию в высказывании, можно отметить в монографии С. Хили и Гайя, впервые определившего эти «сверхпредложенческие соединители» (*enlaces extraoracionales*) как *muletillas* [Gili y Gaya, 1968, p. 326], и в «Грамматике» Х. Альсины Франч и Х.М. Блекуа, назвавших их «дискурсивными регуляторами» (*ordenadores de discurso*) и квалифицировавших как «избыточные» (*expletivas*) [Alcina Franch, Blecua, 1988, p. 1014]⁵. Особенностью этих лексических единиц является то, что они, будучи конститuentами предложения-высказывания, значимостью в его составе не обладают. Это «элементы, лишённые лексического значения и не привносящие дополнительной информации к тексту» [Котов, 2003, с. 48]. Ср., например, с рус. частицей *вот*, которая используется как опора и образует итеративный по-

втор при развертывании высказывания (*вот... вот... вот...*). Эта функция *вот* (в отличие от интродуктивно-дейктической, усилительной и выделительной [Бюлер, 1993, с. 85–89]) при переводе не передается. М.А. Мартин Сорракино и Х. Портолес Ласаро, констатирующие факт незначительного внимания в грамматиках к лишённым концептуального значения дискурсивным маркерам (*marcadores de discurso*), тем не менее говорят о возможности выделения у них собирательного значения, складывающегося из конкретных значений связи, аргументации и структурирования информации [Martín Zorraquino, Portolés Lázaro, 1999, p. 4056, 4074], ответственного за создание когерентности как важнейшей составляющей странности дискурсивной текстуальности.

Наиболее частотным элементом расширения *начала* высказывания является частица *pues*, используемая в ответной реплике диалога: *¿No le gusta el libro? – Pues sí (no)* [Beinhauer, 1985, p. 197] – «Вам не нравится книга? – Ну, нравится / Ну, не нравится» (здесь и далее, если не указано иное, перевод автора статьи. – М. З.). Противительный союз *pero* ограничивает или конкретизирует высказанное в первой реплике: *Pero, ¿se puede saber qué te pasa...?* (Droga, p. 23) – «Но можно узнать, что с тобой происходит?». К глагольным расширителям окончания высказывания относятся вопросительные формулы 2-го л. ед. ч. когнитивных глаголов и глаголов чувственного восприятия *saber, ver, comprender, entender*: *¿No cojas más cerezas! ¿sabes?* [Vigara Tauste, 1992, p. 139–140] – «Знаешь, не хватай больше черешни!».

К синтагматическим опорам *начала* высказывания можно отнести следующие формулы:

– *en fin* «короче»: *En fin, Lorenzo, hasta mañana* – «Короче, Лоренсо, до завтра». Эта наречная конкретизирующая форма, имеющая структуру Prep + Sust, представляет компрессионный вариант фразеологизма *al fin y al cabo* «в конце концов» [Vigara Tauste, 1992, p. 117–118] (см. о ней: [Montolío Durán, 1992]);

– *Así y todo* (Adv + Pron) «в общем»: *Así y todo, la gente particularmente los hombres, no le hacían caso* (Camino, p. 163) – «В общем, люди, особенно мужчины, не обращали на него большого внимания»;

– перифразы *de todos modos, de cualquier forma, en todo caso* «в любом случае», образованные по модели Prep + Pron + Sust, выражают ограничительное значение: *En todo caso quiero casarme con Minaya* [Díaz Padilla, 1985, p. 124] – «В любом случае хочу выйти замуж за Минаю». Такое же значение выражает и императивная зевгматическая формула с десемантизированным глаголом *querer* – *Quiéralo o no...: Quiéralo o no lo vas a aceptar* – «Ты должен принять это повсякому». Десемантизация обнаруживается и в модели императивного *mirar*: *Mira, yo no sé qué opinas tú...* [Moreno, Tuts, 1991, p. 67] – «Слушай (Пойми), я не знаю, что думаешь об этом ты...» и др.

В качестве формул, *завершающих* высказывание, как правило, используются синтагмы-присказки, обычно квалифицируемые как «*estrebillos y refranes*». Ф. Диас Падилья приводит ряд таких единиц. Синтагма с соединительным союзом *y* + V ind. (*y ya está*) указывает на преодоление каких-нибудь предвиденных и незначительных по мнению говорящего сложностей: *Un buen día nos levantamos bien temprano... y los matamos a ellos ... Y ya está* [Díaz Padilla, 1985, p. 131] – «Однажды раненько встанем... и перебьем их... и готово»; ср. синонимические *y tal*: *Quieres verme casada, con los hijos y tal* [Vigara Tauste, 1990a, p. 81] – «Хочешь увидеть меня замужем, с детьми и вообще»; *y así*: *Es un señor ya mayor, de unos cincuenta y algo años, así que habla muy pausadito y así* [Díaz Padilla, 1985, p. 294] – «Это уже пожилой господин лет пятидесяти с чем-то лет, и говорит с остановками и вообще»; *y eso*: *Los complejos y eso* (Príncipe, p. 86) – «Комплексы и вообще». Акцентуация внимания на сообщении адресанта (autorreafirmación) осуществляется посредством использованием им формулы, компонентами которой являются глагол 1-го л. ед. ч. и постпозиционное местоимение *yo* (V + Pron). Чаще всего в этом случае используется глагол говорения *decir*: *¿Son las mismas (niñas)? – No, son otras. Digo yo. Serán otras, digo yo* [Vigara Tauste, 1992, p. 138] – «Это те же? – Нет, другие, мне кажется. Должны быть другие, мне кажется».

Наиболее частотной однокомпонентной моделью, расширяющей начало, середину и конец предложения-высказывания, является

адъективная единица – присказка *bueno*: *Bueno, es igual* [Díaz Padilla, 1985, p. 136] – «Да все равно». То же – «ретардированный» элемент имплицитного повеления *vamos* (V ind), иногда выражающий отрицательное значение: *Vamos, vamos ... Todo el mundo sabe que el Cid era más fiel de todos los maridos* [Díaz Padilla, 1985, p. 114] – «Ладно, ладно... Все знают, что Сид был самым верным мужем». Семы движения эта обобщающая форма 1-го л. мн. ч. глагола *ir* при переводе не передает.

Значительную роль в расширении начала, середины и окончания восклицательного высказывания играют непристойные присказки, выражаемые субстантивными единицами *cojones, coño(s), hostia(s) (ostras), leche, (leñe)*, а также глаголом *joder (jolin)*, которые обычно передаются различными эвфемизмами: *¿Qué cojones estás haciendo aquí?* (DEM, p. 80–81) – «Какого ляда ты здесь делаешь?»; *¡Coño, mira quién ha venido!* (DEM, p. 91) – «Черт, смотри, кто пришел!»; *¡Átale bien las patas, hostia!* (DEM, p. 142) – «Лапы ему хорошо свяжи, блин!». Ср. также диалогические: *¡Ostras, qué pellizco me he llevado!* – «Черт, как он меня ущипнул!»; *¡Haz lo que te digo, leche!* – «Делай, что я тебе говорю, блин!»; *¡Leñe, iros a jugar a otra parte!* «Черт! Идите играть в другое место!».

Одним из самых частотных синтагматических расширителей начала, конца и середины высказывания является *o sea* (Conj + V subj) – присказка, не выражающая значения волеизъявления [Vigara Tauste, 1990a, p. 77]: *Mi casa es como todas, o sea, distinta* – «Мой дом как все дома, в общем, отличается» [Зеликов, 2004, с. 179]. Постановка ее в начале, как правило, вызвано паузой: *... es que hacemos lo que los demás hacen. O sea, debemos hacer lo que a nosotros nos conviene* – «...дело в том, что мы делаем то, что делают другие. В общем, мы должны делать то, что нам подходит». Такую же обобщающую функцию в процессе коммуникации реализует формула (*en*) *total* (Prep + Adv) «в общем», часто употребляемая без предложного компонента: *Total, que llegué como pude a casa de mi tía y me dice...* [Vigara Tauste, 1992, p. 250] – «В общем, как мог добрался до дома моей тети, а она мне говорит...»; *Cuélgate, total* – «Так повесься же!» (шутливое обыгрывание в рекламе английского названия зубной пасты «Colgate total»).

Сравнительная формула с глаголом говорения в условном наклонении и с эксплицированным постпозитивным местоимением 1-го л. ед. ч. (Conj + V cond + Pron) обычно расширяет середину высказывания: *Si, pero la historia es siempre, como te diría yo, falseadora de la realidad* [Vigara Tauste, 1992, p. 138] – «Да, но история всегда, я бы сказал тебе, искажает действительность». Местоимение 2-го л. ед. ч. ставится перед глаголом (Pron + V ind): *Se muere su hermano, y ella, tú verás, con nueve años más que tiene...* [Vigara Tauste, 1992, p. 140] – «Умирает ее брат и она, (ты же) понимаешь, будучи старше меня на девять лет ...». То же – модель *ya sabes* (Conj + V ind): *Pero sí, ya sabes, se oye todo lo que dicen los vecinos* [Vigara Tauste, 1992, p. 141] – «Но да, ты же знаешь, слышно все, что говорят соседи», а также формулы, вводимые соединительным союзом *y* (Conj + Adv), – *y además* «и кроме того», *y luego* «а потом», *y demás* «то же»: **Luego** *te lo tienes que recordar* [Vigara Tauste, 1992, p. 290] – «А потом, ты это обязательно вспомнишь»; ... *la gente que va y... los comentarios y demás ... es algo divertido* [Vigara Tauste, 1992, p. 292] – «...Люди, которые приходят и... комментарии и потом... нечто забавное». Как можно видеть, отсутствует указание на конкретное время (пространственный параметр Nunc) в двух последних примерах.

Широко представлены в корпусе моделей коммуникативного расширения синтагмы с релятивным местоимением *que*, которое может функционировать в качестве союза – интродуктора придаточных предложений, и, по мнению А.М. Вигара Таусте, используется в испанском так часто, что трудно установить шкалу ее значений [Vigara Tauste, 1992, p. 67]. Как показывает анализ материала, содержащегося в многочисленных исследованиях, осуществляющихся со времен Л. Шпитцера, в парадигме грамматики *que* в современном испанском языке, охватывающей обе стороны ее функционирования – местоимения и союза – можно выделить две основные группы моделей: 1) *que* в функции заменителя и 2) *que* в функции расширителя [Зеликов, 2003а, с. 44]. Группу расширяющего *que*, в свою очередь, составляют грамматические и **экспрессивные** модели (об их конкретном наполнении см.: [Зеликов, 2003а, с. 44–45]).

В качестве одного из нейтральных дискурсивных маркеров *que* (парадискурсивный элемент в рамках коммуникативной динамики [Porroche Ballesteros, 1988, p. 231]) используется без каких-либо ограничений, расширяет все фрагменты высказывания. В начале фразы компонент, вводимый *que*, легко инвертируется. При этом опорный маркер, не обладая собственно лексическим значением, способствует изменению значения высказывания в целом: **Que** *yo te conozco* – «Так я тебя знаю» → *Yo, que te conozco* – «Я, который тебя знает». В этом случае *que* является интродуктором в функции включения предикативной единицы в состав предложения – *que* (1) (о ней, как и о функциях релятивизации и прономинализации – *que* (2) см.: [Alarcos Llorac, 1970, p. 193–195; Мoya Corral, 2004, p. 80–81, 83]). Начальное *que* сообщает эмфатизирующее значение высказыванию (*valor ilativo enfático*): **Que** *sí, hombre* – «Ну, да...» [Hernández Alonso, 1995, p. 126–127].

Внимание к *que* как к интродуктору высказывания было привлечено Л. Шпитцером, назвавшем его «повествовательным» (*narrativo*) и отметившим эллиптическое опущение глагола говорения: *...que no lo conocía nadie* ← **dicen** *que...* («говорят, что его никто не знал»). О роли *verba dicendi* в качестве компонентов дискурсивных маркеров с релятивным *que* свидетельствуют такие формулы, как Conj + V + *que* (также способная к расширению начала высказывания): *Con decirle que, después que mi padre nos abandonó...* [Díaz Padilla, 1985, p. 185] – «Сказать Вам, что после того, как мой отец нас покинул...» – и формула *lo que* + Pron. Ind. + V, появляющаяся в начале и в конце: **Y lo que te digo: porque eso de que la palmas, y se acabó ... No sé** (Droga, p. 40) – «И что я тебе скажу, то, что приберешь ее и кончен бал... Не знаю...».

Формулой дополнительной аргументации, направленной на подчеркивание излагаемого мнения говорящим субъектом, является **Ahora que: ... ahora que lo dice ...** [Díaz Padilla, 1985, p. 106] – «...а теперь вот он говорит...». То же – для убеждения собеседника: **Ahora ves que ...** – «Теперь видишь / понимаешь, что...» (без акцентуации внимания на его перцептивных и когнитивных способностях). Наиболее частотны в ряду этих конструкций грам-

мативированные императивные восклицательно-утвердительные образования с глаголом *mirar*: *¡Mira que es listo!* – «Ну и хитер!», которые, по мнению А. Нарбона Хименеса, являются исключительно индикаторами начала действия и побудительного значения не содержат [Narbona Jiménez, 1986, p. 253] (подробно см.: [Зеликов, 2005б, с. 131]).

Que, вводящее различные придаточные (nexo subordinante) [Vigara Tauste, 1992, p. 127], используется как средство речевого воздействия на адресата. Ср. «объяснительное» *que* (explicativo) [Porroche Ballesteros, 1988, p. 237] в придаточных следствия [Narbona Jiménez, 1986, p. 268–272; Hernández Alonso, 2009]: *Llámate que te ahorco* – «Позвони (мне), не то повешу (тебя)». Эти высказывания являются эллиптическими, и восстановление опущенного протасиса указывает на трансформацию условного придаточного: *...si no me llamas te ahorco* [Зеликов, 2005а, с. 290] – «...если не позвонишь, повешу». В высказываниях с изъяснительным придаточным типа *¡Pablo! ¡que me vas a tirar al suelo!* (Tusset, p. 18) – «Пабло! Ты же меня уронишь!» опущено главное предложение *No ves...* («Не видишь...»).

Que в качестве компонента моделей расширения конца высказывания используется в формулах *... que + (si) + N*. Ср.: *... que bueno* (ее перевод всегда определяется диалогической ситуацией); *...que si tal, que si cual* «то, да се»; *...que (si) patatín, que (si) patatán* (соответствует рус. *ля – ля – (ля – тополя)* и англ. *blu – blu – blu*). Ср. также *...que + para + Inf*: *...que para quedarse atrás* = рус. *отпасть можно*, также соответствующие исп. «квазиконсекутивному» *que te caes*. Значительной вариативностью отличаются модели, в которых конектор *que* вводит глагольное предложение (*...que + Frase verbal*): *Sí, rica; tiene un pastón que es demasiado* (Droga, p. 33) – «Да, красотка, у него такие бабки, что вообще...». Как отмечает А. Нарбона Хименес, некоторые выражения, которые появляются после *que*, превращаются в эмфатические стереотипные клише [Narbona Jiménez, 1986, p. 249]. В числе наиболее частотных – образования с глаголом *ver* в форме Presente de Subjuntivo: *Se lo monta que no veas* (Droga, p. 187) – «Он так умеет жить, что вообще...». В них можно отметить эллиптические опущен-

ия, о которых свидетельствует существование полных вариантов. Ср.: *... que no veas cosa igual* (Mario, p. 67) – букв. «...чтобы ты не видел подобной вещи».

Граммема *que* также участвует в образовании моделей отрицательного расширения, имеющего место в процессе *перифразирования* при трансформации структуры сложносочиненного предложения (паратаксического) в сложноподчиненное (гипотаксическое). Ср. модель *por + (miu) + Adj + que + Subj*, участвующую в образовании придаточных уступительных в предложениях с противительным *pero*: *No la querrá por (miu) guapa que sea* («Он ее не полюбит, какой бы красивой она ни была») ← *Es (miu) guapa, pero no la querrá* («Она (очень) красивая, но он ее не полюбит»).

II. Модели перифразирования ядерных компонентов предложения-высказывания

Расширение структуры простого предложения-высказывания часто осуществляется путем перифразирования его именных, адverbиальных и вербальных компонентов, эксплицирующихся различными аналитическими образованиями. Модели второго типа, в отличие от рассмотренных выше, не относятся к стимуляторам коммуникации, но также могут быть маркированы аффективностью.

К элементам, используемым при перифразировании *субстантивных* компонентов высказывания, относятся *cosa, señor, tío(a)* и некоторые другие, реализующие субстантивную, местоименную, адъективную и адverbиальную функции. *Cosa* употребляется как собственно существительное («вещь», «дело», «событие» и др.) и как местоимение («нечто», «что-то», «кое-что»). Авторы, отмечающие его адverbиальную функцию, частотность употребления *cosa* объясняют фактором незнакомства говорящего с референтом, неуверенностью в знании значения лексической единицы, тенденцией к языковой экономии и даже небрежностью [Gifre Martinell, 1992, p. 202]. Ср. также *cosa* в местоименной функции дейктического *esto*: *No te preocupes de estas cosas* = *...de esto* – «Об этом не беспокойся»; в функции неопределенных местоимений *todo* и *algo*: *...Alfanhuí le contaba cómo era cada cosa*

(Alfanhuí, p. 53) = ...*cómo era todo* – «Альфа-нуи все ему рассказывал»; *Trató de imaginarse cosas que fueran divertidas; pero era imposible...* (Alfanhuí, p. 62) = ...*algo que fuera divertido/lo que fuera divertido* – «Он попытался вообразить себе что-то забавное (ср. без союза *que*: ...*algo divertido / lo divertido*). Сочетание с прилагательным *otra(s)* расширяет высказывание в качестве местоименного компонента: *Hablemos de otras cosas* = *Hablemos de otro* – «Поговорим о другом».

Cosa в сочетании с прилагательными *gran(de)*, *poca*, *ninguna*, стоящими в препозиции, заменяет отрицательное наречие *nada*: *No hemos adelantado gran cosa* (Droga, p. 172) = *No hemos adelantado nada / mucho* – «Мы совсем не / не очень-то продвинулись».

Элементы *señor*, *tío(a)*, *cacho*, расширяющие субстантивные компоненты предложения-высказывания, способствуют повышению его аффективности, ср.: *Es un señor rollo* – «Он страшный зануда» (букв. «сеньор-зануда»); *tío ladrón* – «ворюга» (букв. «дядя-вор»); *tía furcia* – «шлюха, потаскуха» (букв. «тетя-проститутка»); *tía zorra* – «шлюха, потаскуха» (букв. «тетя-лиса»). Элемент *cacho* «кусок, ломоть» также используется для образования эллиптических субстантивных синтагм NS + (*de*) + NS: *cacho bobo* = рус. *кусок идиота*.

Наиболее часто в разговорном испанском происходит перифразирование адъективных компонентов, например, по формуле *hecho* + NS, имеющей, как показано Ф. Диас Падила, значение прилагательного усиленной аффективности [Díaz Padilla, 1985, p. 239–240]: *Me encontré hecha una furia (enfurecida / encabritada)* – «Она встретила меня страшно разъяренная». В отличие от этих образований релятивные модели *que* + V аффективными не являются. Количество атрибутивно-релятивных конструкций, функционирующих как прилагательные (*человек, который смеется; корова, которая смеется*), в испанском постоянно увеличивается. Ср.: *El silencio que duele* (Grosso, p. 67) = ... *doliente* – «Болезненное молчание»; *El tema que llega* = ... *eterno* – «Вечная тема» (подробно см.: [Зеликов, 2005а, с. 49–50]).

Значительный фрагмент корпуса аналитических моделей составляют синтагмы, имеющие структуру N + *prep* + N, и в частности

генитивные перифразы с предлогом *de* [Martínez Álvarez, 1988; Listová, 2005; и др.]. Две разновидности таких образований – атрибутивная и предикативная – в свою очередь могут не только расширять структуру предложения (*neutrales*), но и иметь оценочно-интенсифицирующее (*ponderativas*) значение.

К моделям **атрибутивной** разновидности относятся неаффективные синтагмы, имеющие структуру NS + *de* + NS: *El sol de la mañana* (Droga, p. 160) = ... *matinal* (но не **El sol que tiene la mañana*) – «Утреннее солнце». Модели объектного (объективного) генитива преимущественно являются аффективными [Beinhauer, 1985, p. 323–327; Díaz Padilla, 1985, p. 244; Martínez Álvarez, 1988], как и структуры *de* + V: *de aquí (ahí) te espero* и *de no te menees*, подробно рассматриваемые в [Мед, 2007, с. 180–181]. Весьма заметную роль в разговорном испанском играют атрибутивные перифразы с *de*, вводящие адъективный элемент и имеющие суперлативное значение (NS + *ser / estar* + *de* + Adj), например: *La casa es de bonita* – «Красивейший дом», – и модели, содержащие большее количество элементов (NS + *ser/estar* + *de* + *lo (los, las) + más* + Adj), например: *Era una chica de lo más guapa* – «Она была одной из самых красивых девочек», в которых можно отметить опущение придаточных сравнительных типа *que se puede(n) / podría(n) comparar*. Значение превосходной степени может быть выражено и без элемента *más*: *de lo lindo, de lo mejorcito* и мн. др., например: *Este costo es de lo mejor* (Droga, p. 55) – «Этот гашиш самый лучший / наилучший».

Предикативные генитивные перифразы также могут быть нейтральными и аффективными. К **нейтральным** относятся экзистенциальные и посессивные высказывания, образуемые по следующим моделям: *ser* + *de* + NS (для обозначения времени суток): *Aún es de día* = *Aún hace día* – «Еще не вечер»; особенностью перифраз, имеющих структуру NS + *de* + NS, является их **компрессивный** характер: расширения не происходит, и следует говорить лишь о синонимических предикативных отношениях: ...*ese grandón de la cicatriz* (Goytisolo, p. 32) = ...*que tiene la cicatriz* – «...этот верзила со шрамом». Специфическими на фоне большинства романских

языков являются и компрессивные образования с *de*, для которых обязательна предикативная трансформация типа *La señora de la patada* (Cuentos, p. 162) = *La señora a quien le dieron la patada* – «Сеньора, которой дали пинок ногой». Ср. также разговорные: *La hormiga de la mesa* = ... *que va por la mesa* – «Муравей, ползущий по столу». Ср. также *Los años de estudiante*, предполагающее не только атрибутивную (= *Los años estudiantiles* – «Студенческие годы»), но и предикативную (= *Los años cuando era estudiante* – «Годы, когда был студентом») экспликацию. Подобные этим примеры указывают на возможность перехода существительных и определяющих их прилагательных из атрибутивных единиц в предикативные и наоборот. Таким образом выражаются атрибутивно-предикативные отношения, которые выделял еще А.А. Шахматов (подробно о них см. также: [Зеликов, 2005а, с. 47–49]). То же – в предложениях с *de*, вводящим инфинитив (NS + ... Inf): *Siempre me he preguntado cómo hacen para conseguir teléfonos tan fáciles de recordar* (Martín, Ribera, p. 100) = ... *teléfonos que se recuerdan así de fácil* – «Я всегда спрашивал себя, как они ухитряются приобретать телефоны с такими легко запоминающимися номерами / ... телефоны, номера которых так легко запомнить». Кроме того, не указывают на расширение модели *de* + Inf, имеющие только предикативное содержание: *Esto es de saber* = *Esto es lo que se debe saber* – «Это следует знать»⁶.

К *аффективным* предикативным моделям с *de* относятся партитивные структуры, первым глагольным элементом которых является посессивный глагол *tener* или стативный *estar*, – V + *de* + Adj / Part: *Mi espalda que la tengo de escocida* (Jarama, p. 38) / ... *está de escocida* – «Моя спина, она вся обгорела». Ср. также разговорные: *Estoy de nerviosa* – «Я так нервничаю / изнервничалась» – и V + *de* + NS: *Estoy de periódicos*, не расширяющая, но являющаяся синонимической предложением с *tener*: *Tengo muchísimos periódicos* – и эллиптическому: *¡La (cantidad) de periódicos que tengo!* – «Газет у меня навалом!».

Расширение *глагольной* составляющей предложения-высказывания всегда нейтральными аналитическими моделями V + NS, пре-

имущественное использование их вместо однокомпонентных моделей простого сказуемого составляет одну из идиоэтнических особенностей синтаксиса простого испанского предложения [Agencia Efe..., 1990, p. 49–50; Zélikov, 2007, p. 112–117]. Как показывает материал, содержащийся в исследованиях [Martín Rodríguez, 1991; и др.], отличительной чертой подобных образований является объектный статус их глагольных компонентов (*echa*, *coger*, *dar*, *hacer*, *pegar*, *poner*, *tener*, *tomar* и др.). Самым частотным здесь, как и в других западнороманских языках, является агентивный *hacer*. Ср.: *Valentín echó un largo trago de coñac* (Droga, p. 147) = ... *tragó un largo trago de coñac* – «Валентин сделал большой глоток коньяка»; *Has cogido un cabreo como un enano...* (Droga, p. 69) = *Has encabritado como un enano* – «Ты жутко взбеленился»; *No había manera de hacerse con un buen trago* (Droga, p. 204) = ... *de hacerse tragar bien* – «Совсем нельзя было хорошо поддаться»; *Vamos a darle tiento* (Droga, p. 145) = *Vamos a tentarlo* – «Давай его пощупаем» и др. В тех случаях, когда первым компонентом являются глаголы субъектного статуса (*andar*, *estar*, *ir* и др.), конструкция обязательно дополняется предложным элементом (V + *prep* + NS): *andar / ir de copas (vinos, chatos* и др.) = *beber* «пить»; *estar en ida* (Cid, p. 271) = *ir* «ехать»; *estar de charla* = *charlar* «болтать» и мн. др.

III. Модели редупликации

Редупликация (удвоение, геминация) обычно рассматривается как универсальное фонеморфологическое явление расширения, состоящее: 1) в двукратном увеличении длины звука; 2) в повторении буквы на письме для обозначения качества звука; 3) в удвоении начального слога (частичная) или целого корня (полная); 4) в удвоении всего слова (повтор), что является предельным случаем редупликации [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 408]⁷. Два первых типа отражают фонетический, а два последних – лексико-грамматический уровень редупликации⁸. Образующиеся в процессе речевой деятельности и становящиеся достоянием естественного языка редупликационные

модели – тавтология типа *tiene que tener* и *iba a ir* (первая – модальная, вторая – аспектальная) – не следует квалифицировать как избыточные, так как они всегда обладают значением – грамматическим либо стилистическим (экспрессивным) (об этом см., например: [Maças, 1984; и др.]), в которых, в свою очередь, также можно выделить два вида – структурный и семантический [Крючкова, 2000, с. 70–71, 74; и др.].

Во многих языках мира, в том числе и в древних индоевропейских, продуктивность того или иного типа редупликации зависела (зависит) от особенностей морфологического строя [Крючкова, 2000, с. 81–82], ср. «удвоение как излюбленное средство эмфазы» при образовании некоторых форм личных местоимений [Семереньи, 1980, с. 232]. Для современных индоевропейских языков использование морфологических средств для редупликации (например, удвоение части корня, отмечавшееся только на древнем этапе их развития [Трубецкой, 1986, с. 56–57]) не характерно. Кроме того, помимо обычных морфологических (ср. *turmuturar* «журчать») и лексических удвоений (см. ниже) их образование происходит в результате трансформации диахронических синтаксических моделей (ср. исп., порт. *co(n)migo* «со мной», представляющее стяжение компонентов *cum* «с» + *tecum* (< *te* + *cum*) «со мной»), и следовательно, они должны рассматриваться как феномен морфосинтаксиса [Vigara Tauste, 1992]. В полной мере это относится к иберо-романским языкам, и особенно к испанскому [Зеликов, 2009, с. 61–62], в котором можно выделить три типа редупликационных образований. Первый, морфологический (др.-груз. *did-did-n-i* «очень большой», лат. *se-cini* «я спел», ит. *farfalla* «бабочка», порт. *borboleta* «то же» и др.), представляющий универсальный тип формообразования в древних и современных языках, исследован довольно хорошо (см.: [Мельчук, 2001, с. 311–315]). Отличительной чертой испанского (по крайней мере при сопоставлении с другими романскими языками) является разнообразие моделей, составляющих два других типа: лексического и синтаксического. К лексическому типу мы относим удвоение одного компонента в составе высказывания, приводящее к образованию словосочетаний

(простая редупликация), к синтаксическому типу относим удвоение нескольких компонентов, способствующее модификации *всего* высказывания (сложная редупликация). Тем не менее в работах, посвященных исследованию разговорного синтаксиса, эти два типа не различаются. Так, в одном ряду «избыточных» моделей А. Нарбона Хименес рассматривает как синтаксические (ср. синтагмы, построенные на прямом повторе *Que sí, que sí; Vete ya, vete ya; Párate parado; Perderse, no se pierden*), так и лексические (*chico-chico, precioso-precioso*) модели [Narbona Jiménez, 1986, p. 245–246, 261]. Аналогично объясняются повторы в статье М.В. Эскандель Видаль: лексические парафразы типа *café-café* и *días y días* не отделяются от псевдоимперативной модели с релятивным союзом *que: dale que dale* [Escandel Vidal, 1991, p. 73–76].

Модели лексической редупликации в испанском языке часто исследуются как стилистическое явление [Гончаренко, 1999; Gabinschi, 2002], возникающее в результате повтора [Верба, 1994; Lamíquiz, 1971], и рассматриваются исключительно как плеонастические [Vigara Tauste, 1992, p. 148–150].

Лексическая редупликация, модели которой составляют значительный фрагмент парадигмы расширения в испанском языке, сосуществует с противопоставленной ей парадигмой сокращения («замедляющая» и «убыстряющая» тенденции В. Байнхауэра [Beinhauer, 1985, p. 1]). Такие модели включают разные виды удвоения: 1) предложные (только **субстантивные**): *canción de las canciones* «песнь песней», *noche a noche* «ночь за ночью», «каждую ночь»; 2) бессоюзные (большинство моделей, образующиеся со всеми значимыми компонентами высказывания), к которым относятся субстантивные: ... *porque él amigos-amigos no tenía* (Quiñones, p. 39) – «...потому что настоящих друзей у него не было»; **адъективные**: ... *pero lo seguro-seguro es que el oficio no le caía bien, como me caía a mí y a otras* (Quiñones, p. 166) – «...но, конечно (букв. «верно-верно»), это занятие ей не нравилось, как мне и другим (женщинам)»; **адвербиальные**: ... *y dicen que toca el acordeón pero bien-bien* (Quiñones, p. 93) – «...говорят, что она играет на аккордеоне ну очень хорошо»; **местоименные**: ...у

entonces cerré los ojos sin moverme nada-nada un rato grande (Quiñones, p. 124) – «...и тогда я закрыла глаза и долго лежала, совсем-совсем не шевелясь»; личные глагольные: *...una película ...que te distraes-te distraes ...* (Quiñones, p. 22) – «...такой фильм, что ты классно оттягиваешься...»; инфинитивные: *...eso de irse-irse, tambien hay que pensarlo* (Quiñones, p. 61) – «...это насчет того, чтобы уехать насовсем, тоже надо обдумать»; **нпучастные**: *...esas gomas apretás apretás, que acaba ella ...con los pies ... como los de una muerta* (Quiñones, p. 22) – «...эти ну такие тугие резинки, что у нее в итоге ноги были... как у мертвой»; герундиальные: *...se fue por la escalera de la azotea corriendo-corriendo* (Quiñones, p. 117) – «...быстро-быстро сбежал по лестнице на крыше»; глагольно-герундиальные: *llora-llorando* «плачем плачет»; 3) союзные, среди которых отмечаются субстантивные: *Hay miradas y miradas* – «Смотреть можно по-разному»; *La policía estuvo tiempo y tiempo buscándolo* – «Полиция искала его очень долго»⁹; адъективные: *fuerte que fuerte* «очень сильный»; **адвербиальные**: *cierto y bien cierto* «точнехонько»; личные глагольные: *volvía y volvía* «все возвращался»; инфинитивные: *me lía a sonar y sonar* «принимаюсь трезвонить»; герундиальные: *iba mirando y mirando* «все смотрел и смотрел».

В корпусе моделей синтаксической редупликации в испанском языке можно выделить три основные разновидности: 1) параномазийные; 2) анафорические; 3) прагматические.

1. Удвоения, построенные по принципу этимологических структур или параномазии, восходят к одному из древнейших предикатно-актантных типов индоевропейского предложения и подразделяются на два подтипа: модели с устраняемым и восстанавливаемым тавтологическим субъектом типа ст.-слав. *вѣтръ вѣтъ*, рус. *гром гремит* и др. [Степанов, 1989, с. 57]. Эти модели для испанского языка, как и для других романских языков, не характерны. Более продуктивны образования с устраняемым и восстанавливаемым тавтологическим объектом (внутренним дополнением), известные во всех индоевропейских языках (подробно см.: [Rodríguez Romalle, 2003; Зеликов, 2009]).

В числе подобных образований – модели «невольной параномазии», второй компонент которых является инфинитивным дополнением, производным от первого. Ср.: *Acabo de acabar* [Vigara Tauste, 1992, p. 151] – «Я только что закончил», букв. «заканчиваю заканчивать»; *...cada vez que iba a ir a la Mora* (Quiñones, p. 22) – «...каждый раз, когда собирался приехать к Море»; *tengo que tenerlo aquí* (Quiñones, p. 73) – букв. «я должен иметь его здесь».

2. Модели анафорической редупликации местоименного объекта, хорошо известные во всех западнороманских языках, в испанском являются нормативно-грамматическими образованиями, характеризующими уже самые ранние памятники письменности. Выделяются два типа: а) с правой редупликацией (пониженной экспрессивности): *Que se te quite a ti eso de la cabeza* (Quiñones, p. 114) – «Пусть это выйдет у тебя из головы»; б) с левой (инверсионной) редупликацией (сохраняющие небольшую экспрессивность): *...a mí me dejen de tonterías* (Quiñones, p. 55) – «...а меня избавьте от глупостей».

Особое место в ряду анафорических моделей редупликации занимают сегментированные конструкции антиципации подлежащих и дополнений, ср. в разговорной речи: *Los padres ... ellos sí que tienen motivo* – «У родителей... у них действительно есть повод»; *... mi hijo lo tengo puesto dentro de mi corazón* – «...мой сын, он у меня в сердце».

3. Прагматическую разновидность синтаксической редупликации составляют многочисленные модально-иллокуционные модели, в которых отображаются прагматические особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания (утвердительные, отрицательные и повелительные).

Среди утвердительных моделей выделяются именные образования: *como guapa es guapa* [Vigara Tauste, 1990a, p. 109] – «красива-то она красива»; *...los ricos son los ricos y los pobres son los pobres* (Quiñones, p. 73) – «...богатые – это богатые, а бедные – это бедные» – и глагольные образования: *leía sobre leído* (Mario, p. 41) – «Читал и читал», букв. «читал сверх (прочитанного)», которые могут быть представлены деривационным по-

втором в форме причастия: ... *una onza de nueces frescas, lechosas aún, se ventilan bien ventiladas durante un día entero* (VPL, p. 71) – «...одна унция свежих орехов, еще молочной спелости, целый день хорошенько проветриваются» – или инфинитива: *entender entiendo, pero no hablo* [Escandel Vidal, 1991, p. 77] – «понимать понимаю, но не говорю».

Разновидность отрицательных моделей представлена различными комбинациями повтора отрицательных частиц *no* или *ni* с вариантами *si no, no: ... si no, no, cosa que allí tampoco le pasaba* (Quiñones, p. 72) – «...нет так нет, с ним этого тоже не случилось»; *si no + V pers + no + V pers + Pron Neg* (разновидность эмфазы условного предложения): *Si no fuma 20 no fuma ninguno* (Mario, p. 242) – «Она курит не меньше пачки в день», букв. «Если она не курит 20 (сигарет), она не курит ни одной»; *no ... ni ... ni: ... pero yo a lo mejor no me llevo de aquí ni un marido ni un navajazo* (Quiñones, p. 113) – «...но, возможно, я здесь не найду ни мужа, ни удара ножом»; *ni... ni...*, обычно используемая в качестве экспрессивной ответной реплики: *¿Qué le has dicho? – ¡Ni dicho ni leches!* – «Что ты ему сказал? – А ничего, блин, не сказал!»; *ni... ni nada: Ni joven ni vieja ni nada* (Quiñones, p. 91) – «Ни молодая, ни старая – никакая»; *Sust + ni + Sust: ... pero a mí no me vengan con encanto ni encanto ...* (Quiñones, p. 36) «... но пусть мне не говорят ни о каком разочаровании...»; *sin ... ni...: sin dineros ni dineros* «без копья», букв. «без денег, ни денег»; *que + Sust + ni que + Sust*, используемая в ответной реплике и содержащая оттенок раздражения и досады: *¿Sabes lo del Mercado? – ¡Qué mercado ni que mercado!* – «Знаешь о том, что произошло на рынке? – На каком таком рынке?» (о вариантах этой модели см.: [Зеликов, 2005б, с. 81–85]).

Повелительные модели можно разделить на бессоюзные: *Si te enfadas, enfádate...* [Moreno, Tuts, 1991, p. 158] – «Злишься – злись...»; паратаксические: *Lo sepas o no (lo sepas)...* [Moreno, Tuts, 1991, p. 158] – «Знаешь ты это или не знаешь...»; гипотаксические: *Sea cuando sea, te escribiré* [Moreno, Tuts, 1991, p. 158] – «Когда-нибудь напишу тебе»; *...que él gane lo que gane con tos esos bares...* (Quiñones, p. 143) – «...пусть себе зарабаты-

вает, имея все эти бары...». Особое место среди образований этого типа занимают модели так называемого гиперболического, или герундиального, императива, собственно императивным значением не обладающие. Формирование их осуществляется по двум типам моделей: 1) Imper. + *que* + (te) + Imper. [Escandel Vidal, 1991, p. 76]: *Baila que (te) baila* – «А он танцует и танцует»; *Estaba pasea que (te) pasea* – «А он все гулял и гулял»; 2) путем удвоения глагола *dar*: *Y ella en cambio dale que dale* – «А она все свое и свое (гнет, повторяет, талдычит) (о модификации последней см.: [Зеликов, 2005б, с. 132–133]).

IV. Модели синтаксической эмфазы

Модели синтаксической эмфазы (далее – МСЭ)¹⁰, составляющие существенную особенность расширения структуры высказывания западноевропейских (романских, германских и кельтских) языков, до сих не получили удовлетворительного осмысления, изучения и описания в специальных исследованиях. Тем не менее в отечественной испанистике со времени появления учебного пособия Н.Д. Арутюновой, предназначенного, по словам его автора, для «уже знакомых с основами испанской грамматики аспирантов», в котором впервые были рассмотрены представляющие «трудности перевода» эмфатические конструкции [Арутюнова, 1965, с. 83–95], изменилось не многое. МСЭ определялись как «стилистически избыточные» [Канонич, 1979, с. 19] или как «носящие паразитический характер» [Шишкова, Попок, 1989, с. 87]. Исследование их функционирования в целом происходило в рамках обращения к другим вопросам синтаксиса [Рылов, Бессарабова, 1997] либо носило фрагментарный характер [Языки мира..., 2001, с. 451; Кашурникова, 1979; и др.]. В зарубежной испанистике МСЭ (*emfatizados*, также рематизированные, топикализированные, клефтовые (*clivados*), псевдоклефтовые (*pseudoclivados*), фокализованные (*focalizados*) и выделительные (*de relieve, destacados*) [Vigara Tauste, 1992, p. 76; и др.]), играющие значительную роль в процессе коммуникации «супрасинтаксические» образования контрастного выделения в структуре высказывания [Дресслер, 1978, с. 112], как и в романистике в целом, преиму-

шественно изучаются в русле проблем интенсификации (экспрессивности и аффективности) высказывания. Феномен МСЭ, таким образом, не отделяется, как показано Л. Мелу е Абреу, от выражения посредством восклицания, изменения порядка слов, использования интенсивных и избыточных слов, прилагательных и интенсивных числительных [Melo e Abreu, 2001, p. 14]. Это иногда приводит к рассмотрению в одном ряду МСЭ и моделей инверсии (дислокации, топиализации). Ср.: *¿Cuánto tiempo hace usted que está trabajando?* (эмфаза сказуемого) – «Сколько же лет Вы работаете?» и *¿Hay absolutamente repeticiones en todas partes?* (инверсия наречия) – букв. «Есть ли абсолютно повторы везде?» (вместо «абсолютно везде») [Vigara Tauste, 1992, p. 77]. За пять последних десятилетий в зарубежной романистике появилось много работ по изучению МСЭ, осуществленных в рамках структурно-семантического, прагматического, а также генеративного направлений. В фокусе основного внимания оказались модели расщепления исходной структуры, образующие посредством ее расширения глаголом экзистенции и релятивным компонентом клефовые и псевдоклефовые конструкции (англ. cleavage, cleft sentences, фр. clivées, порт. clivagem, ит. scissione, исп. escisión, oraciones escindidas / hendidas). На испанском материале модели рассмотрены в [Bernal, 2001; Sedano, 2010; и др.]. Об их безусловной семантической и прагматической значимости см. в [Fernández Laborans, 1992, p. 239; España Villasante, 1996]; об *es que* как об интродукторе высказывания или дискурсивном маркере см.: [Porroche Ballesteros, 1998]. Согласно И. Боске, вводная формула *es que* никогда не появляется в абсолютном начале высказывания и всегда связана с предыдущим [Bosque, 1999], то есть следует говорить о ее пресуппозиции. Ранее упомянутые в высказывании процесс или состояние либо имплицированы, либо выражаются анафорическим местоимением *eso*: *El suelo está mojado. – (Eso) es que ha llovido* [Fernández Laborans, 1992] – «Земля мокрая. – (Это) дело в том, что шел дождь». То же – введением в ответную эмфатическую реплику дубитативного союза *si*, образующего эмфатико-эллиптическую модель *si es que*. Ср. также обычное для

разговорного языка инвертирование типа *La Universidad, lo que pasa, es que tiene...* [Vigara Tauste, 1992, p. 117] (← *Lo que pasa es que la Universidad tiene ...* – «Дело в том, что Университет имеет...»). Как считает К. Кербат-Ореккини, эти модели служат для выражения «отрицательной вежливости» (то есть вежливости, носящей отрицательную коннотацию) в процессе ведения диалога [Kerbat-Orecchini, 1992, p. 132]. Особенно важным в рамках исследования вопроса о функционировании экзистенциального глагола как основного формообразующего компонента эмфатических моделей расщепления является положение о его статусе не как связочного (ср.: «откровенная связка» [Арутюнова, 1999, с. 461]), а как выделительного, то есть соответствующего *ser focalizador* в испанских исследованиях (ср.: [Sedano, 2010, p. 39]). Это соответствует постулируемому Ю.С. Степановым положению о трех глаголах бытия в индоевропейских языках, согласно которому двум связочным противостоит выделительный («эмфатический») [Степанов, 1989, с. 233]. Так, в испанской модели эмфазы именного сказуемого *Lo que es es un rajao* («Да он просто трепло / Он и есть трепло»), букв. «То, что (он) есть, (он) есть трепло») первая глагольная форма является выделительной, а вторая – связочной в исходном предложении *Es un rajao*. О моделях *X lo que es es...* как определительных (*especificativos*) см. в [Moreno Cabrera, 1982]. То же – в модели с адъективным компонентом: *Todos dormidos es como llegaron del viaje los niños* (букв. «Сонными приехали из путешествия все дети») ← *Los niños llegaron del viaje todos dormidos* [Sánchez López, 1996, p. 168].

Как показывает материал, изучаемый начиная с 60-х гг. XX в. [Арутюнова, 1965, с. 83–94; 1986; 1999; Зеликов, 1987; 1989; и др.], прагматическому выделению может быть подвергнут любой компонент (эмфаза членов предложения), отдельный фрагмент (эмфаза придаточных предложений) и, наконец, все высказывание (эмфаза простого предложения)¹¹, которые составляют два основных типа МСЭ испанского языка, образующиеся путем грамматической трансформации исходной структуры. Она осуществляется либо путем расщепления простого предложения, структу-

ра которого трансформируется в сложное (образования с релятивным компонентом, указывающие на количественную трансформацию), либо путем субстантивации адъективных компонентов предложения-высказывания. Эта трансформация, которую можно определить как качественную, лежит в основе образования двух разновидностей генитивно-атрибутивных моделей с *de*: согласованных (*el tonto / la tonta de mi amigo / amiga* – «этот дурак / эта дура мой / моя друг / подруга») и несогласованных (*lo lógico de su(s) proyecto(s)* – «логичность его проекта / проектов» и *lo inesperado de su(s) pregunta(s)* – «неожиданность ее / его вопроса / вопросов») [Olza Zubiri, 1993; Fernández Leborans, 2002–2004]. Несогласованные конструкции второй разновидности используются также для выделения именной части глагольных сказуемых в простых предложениях, трансформирующихся по формуле *todo lo + N + que quiera* с разновидностями, и в придаточных сложных предложениях, то есть в составе релятивизированных (расщепленных) структур. Ср.: *Todos saben lo tonto que es Pedro* (← *...que Pedro es tonto*) – «Все знают, какой дурак / глупый Педро»; *Sabían que la casa era cara* («Знали, что дом был дорогой») может быть трансформировано двояко: *Sabían de lo caro de casa u Sabían de lo cara que era la casa* (см. об этом: [Bosque, Moreno, 1990]). О релятивном характере генитивных моделей см.: [Зеликов, 1989, с. 360; 2005а, с. 48–50]. Субстантивация прилагательных при образовании абстрактных понятий, а также при трансформации структур, выражающих предикативную ситуацию МСЭ, составляет одну из характерных черт испанского и астурийского синтаксиса. В отличие от артиклевых форм (ср. исп. *el rojo y el negro*, аст. *el roxo e el negro* «красное и черное»), известных и в других романских языках, модели с нейтральным *lo* (*lo rojo / roxo y / e lo negro*), по мнению Э. Аларкоса Льорака, выражают какое-либо общее (то есть среднее. – М. З.) качество как совокупность объектов [Alarcos Llorca, 1994, p. 81]. Об этом, а также об особенностях трех других типов моделей с *lo*, выражающих предикативность в испанском и астурийском, подробно см. в [Зеликов, 2010а, с. 136–138; 2010б, с. 53–59].

Третий тип, который составляют модели расширения без трансформации простого предложения в сложное путем вкрапления в него десемантизированных элементов типа порт. *cá, lá, mas é, mesmo*, вспомогательного глагола (ср. англ. *do*), в испанском не отмечается: отсутствие релятивного компонента во всех случаях объясняется его опущением. Ср.: *Ella sí (que) es buena*; то же – в предложениях с *bien, claro, pero*. Восклицательные МСЭ, передающие аффективное утверждение, представляют эллиптические придаточные условные с интродукторами *si* и *cuando*: **¡Si / Cuando dice que tiene razón!** «Она же говорит, что он прав!» ← *Dice que tiene razón*.

Попытка выявления и описания полного корпуса МСЭ была предпринята в [Зеликов, 1987]. Специальные исследования показали, что его многочисленные составляющие необязательно связаны с «эмотивностью», «экспрессивностью», «аффективностью», «интенсивностью» и «квантификативностью», которыми обычно характеризуется «категория эмфазы» (см., например: [Melo e Abreu, 2001, p. 15]). Значительная часть испанских МСЭ (в основном это модели первого типа) стилистически нейтральны и обладают только прагматической значимостью [Вяляк, 2011, с. 11–12]¹².

Выводы

Как показывает анализ материала, четыре типа моделей расширения структуры предложения-высказывания, выявляемые в современном испанском языке, не должны рассматриваться как избыточные. Выражающие различную степень аффективности и являющиеся грамматическими или стилистическими ресурсами реального «языка в действии», они играют значительную роль в процессе коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-112-50107 «Об исследовании парадигмы расширения в испанистике в работах 1970–2020 гг.».

The reported study was funded by RFBR, project no. 20-112-50107 “The investigations of the paradigm of expansion in Spanish studies during 1970–2020”.

² Примером пародии на язык, лишенный избыточности, является фильм «Кин-дза-дза!», в котором для выражения всех оценочных элементов высказывания используются только две лексические единицы – *ку* (для положительного) и *кю* (для отрицательного). Как представляется, это гротескное изображение девальвации и деградации личностного (субъектного) символизирует грядущее торжество языка обезличенных цивилизаций.

³ Определение фигур амплификации, в частности сравнения (в том числе и гиперболического), как избыточных, имеющее место в лексикологических и фразеологических работах (ср.: [Мед, 2007, с. 199–200]), лишено каких-либо оснований уже потому, что предложение-высказывание без расширяющего его «эталоны сравнения» никакой экспрессии выразить не может.

⁴ Помимо значений «посох (то есть опора. – М. З.), припев, слово-паразит, присказка», также отмечается специализированное значение – в музыке «басовая струна», от которого *bordonear* «перебирать (басовые) струны, играя на гитаре», создающее впечатление об неакцентированном музыкальном сопровождении [Valdés, 1984, р. 186, 188]. В конце XVIII в. на эмфатическое значение испанских служебных частей речи обратил внимание Г. Гарсес.

⁵ Часто в качестве первого компонента словосочетания термина используется существительное *conector* – англицизм, уже не требующий перевода («соединитель»). Ср.: *conectores extraordinarios* [Cortés Rodríguez, 1991], *conectores discursivos* («дискурсивные конекторы») [Montolio Durán, 1992] и *conectores pragmáticos* («прагматические конекторы») [Briz Gómez, 1993].

⁶ То же в перифразах *V agendi + de + NS: El hace de maestro = El hace el trabajo de maestro / El trabaja de maestro* – «Он (работает) учителем»; *estar / ir + de + NS*, являющихся неполным вариантом предыдущей конструкции: *El ésta (trabajando) de maestro*. То же – *Estoy de tres meses* (Droga, p. 98) – «Я на третьем месяце (беременности)» (← *Estoy de tres meses de embarazo = Estoy embarazada (de) tres meses*), он эквивалентен конструкции *c tener: Tengo el embarazo de tres meses* (подробно см.: [Зеликов, 2005а, с. 219]).

⁷ Редупликацию как языковую универсалию следует отграничивать от метаболических разновидностей повторов, обеспечивающих стагнацию текста [Николаева, 1978, с. 25] и являющихся средствами художественного украшения, например от парегменона – фигуры, используемой для усиления эмоциональной окраски: лат. *olim oliorum* = рус. *давным давно*. Несмотря на обычное отнесение подобных повторов (точных, контактных (анадиплосис), зевгматических и др.) к избыточным, или пле-

оназмам, также отмечается, что они – это «не только стиль, но составная часть творческого метода» древних авторов» [Елизаренкова, 1989, с. 530]. Так, постоянная повторяемость сюжетов «Ригведы» находит объяснение «в гипотезе о цикличности времени» [Елизаренкова, 1989, с. 530].

⁸ Восходящие к середине XIX в. исследования редупликации в рамках общего процесса языковой эволюции позволили говорить о том, что в основе формирования феномена лежат две главных тенденции – к расширению и к иконичности (Ч.С. Пирс; см. об этом: [Сухачев, 2007, с. 191–193]), следствием которой является «принцип живописания» К. Бюлера [Бюлер, 1993, с. 196–197].

⁹ В их числе фразеологизмы, построенные на рифмованном повторении разных субстантивных единиц: *el oro y el moro* «сказочные богатства», букв. «золото и мавр».

¹⁰ Эти образования не связаны с эмфазой как фигурой риторики, сущность которой составляет противоположенный расширению феномен сокращения. Эмфаза – от греч. *ἔμφασις* «появление, впечатление, представление, выставление, значение», восходящего (как и *φαίνόμενος*) к и.-е. **bhā-* «блестеть, говорить», также к **bhū-* «расти, быть, становится». МСЭ принципиально следует отделять и от морфологической интенсификации (например, выделение при помощи артикля *uno / a*, аффективная суффиксация (*ísimo, -ito, -ino, -ero* и др.), и от лексической (гиперболической, ср. исп. *Es un cielo* – «Она – прелесть», букв. «небо»; *Borg estuvo piramidal* – «Борг играл потрясающе», букв. «пирамидально»), а также от фонетических (просодических – ударение, пауза, интонация) эмфатических образований, которые обычно не дифференцируются (см., например: [Melo e Abreu, 2001, р. 15]).

¹¹ В вышеупомянутых зарубежных исследованиях выявление полной парадигмы типов и разновидностей МСЭ в конкретных языках не проводилось.

¹² Значительное место при рассмотрении проблематики МСЭ занимает вопрос об их взаимоотношении с другими структурными моделями (инверсией и сокращением), к которому мы обращались ранее (см.: [Зеликов, 2005а, с. 313–321, с. 350–383; 2005б, с. 32–33]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1965. Трудности перевода с испанского языка на русский. М.: Наука. 121 с.
Арутюнова Н. Д., 1986. Синтаксическая эмфаза в испанском языке в сравнении с другими романскими языками // Методы сравнительно-

- сопоставительного изучения современных романских языков. М. : Наука. С. 3–23.
- Арутюнова Н. Д., 1999. Откровенная связка (синтаксическая эмфаза в испанском языке) // *Язык и мир человека*. М. : Наука. С. 461–480.
- Бюлер К., 1993. Теория языка: репрезентативная функция языка. М. : Прогресс. 501 с.
- Верба Г. Г., 1994. Синтаксические средства выражения эмоциональности в испанской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев. 24 с.
- Вялькя К. Э., 2011. Выражение коммуникативной организации высказывания лексико-синтаксическими средствами (на материале испанского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 24 с.
- Гаспаров М. Л., 2000. Античная риторика как система // *Об античной поэзии : Поэты. Поэтика. Риторика*. СПб. : Азбука. С. 424–472.
- Гончаренко С. Ф., 1999. Металогическая информация поэтического текста и перевод // *Miscelanea Philologica*. СПб. : РГПУ. С. 7–15.
- Десницкая А. В., 1985. Я. Гримм о структурных функциях вокалических чередований : (К 200-летию со дня рождения) // *Вопросы языкознания*. № 6. С. 3–12.
- Дресслер В. У., 1978. Синтаксис текста // *Новое в зарубежной лингвистике*. № 8. С. 111–137.
- Елизаренкова Т. Я., 1989. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // *Ригведа. Мандалы I–IV*. М. : Наука. С. 526–543.
- Зеликов М. В., 1987. Синтаксическая эмфаза в испанском языке : учеб. пособие. Л. : ЛГПИ. 83 с.
- Зеликов М. В., 1989. Типологические и субстратные параллели к синтаксической эмфазе в испанском языке // *Известия АН СССР. ОЛЯ*. Т. 48, № 4. С. 351–364.
- Зеликов М. В., 2003. Функциональная парадигма граммемы *que* в испанском языке // *Романские языки и культуры: история и современность : тез. докл. рос. науч. конф. (Москва, 17–19 дек. 2003 г.)*. М. : Филол. фак. МГУ. С. 43–45.
- Зеликов М. В., 2004. Парадигма повелительных предложений в испанском языке // *Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского*. М. : Знак. С. 174–190.
- Зеликов М. В., 2005а. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберо-романских языков. СПб. : СПбГУ. 448 с.
- Зеликов М. В., 2005б. Синтаксис испанского языка. Особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания. СПб. : КАРО. 304 с.
- Зеликов М. В., 2009. К вопросу о синтаксической редупликации в испанском языке // *Актуальные проблемы современного языкознания* : сб. ст., посвящ. 80-летию проф. Н.М. Фирсовой. М. : РУДН. С. 61–69.
- Зеликов М. В., 2010а. Разновидности субстантивной романской трансформации как феномен закона экономии // *Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке*. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. С. 127–140.
- Зеликов М. В., 2010б. Структурно-семантические особенности иберо-романских моделей с *lo* // *Памяти профессора Р.Г. Пиотровского : межвуз. сб.* СПб. : Филол. фак. СПбГУ. С. 51–62.
- Канонич С. И., 1979. Ситуативно-речевая грамматика испанского языка. М. : Междунар. отношения. 208 с.
- Кашурникова Л. Д., 1979. Об эмоциональном аспекте восклицательных предложений с эмфатическими интродукторами // *Грамматическая семантика*. Горький : Изд. Горьк. гос. пед. ин-та им. М. Горького. С. 104–109.
- Котов А. Е., 2003. Социокультурные особенности функционирования дискурсивных маркеров // *Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия «Гуманитарные науки»*. Ставрополь : Сев.-Кавк. гос. техн. ун-т. С. 41–49.
- Крючкова О. Ю., 2000. Редупликация в аспекте языковой типологии // *Вопросы языкознания*. № 4. С. 68–84.
- Лингвистический энциклопедический словарь, 1990 / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. 682 с.
- Мед Н. Г., 2007. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи). СПб. : Изд-во СПбГУ. 235 с.
- Мельчук И. А., 2001. Курс общей морфологии. Т. 4. М. ; Вена : Яз. рус. культуры. 580 с.
- Николаева Т. М., 1978. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // *Новое в зарубежной лингвистике*. М. : Прогресс. Вып. 8. С. 5–39.
- Рылов Ю. А., Бессарабова Г. А., 1997. Очерки сопоставительного изучения испанского и русского языков. Воронеж : Изд.-полигр. центр Воронеж. пед. ун-та. 187 с.
- Семереньи О., 1980. Введение в сравнительное языкознание. М. : Прогресс. 407 с.
- Степанов Ю. С., 1989. Индоевропейское предложение. М. : Наука. 247 с.
- Сухачев Н. Л., 2007. О семиотике Ч.С. Пирса : (Тройственный знак в универсуме репрезентаций) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ*. СПб. : Нестор-История. Т. 3, ч. 2. С. 160–228.
- Трубецкой Н. С., 1986. Избранные труды по филологии. М. : Прогресс. 559 с.
- Шишкова Т. Н., Попок Х.-К. Л., 1989. Стилистика испанского языка. Минск : Вышэйш. шк. 136 с.

- Языки мира. Романские языки, 2001. М. : Academia. 718 с.
- Agencia Efe. Manual de español urgente, 1990. Madrid : Catedra. 272 p.
- Alarcos Llorac E., 1970. Español “que” // Estudios de gramática funcional del español. Madrid : Gredos. P. 192–206.
- Alarcos Llorach E., 1994. Gramática de la Lengua Española. Madrid : Espasa-Calpe. 406 p.
- Alcina Franch J., Blecua J. M., 1988. Gramática española. Barcelona : Ariel. 1274 p.
- Beinhauer W., 1985. El español colloquial. Madrid : Gredos. 556 p.
- Bernal M., 2001. Es que... lo que pasa es que...: el papel del conector *es que* en la regulación conversacional. Un estudio en conversaciones poliádicas chilenas y españolas. Universidad de Estocolmo. Estocolmo : Universidad de Estocolmo. 264 p.
- Bosque I., Moreno J. C., 1990. Las construcciones con lo y la denotación de lo neutro // Lingüística. № 2. P. 5–50.
- Bosque I., 1999. Sobre la estructura sintáctica de una construcción focalizadora // Boletín de Filología. Vol. 37, núm. 1. P. 207–232.
- Briz Gómez A., 1993. Los conectores pragmáticos en español colloquial (1): su papel argumentativo // Contextos. T. XI. № 21–22. P. 145–188.
- Cortés Rodríguez L., 1991. Sobre conectores, expletivos y muletillas en el español hablado. Málaga : Editorial Librería Agora. 126 p.
- Desbordes F., 1983. Le schema “Addition, soustraction, mutation, metatheses” dans les textes anciens // Histor. Épistémologie. Langage. T. 5, fasc. 1. P. 23–30.
- Díaz Padilla F., 1985. El habla colloquial en el teatro de Antonio Gala. Oviedo : Imprenta La Versal. 369 p.
- Escandel Vidal M. V., 1991. Sobre las reduplicaciones léxicas // Lingüística Española Actual. Vol. XIII. P. 71–86.
- España Villasante M. V., 1996. Aspectos semántico-pragmáticos de la construcción ‘es que’ en español // DICENDA. Cuadernos de filología hispánica. № 14. P. 129–147.
- Fernández Leborans M. J., 1992. La oración del tipo: ‘es que ...’ // Verba. № 19. P. 233–239.
- Fernández Leborans M. J., 2002–2004. Notas sobre la construcción del tipo: el pobre de Pepe // In memoria M. Alvar. Archivo de la Filología Aragonesa. Núm. 59/60, fasc. 1. P. 389–404.
- Gabinschi M., 2002. Pluralul nonafixal reduplicative ca procedeu stylistic : (O figură poetică spaniolă privită sub raport lingvistic general) // Revista de Lingvistică și Știință Literară. № 15. P. 94–97.
- Gifre Martinell E., 1991. Algo más sobre “cosa” // Anuario de Lingüística Hispánica. Vol. 7. P. 202.
- Gili y Gaya S., 1968. Curso superior de sintaxis española. La Habana : Ed. Revolucionaria Instituto del Libro. 347 p.
- Hernández Alonso C., 1995. Nueva sintaxis de la lengua española (Sintaxis onomasiológica del contenido a la expresión). Universidad de Valladolid : Biblioteca Filológica. 238 p.
- Hernández Alonso C., 2009. De nuevo sobre las llamadas “Oraciones consecutivas” // Anuario de la Lingüística Hispánica. № 25. P. 35–48.
- Hernando Cuadrado L. A., 1988. El español colloquial en “El Jarama”. Madrid : Nova Scholar. 153 p.
- Herrero Moreno G., 1994. Realización de la función fática en el español coloquial // Estudios Humanísticos de Filología. № 12. P. 85–104.
- Kerbat-Orecchini C., 1992. Les interactions verbales. P. : Armand Colin. 368 p.
- Lallot J., 1983. L’ellipses chez Apollonius Dyscole // Histoire. Epistémologie. Langage. T. 5, fasc. 1. P. 9–16.
- Lamíquiz V., 1971. El superlativo iterativo // Boletín de Filología Hispánica. № 38. P. 15–22.
- Listová O., 2005. Adjetivos relacionales en español: sus equivalentes gramaticales // Estudios Hispánicos. Acta Universitaria Wratislaviensis. № 13. P. 69–80.
- Maças D., 1984. O lugar da palavra repetida no eixo sintagmático em relação à expressividade da frase // Umgangssprache in der Iberoromania. Tübingen : Gunter Narr. S. 187–196.
- Martín Rodríguez A. M., 1991. La posición estructural de “entregar” en el campo semántico de “dar” // Español Actual. № 55. P. 45–53.
- Martín Zorraquino M. A., Portolés Lázaro J., 1999. Los marcadores del discurso // Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid : Espasa Calpe. P. 4051–4213.
- Martínez Álvarez J., 1988. El atributo y sus variedades en español // Homenaje a A. Zamora Vicente. Vol. 1. P. 451–457.
- Melo e Abreu L., 2001. Contributo para o estudo das construções com clivagem na língua portuguesa. Helsinki : Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ. 179 p.
- Montolió Durán E., 1992. Los conectores discursivos: acerca de “al fin y al cabo” // Lenguajes naturales y lenguajes formales. № 7. P. 453–460.
- Moreno C., Tuts M., 1991. Curso de perfeccionamiento. Hablar, escribir y pensar en español. Madrid : SGEL. 344 p.
- Moreno Cabrera J. C., 1982. Atribución, ecuación y especificación: tres aspectos de la semántica de la cópula en español // Revista Española de Lingüística. № 12. P. 229–245.
- Moya Corral J. A., 2004. Tres funciones distintas y un solo / que / verdadero // Verba. № 3. P. 75–101.

- Narbona Jiménez A., 1986. Problemas de sintaxis colloquial andaluza // Revista Española de Lingüística. Año nº 16, fasc. 2. P. 229–275.
- Olza Zubiri J. S. I., 1993. El genitivo subjetivo determinado con predicativo // Thesaurus. T. 48, núm. 1. P. 139–146.
- Porroche Ballesteros M., 1998. Sobre algunos usos de que, si y es que como marcadores discursivos // Los marcadores del discurso. Teoría y análisis. Madrid : Arco Libros. P. 229–242.
- Rodríguez Romalle T.M., 2003. Los objetos cognatos como expresión de la manera verbal // Verba. № 30. P. 317–340.
- Sánchez López C., 1996. Los pronombres enfáticos y la estructura subeventiva // Verba. № 23. P. 147–175.
- Sedano M., 2010. El verbo ser en las oraciones pseudohendidas y con verbo ser focalizador // Nueva Revista de Filología Hispánica. T. 58, núm. 1. P. 39–58.
- Valdés J. de., 1984. Dialogo de la lengua. Barcelona : Plaza & Janés. 252 p.
- Vigara Tauste A. M., 1984. Gramática de la lengua coloquial (algunas observaciones) // Español Actual. № 41. P. 29–38.
- Vigara Tauste A. M., 1990a. Aspectos del español coloquial. Madrid : SGEL. 154 p.
- Vigara Tauste A. M., 1990b. La función fática del lenguaje (con especial atención a la lengua hablada) // Actas de la Sociedad Española de Lingüística. XX Aniversario (Tenerife, 1990). Madrid : Gredos. P. 1088–1097.
- Vigara Tauste A. M., 1992. Morfosintaxis del español coloquial. Madrid : Gredos. 507 p.
- Zélikov M. V., 2007. Problemas clave de la estructura del predicado verbal simple en español moderno // Entre léxico e gramática: en torno al verbo. XIV Congreso de la Asociación Alemana de Hispanistas (Ratisbona, 2003). La Paz : Arelland. AMGD. P. 103–118.
- Droga* – Tomás García J. L. de. La otra orilla de la droga. Barcelona : Destino. 1984. 363 p.
- Fernán González* – Poema de Fernán González. Madrid : Espasa-Calpe, 1970. 232 p.
- Goytisolo* – Goytisolo J. La isla. La Habana : Ediciones R., 1962. 169 p.
- Grosso* – Grosso A. El cielo difícilmente azul. Madrid : Cátedra, 1978. 254 p.
- Jarama* – Sánchez Ferlosio R. El Jarama. Madrid : Narrativa actual, 1973. 382 p.
- Mario* – Delibes M. Cinco horas con Mario. Moscú : Progreso, 1979. 280 p.
- Martín, Ribera* – Martín A., Ribera J. No pidas sardinas fuera de temporada. Barcelona : Destino, 1987. 192 p.
- Príncipe* – Delibes M. El príncipe destronado. Barcelona : Destino, 1991. 167 p.
- Quiñones* – Quiñones F. Doce relatos andaluces. La Habana : Arte y Literatura, 1989. 200 p.
- Tusset* – Tusset P. Lo mejor que le puede pasar a un cruasán. Madrid : Punto de Lectura, 2006. 438 p.
- VPL* – Cela C. J. Viaje al Pirineo de Lérida. Barcelona : Noguer, 1973. 249 p.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1965. *Trudnosti perevoda s ispanskogo yazyka na russkiy* [Difficulties in Translating from Spanish to Russian]. Moscow, Nauka Publ. 121 p.
- Arutyunova N.D., 1986. Sintaksicheskaya emfaza v ispanskom yazyke v sravnenii s drugimi romanskimi yazykami [Syntactic Emphasis in Spanish Compared to Other Romance Languages]. *Metody sravnitelno-sopostavitelnogo izuchenija sovremennyh romanskih yazykov* [Methods of Comparative Study of Modern Romance Languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 3-23.
- Arutyunova N.D., 1999. Otkrovennaya svyazka (sintaksicheskaya emfaza v ispanskom yazyke) [Explicit Copula (Syntactic Emphasis in Spanish)]. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Nauka Publ., pp. 461-480.
- Byuler K., 1993. *Teoriya yazyka: reprezentativnyja funktsiya yazyka* [Theory of Language: The Representative Function of Language]. Moscow, Progress Publ. 501 p.
- Verba G.G., 1994. *Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya emotsionalnosti v ispanskoy razgovornoy rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Syntactic Means of Expressing Emotionality in Spanish Colloquial Speech. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Kiev, s. n. 24 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Alfanhuí* – Sánchez Ferlosio R. Alfanhuí. Madrid : Anaya, 1979. 229 p.
- Camino* – Delibes M. El camino. Madrid : Alianza Ed. 1983. 224 p.
- Cid* – Cantar del mio Cid. Madrid : Espasa-Calpe, 1977. 335 p.
- Cuentos* – Cela C. J. Cuentos y novelas cortas. Moscú : Progreso, 1975. 299 p.
- DEM* – Martín J. Diccionario de expresiones malsonantes del español. Madrid : ISTMO, 1974. 382 p.

- Vyalyak K.Je., 2011. *Vyrazhenie kommunikativnoy organizatsii vyskazyvaniya leksiko-sintaksicheskimi sredstvami (na materiale ispanskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Expression of the Communicative Organization of the Utterance by Lexical and Syntactic Means (Based on the Material of the Spanish Language). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, s. n. 24 p.
- Gasparov M.L., 2000. Antichnaya ritorika kak sistema [Ancient Rhetoric as a System]. *Ob antichnoy poezii: Poety. Poetika. Ritorika* [On Ancient Poetry: Poets. Poetics. Rhetoric]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., pp. 424-472.
- Goncharenko S.F., 1999. Metalogicheskaya informatsiya poeticheskogo teksta i perevod [Metalogical Information of the Poetic Text and Translation]. *Miscelanea Philologica*. Saint Petersburg, RGPU, pp. 7-15.
- Desnickaja A.V., 1985. Ya. Grimm o strukturnykh funktsiyakh vokalicheskikh cheredovaniy: (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Ya. Grimm on the Structural Functions of Vocal Alternations (To the 200th Anniversary of the Birth)]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 6, pp. 3-12.
- Dressler V.U., 1978. Sintaksis teksta [Text Syntax]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], no. 8, pp. 111-137.
- Elizarenkova T.Ja., 1989. «Rigveda» – velikoe nachalo indijskoj literatury i kultury [“Rigveda” – The Great Beginning of Indian Literature and Culture]. *Rigveda. Mandaly I-IV* [Rigveda. Mandalas 1–4]. Moscow, Nauka Publ., pp. 526-543.
- Zelikov M.V., 1987. *Sintaksicheskaya jemfaza v ispanskom yazyke: ucheb. posobie* [Syntactic Emphasis in Spanish. Educational Manual]. Leningrad, LGPI. 83 p.
- Zelikov M.V., 1989. Tipologicheskie i substratnye paralleli k sintaksicheskoy emfaze v ispanskom yazyke [Typological and Substratum Parallels to Syntactic Emphases in the Spanish Language]. *Izvestija AN SSSR. OLYa.*, vol. 48, no. 4, pp. 351-364.
- Zelikov M.V., 2003. Funkcionalnaya paradigma grammemy que v ispanskom yazyke [Functional Paradigm of the Grammatical que in Spanish]. *Romanskije yazyki i kultury: istoriya i sovremennost: tez. dokl. ros. nauch. konf. (Moskva, 17–19 dek. 2003 g.)* [Romance Languages and Cultures: History and Modernity. Abstracts of the Russian Scientific Conference (Moscow, 17–19 December 2003)]. Moscow, Filologicheskij fakultet MGU, pp. 43-45.
- Zelikov M.V., 2004. Paradigma povelitelnykh predlozheniy v ispanskom yazyke [Paradigm of Imperative Sentences in the Spanish Language]. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike. K 70-letiyu prof. V.S. Khrakovskogo*. [Typological Justifications in Grammar. To the 70th Anniversary of Professor V.S. Hrakovskij]. Moscow, Znak Publ., pp. 174-190.
- Zelikov M.V., 2005a. *Kompressiya kak faktor struktury i funkcionirovaniya iberoromanskikh yazykov* [Compression as a Factor of the Structure and Functioning of Ibero-Roman Languages]. Saint Petersburg, SPbGU. 448 p.
- Zelikov M.V., 2005b. *Sintaksis ispanskogo yazyka. Osobennosti struktury predlozheniy po kharakteru kommunikativnoy ustanovki i tseli vyskazyvaniya* [The Syntax of the Spanish Language. Features of the Structure of Sentences According to the Nature of the Communicative Attitude and the Purpose of the Statement]. Saint Petersburg, KARO Publ. 304 p.
- Zelikov M.V., 2009. K voprosu o sintaksicheskoy reduplikatsii v ispanskom yazyke [The Syntactic Reduplication in the Spanish Language]. *Aktualnye problemy sovremennogo yazykoznanija: sb. st., posvyashch. 80-letiyu prof. N.M. Firsovoy* [Actual Problems of Modern Linguistics. Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of Professor N.M. Firsova]. Moscow, RUDN, pp. 61-69.
- Zelikov M.V., 2010a. Raznovidnosti substantivnoy romanskoy transformatsii kak fenomen zakona ekonomii [Varieties of Substantive Romanesque Transformation as a Phenomenon of the Law of Economy]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sharlyya Balli v XXI veke* [Ancient and New Romania. The Linguistic Heritage of Charles Bally in the 21st Century]. Saint Petersburg, Filologicheskij fakultet SPbGU, pp. 127-140.
- Zelikov M.V., 2010b. Strukturno-semanticheskie osobennosti iberoromanskikh modeley s lo [Structural and Semantic Features of Ibero-Roman Models with lo]. *Pamyati professora R.G. Piotrovskogo: mezhvuz. sb.* [In Memory of Professor R.G. Piotrovsky. Intercollegiate Collection]. Saint Petersburg, Filologicheskij fakultet SPbGU, pp. 51-62.
- Kanonich S.I., 1979. *Situativno-rechevaya grammatika ispanskogo yazyka* [Situational Speech Grammar of the Spanish Language]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 208 p.
- Kashurnikova L.D., 1979. Ob emotsionalnom aspekte vosklitsatelnykh predlozheniy s emfaticeskimi introduktorami [On the Emotional Aspect of Exclamation Sentences with Emphatic Introductors]. *Grammaticheskaya semantika* [Grammatical Semantics]. Gorky, Izd-vo Gorkovskogo

- gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. Gorkogo, pp. 104-109.
- Kotov A.E., 2003. Sociokulturnye osobennosti funkcionirovaniya diskursivnykh markerov [Sociocultural Features of the Discursive Markers Functioning]. *Sbornik nauchnykh trudov Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Collection of Scientific Papers of the North Caucasus State Technical University. Series “Humanities”]. Stavropol, Severo-Kavkazskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet, pp. 41-49.
- Kryuchkova O.Yu., 2000. Reduplikatsiya v aspekte yazykovoy tipologii [Reduplication in the Aspect of Language Typology]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 4, pp. 68-84.
- Lingvisticheskiiy enciklopedicheskiiy slovar, 1990. *Lingvisticheskiiy enciklopedicheskiiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 682 p.
- Med N.G., 2007. *Otsenochnaya kartina mira v ispanskojy leksike i frazeologii (na materiale ispanskojy razgovornojy rechi)* [Evaluative Picture of the World in Spanish Vocabulary and Phraseology (Based on the Material of Spanish Colloquial Speech)]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 235 p.
- Melchuk I.A., 2001. *Kurs obshhey morfologii. T. 4* [The Course of General Morphology. Vol. 4]. Moscow, Vienna, Yazyki russkoy kultury. 580 p.
- Nikolaeva T.M., 1978. Lingvistika teksta. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Text Linguistics. Modern State and Prospects]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moscow, Progress Publ., iss. 8, pp. 5-39.
- Rylov Ju.A., Bessarabova G.A., 1997. *Ocherki sopostavitelnogo izucheniya ispanskogo i russkogo yazykov* [Essays on Comparative Study of Spanish and Russian]. Voronezh, Izdatelsko-poligraficheskiiy tsentr Voronezhskogo pedagogicheskogo universiteta. 187 p.
- Semereni O., 1980. *Vvedenie v sravnitelnoe yazykoznanie* [Introduction to Comparative Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 407 p.
- Stepanov Ju.S., 1989. *Indoevropskoe predlozhenie* [Indo-European Sentence]. Moscow, Nauka Publ. 247 p.
- Suhachev N.L., 2007. O semiotike Ch.S. Pirsya: (Troystvennyy znak v universume reprezentatsiy) [On the Semiotics of Ch.S. Peirce (The Triple Sign in the Universe of Representations)]. *Acta Linguistica Petropolitana* [Proceedings of the Institute for Linguistic Studies]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., vol. 3, part 2, pp. 160-228.
- Trubeckoy N.S., 1986. *Izbrannyye trudy po filologii*. [Selected Works on Philology]. Moscow, Progress Publ. 559 p.
- Shishkova T.N., Popok H.-K.L., 1989. *Stilistika ispanskogo yazyka* [The Stylistics of the Spanish Language]. Minsk, Vysheysk. shk. 136 p.
- Yazyki mira. Romanskyye yazyki* [Languages of the World. Romance Languages], 2001. Moscow, Academia Publ. 718 p.
- Agencia Efe. *Manual de español urgente*, 1990. Madrid, Catedra. 272 p.
- Alarcos Llorac E., 1970. Español “que”. *Estudios de gramática funcional del español*. Madrid, Gredos, pp. 192-206.
- Alarcos Llorach E., 1994. *Gramática de la Lengua Española*. Madrid, Espasa-Calpe. 406 p.
- Alcina Franch J., Blecua J.M., 1988. *Gramática española*. Barcelona. 1274 p.
- Beinhauer W., 1985. *El español colloquial*. Madrid, Gredos. 556 p.
- Bernal M., 2001. Es que... lo que pasa es que...: el papel del conector *es que* en la regulación conversacional. Un estudio en conversaciones poliádicas chilenas y españolas. *ISPLA. Univesrsidad de Estocolmo*. Estocolmo, Univesrsidad de Estocolmo. 264 p.
- Bosque I., Moreno J.C., 1990. Las construcciones con lo y la denotación de lo neutro. *Lingüística*, no. 2, pp. 5-50.
- Bosque I., 1999. Sobre la estructura sintáctica de una construcción focalizadora. *Boletín de Filología*, vol. 37, núm. 1, pp. 207-232.
- Briz Gómez A., 1993. Los conectores pragmáticos en español colloquial (1): su papel argumentativo. *Contextos*, vol. 11, no. 21-22, pp. 145-188.
- Cortés Rodríguez L., 1991. *Sobre conectores, expletivos y muletillas en el español hablado*. Málaga, Editorial Librería Agora. 126 p.
- Desbordes F., 1983. Le schema “Addition, soustraction, mutation, metatheses” dans les textes anciens. *Histoire. Épistémologie. Langage*, vol. 5, fasc. 1, pp. 23-30.
- Díaz Padilla F., 1985. *El habla colloquial en el teatro de Antonio Gala*. Oviedo, Imprenta La Versal 369 p.
- Escandel Vidal M.V., 1991. Sobre las reduplicaciones léxicas. *Lingüística Española Actual*, vol. 13, pp. 71-86.
- España Villasante M.V., 1996. Aspectos semántico-pragmáticos de la construcción *es que* en español. *DICENDA. Cuadernos de filología Hispánica*, no. 14, pp. 129-147.
- Fernández Leborans M.J., 1992. La oración del tipo: *es que .... Verba*, no. 19, pp. 233-239.
- Fernández Leborans M.J., 2002-2004. Notas sobre la construcción del tipo: el pobre de Pepe. *In memoriam M. Alvar. Archivo de la Filología Aragonesa*, núm. 59/60, fasc. 1, pp. 389-404.

- Gabinschi M., 2002. Pluralul nonafixal reduplicative ca procedeu stylistic: (O figură poetică spaniolă privită sub raport lingvistic general). *Revista de Lingvistică și știință literară*, pp. 94-97.
- Gifre Martinell E., 1991. Algo más sobre “cosa”. *Anuario de Lingüística Hispánica*, vol. 7, pp. 301-314.
- Gili y Gaya S., 1968. *Curso superior de sintaxis española*. La Habana, Ed. Revolucionaria Instituto del Libro. 347 p.
- Hernández Alonso C., 1995. *Nueva sintaxis de la lengua española (Sintaxis onomasiológica del contenido a la expresión)*. Universidad de Valladolid, Biblioteca Filológica. 238 p.
- Hernández Alonso C., 2009. De nuevo sobre las llamadas “Oraciones consecutivas”. *Anuario de la Lingüística Hispánica*, no. 25, pp. 35-48.
- Hernando Cuadrado L.A., 1988. *El español colloquial en “El Jarama”*. Madrid, Nova Scholar. 153 p.
- Herrero Moreno G., 1994. Realización de la función fática en el español coloquial. *Estudios Humanísticos de Filología*, no. 12, pp. 85-104.
- Kerbat-Orecchini C., 1992. *Les interactions verbales*. Paris, Armand Colin. 368 p.
- Lallot J., 1983. Lellips chez Apollonius Dyscole. *Histoire. Épistémologie. Langage*, vol. 5, fasc. 1, pp. 9-16.
- Lamíquiz V., 1971. El superlativo iterativo. *Boletín de Filología Hispánica*, no. 38, pp. 15-22.
- Listová O., 2005. Adjetivos relacionales en español: sus equivalentes gramaticales. *Estudios Hispánicos. Acta Universitaria Wratislaviensis*, no. 13, pp. 69-80.
- Maças D., 1984. O lugar da palavra repetida no eixo sintagmático em relação à expressividade da frase. *Umgangssprache in der Iberoromania*. Tübingen, Gunter Narr., pp. 187-196.
- Martín Rodríguez A.M., 1991. La posición estructural de “entregar” en el campo semántico de “dar”. *Español Actual*, no. 55, pp. 45-53.
- Martín Zorraquino M.A., Potolés Lázaro J., 1999. Los marcadores del discurso. *Gramática descriptiva de la lengua española*. Madrid, Espasa Calpe, pp. 4051-4213.
- Martínez Álvarez J., 1988. El atributo y sus variedades en español. *Homenaje a A. Zamora Vicente*, vol. 1, pp. 451-457.
- Melo e Abreu L., 2001. *Contributo para o estudo das construções com clivagem na língua*. Helsinki, Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ. 179 p.
- Montolio Durán E., 1992. Los conectores discursivos: acerca de “al fin y al cabo”. *Lenguajes naturales y lenguajes formales*, no. 7, pp. 453-460.
- Moreno C., Tuts M., 1991. *Curso de perfeccionamiento. Hablar, escribir y pensar en español*. Madrid, SGEL. 344 p.
- Moreno Cabrera J.C., 1982. Atribución, ecuación y especificación: tres aspectos de la semántica de la cópula en español. *Revista Española de Lingüística*, no. 12, pp. 229-245.
- Moya Corral J. A., 2004. Tres funciones distintas y un solo /que/ verdadero. *Verba*, no. 3, pp. 75-101.
- Narbona Jiménez A., 1986. Problemas de sintaxis colloquial andaluza. *Revista Española de Lingüística*. Año nº 16, fasc. 2, pp. 229-275
- Olza Zubiri J.S.I., 1993. El genitivo subjetivo determinado con predicativo. *Thesaurus*, vol. 48, núm 1, pp. 139-146.
- Porroche Ballesteros M., 1998. Sobre algunos usos de que, si y es que como marcadores discursivos. *Los marcadores del discurso. Teoría y análisis*. Madrid, Arco Libros, pp. 229-242.
- Rodríguez Romalle T.M., 2003. Los objetos cognatos como expresión de la manera verbal. *Verba*, no. 30, pp. 317-340.
- Sánchez López C., 1996. Los pronombres enfáticos y la estructura subeventiva. *Verba*, no. 23, pp. 147-175.
- Sedano M., 2010. El verbo ser en las oraciones pseudohendidas y con verbo ser focalizador. *Nueva Revista de Filología Hispánica*, vol. 58, núm 1, pp. 39-58.
- Valdés J. de., 1984. *Dialogo de la lengua*. Barcelona, Plaza & Janés. 252 p.
- Vigara Tauste A.M., 1984. Gramática de la lengua coloquial (algunas observaciones). *Español Actual*, no. 41, pp. 29-38.
- Vigara Tauste A.M., 1990a. *Aspectos del español coloquial*. Madrid, SGEL. 154 p.
- Vigara Tauste A.M., 1990b. La función fática del lenguaje (con especial atención a la lengua hablada). *Actas de la Sociedad Española de Lingüística. XX Aniversario (Tenerife, 1990)*. Madrid, Gredos, pp. 1088-1097.
- Vigara Tauste A.M., 1992. *Morfosintaxis del español coloquial*. Madrid, Gredos. 507 p.
- Zélikov M.V., 2007. Problemas clave de la estructura del predicado verbal simple en español moderno. *Entre léxico e gramática: en torno al verbo. XIV Congreso de la Asociación Alemana de Hispanistas (Ratisbona, 2003)*. La Paz, Arelland. AMGD, pp. 103-118.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Sánchez Ferlosio R. *Alfanhuí*. Madrid, Anaya, 1979. 229 p.
- Delibes M. *El camino*. Madrid, Alianza Ed., 1983. 224 p.
- Cantar del mio Cid*. Madrid, Espasa-Calpe, 1977. 335 p.
- Cela C.J. *Cuentos y novelas cortas*. Moscú, Progreso, 1975. 299 p.

- Martín J. *Diccionario de expresiones malsonantes del español*. Madrid, ISTMO, 1974. 382 p.
- Tomás García J.L. de. *La otra orilla de la droga*. Barcelona, Destino, 1984. 363 p.
- Poema de Fernán González*. Madrid, Espasa-Calpe, 1970. 232 p.
- Goytisolo J. *La isla*. La Habana, Ediciones R., 1962. 169 p.
- Grosso A. *El cielo difícilmente azul*. Madrid, Cátedra, 1978. 254 p.
- Sánchez Ferlosio R. *El Jarama*. Madrid, Narrativa actual, 1973. 382 p.
- Delibes M. *Cinco horas con Mario*. Moscú, Progreso, 1979. 280 p.
- Martín A., Ribera J. *No pidas sardinas fuera de temporada*. Barcelona, Destino, 1987. 192 p.
- Delibes M. *El príncipe destronado*. Barcelona, Destino, 1991. 167 p.
- Quiñones F. *Doce relatos andaluces*. La Habana, Arte y Literatura, 1989. 200 p.
- Tusset P. *Lo mejor que le puede pasar a un cruasán*. Madrid, Punto de Lectura, 2006. 438 p.
- Cela C. J. *Viaje al Pirineo de Lérida*. Barcelona, Noguer, 1973. 249 p.

Information About the Author

Mikhail V. Zelikov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, UNESCO Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika River Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, zelikovmv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-8689>

Информация об авторе

Михаил Викторович Зеликов, доктор филологических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, набережная реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, zelikovmv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-8689>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.12>

UDC 81'1:008
LBC 81.006.3

Submitted: 24.12.2020
Accepted: 16.02.2021

PRAGMATICS OF QUASI-SYMBOL¹

Grigory V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Abstract. The article is devoted to the pragmatics of the quasi-symbol, a linguistic and cultural unit that has a verbal nature. It functions as a sign of culture, expresses ideas, and models human behavior. The cultural specificity of quasi-symbols is considered in the aspects of its locution, illocution and perlocution. The paper reveals that cultural aspects of quasi-symbolic locution are based on conventional implicatures. They provide the perception of the utterance as veritable, form typical illocution and perlocution of the utterance. The work proves that cultural aspects of quasi-symbol locution are determined by cultural categories that the symbol embodies, as well as cultural functions that it performs. The article establishes that the quasi-symbol explicates the norm, which acts as a regulator of behavior, the basis for its evaluation. The empirical basis of the study includes the quasi-symbols of the fetish code of culture, which is characterized by the highest productivity. The consideration of imperatives extracted from the meaning of quasi-symbols, has enabled the reconstruction of system of norms characteristic of Russian culture: it is assessed positively when someone works, obeys general rules, is able to keep secrets, fulfills promises, respects another person, considers the feelings and opinions of others, observes Christian commandments. The identified norms demonstrate a set of Russian cultural values: work, order, money, knowledge, faith, neatness. The paper proves that the cultural norm, imperative and attitude are culturally marked pragmatic categories, since they determine human behavior. Axiological aspects of quasi-symbol illocution are expressed in the peculiarities of coding ideas and imperatives. The perlocution of the quasi-symbol is reflected in the linguistic and cultural interpretation, which consists in the addressee's intentions to obey or disobey the imperative, to follow the norm or deviate from it. The article concludes that the rules for using quasi-symbols are easily read by the members of linguistic and cultural community. This aspect embodies the processes of cultural identification.

Key words: language, culture, cultural linguistics, quasi-symbol, pragmatics, norm.

Citation. Tokarev G. V. Pragmatics of Quasi-Symbol. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 142-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.12>

УДК 81'1:008
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 24.12.2020
Дата принятия статьи: 16.02.2021

ПРАГМАТИКА КВАЗИСИМВОЛА¹

Григорий Валериевич Токарев

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Аннотация. Статья посвящена прагматике квазисимвола – лингвокультурной единицы, имеющей вербальную природу, функционирующей как знак культуры, выражающей идеи и моделирующей поведение человека. Культурная специфика квазисимвола рассмотрена в аспектах его локуции, иллокуции и перлоку-

ции. Выявлено, что культурные аспекты локуции квазисимвола связаны с конвенциональными импликатурами. Они обеспечивают восприятие высказывания как истинного, формируют его типовую иллюкуцию и перлокуцию. Обосновано, что культурные аспекты локуции квазисимвола детерминированы культурными категориями, которые воплощает символ, а также культурными функциями, которые он выполняет. Установлено, что квазисимвол эксплицирует норму, выступающую регулятором поведения, основанием для его оценки. Эмпирической базой исследования стали квазисимволы фетишного кода культуры, который характеризуется наиболее высокой продуктивностью. На основе выделенных из значения квазисимволов императивов реконструирована система норм русской культуры: хорошо, когда некто трудится, подчиняется общим правилам, может хранить тайны, исполняет обещанное, уважает другого человека, считается с ним, соблюдает христианские заповеди. Выделенные нормы демонстрируют комплекс ценностей русской культуры: труд, порядок, деньги, знание, вера, опрятность. Доказано, что культурная норма, императив, установка являются ценностно маркированными прагматическими категориями, поскольку они определяют поведение человека. Аксиологические аспекты иллюкуции квазисимволов обнаруживаются в особенностях кодирования идей и императивов. Перлокуция квазисимвола отражается в лингвокультурной интерпретанте, состоящей в намерениях адресата подчиниться или не подчиниться императиву, следовать норме или отклониться от нее. Сделаны выводы о том, что правила употребления квазисимволов легко прочтываются членами лингвокультурной общности. Этот аспект воплощает процессы культурной идентификации.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, квазисимвол, прагматика, норма.

Цитирование. Токарев Г. В. Прагматика квазисимвола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 142–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.12>

Введение

Лингвистические исследования XXI в. направляют вектор изучения на периферийные единицы семиотических систем. Континуальность семиосферы обуславливает появление синкретичных образований, порожденных на стыке разных по природе знаковых пространств. Совмещение различных систем заключается в том, что формально знаки одной из них становятся манифестаторами идей и функций другой. Язык и культура, как две смежные системы, находятся в отношениях интеракции. На их периферии наблюдается использование языковых единиц в качестве знаков культуры. Данное явление связано с редуцией номинативной функции, в частности слова и фразеологической единицы, и наделением их культурными ролями: моделировать поведение человека, выступать эталоном, мерой, оберегом, дифференцировать людей на своих и чужих и т. д. Такие единицы формируют особый семиотический уровень, который мы называем лингвокультурным. В исследовании мы опираемся на работы В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова и др., в них выделены такие виды лингвокультурных единиц, как квазисимволы, квазиэталон, квазимеры и др. [Ковшова, Гудков, 2017; Телия, 1996]. Изучение данных единиц осуществляется в рамках синкретичной

области гуманитарного знания – лингвокультурологии [Телия, 1999], которая относится к динамично развивающимся наукам. За более чем двадцать лет своей истории она обогатила лингвистику комплексным исследованием значения лингвокультурных единиц. Были детально рассмотрены средства и способы включения в состав семемы культурной информации. Актуальным для современного развития лингвокультурологии становится изучение прагматических особенностей лингвокультурных единиц, их локуции, иллюкуции и перлокуции.

Как отмечают С.В. Иванова и З.З. Чанышева, «использование языковой единицы фиксирует культурологическую маркированность за счет локализации в языковой ткани точки сопряжения с ценностным пространством культуры» [Иванова, Чанышева, 2014, с. 157]. Прагматическое направление исследования лингвокультурных единиц позволит эксплицировать и комплексно описать таксоны тезауруса культуры, на лингвистическом материале верифицировать представления о ее ключевых принципах. Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей прагматики квазисимвола, который является вербальной разновидностью символа культуры. Это означает, что признаки невербального символа могут быть экстраполированы на квазисимвол. Данный вид

лингвокультурной единицы является малоизученным, в частности, не описаны ее прагматические свойства. Этим определяется актуальность, научная новизна и теоретическая ценность предлагаемого исследования. Целью данной статьи является рассмотрение культурной специфики прагматики квазисимвола.

Материал и методы

Источниками исследования являются «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, фразеологические словари, этнолингвистический словарь «Славянские древности» под ред. Н.И. Толстого, Национальный корпус русского языка (см. список источников).

Достижение поставленной цели осуществляется путем анализа семантики объективированных значений единицы квазисимволов, которые извлекались из вербальных текстов культуры методом сплошной выборки, экспликации выражаемой идеи и императива, направленного на поведенческую регуляцию. На основе выделенного императива реконструируется культурная норма. Содержание анализируемых лингвокультурных категорий, описание иллокуции и перлокуции осуществляется с опорой на фоновые знания исследователя, а также на интерпретацию образного осмысления единицы.

Результаты и обсуждение

Одной из главных функций знака культуры является манипуляция поведением человека. Н.Д. Арутюнова акцентировала внимание на интенциональных характеристиках символа: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» [Арутюнова, 1999, с. 338]. Человек в своих жизненных практиках использует разнообразные символы, определяющие как стратегически важные, так и частные, бытовые линии поведения. Квазисимвол является вербальной разновидностью символа. Например, квазисимвол *барахло* символизирует нечто ненужное, плохое, ненадежное: *После чего Арнольд подошел ко мне и сказал: «Барахло, пол-*

ное барахло», но притом обнял и поцеловал (И.Э. Кио «Иллюзии без иллюзий». НКРЯ). Квазисимвол *бич* символизирует возмездие, наказание, злой рок, превратности судьбы: *Это бич нашей страны то, что мы уповаем на административный ресурс* (Арина Шарипова. Это отдельный бизнес с четкими расценками // Газета. 2003. 13 мая. НКРЯ); *А сегодня бичом здравоохранения являются вспышки внутрибольничных инфекций, которые вызываются в основном анаэробными бактериями* (Татьяна Батенева. Анатолий Воробьев: «Жизнь без микробов была бы невозможна» // Известия. 2002. 2 окт. НКРЯ). Квазисимвол *бодяга* символизирует нечто несущественное: *Такая левая антиглобалистская бодяга, да?* (Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015). НКРЯ).

Квазисимволу присущи следующие признаки:

1. Выражение какой-либо идеи. Характеризуя квазисимвол, В.Н. Телия писала: «...словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно “замещает” некую идею» [Телия, 1996, с. 243]. Так, квазисимвол *железо* выражает идею твердости, стойкости кого-, чего-либо: *Деньги железо, а платье тлен.*

2. Императивность семантики. А.Ф. Лосев справедливо отмечал: «Символ, заряженная множеством структура, призванная творчески переделывать действительность, а не мертвенно ее отражать» [Лосев, 1995, с. 17]. Семема каждого квазисимвола содержит предписывающий компонент. Так, квазисимвол *барабан* выражает следующие побуждения: *будь готов к тому, что некоторые вещи опасны для тебя. Будь дисциплинирован. Ожидай расплаты, возмездия.*

3. Прецедентность, заключающаяся в очевидности для представителя лингвокультурной общности семантико-прагматического потенциала единицы.

4. Полисемантность, потенциальная содержательная неисчерпаемость квазисимвола. Семантическая многогранность (многослойность): квазисимвол может выражать несколько идей. Н.Н. Рубцов указывал: «...его смысл никогда не сводим к одному определенному значению, он всегда веер возможно-

стей, смысловых перспектив» [Рубцов, 1991, с. 43]. Например, *азбука* может символизировать 1) начало, исход: *Азбуки не знает, а читать садится*; 2) нечто элементарное: *Нацмен еле в азбуке разбирается, а мы его в наркомы выдвигаем* (Василий Гроссман. «Жизнь и судьба». НКРЯ); 3) трудности учения: *Азбуку учат, во всю избу кричат. Азбука наука, а ребятам мука*; 4) краткость, существенность: *Азбука велика, а тридцать слов*; 5) нечто самое важное, общеизвестное: *Азбучные истины*; 6) полноту, полный охват: *Азбука вкуса*.

Большинство квазисимволов обладает живой образностью. Однако условность природы символа делает данный признак необлигаторным, ср.: *счастливый билет* (обладает мотивированностью) / *бирюльки* (мотивированность отсутствует).

Прагматику высказывания, как это принято в лингвистике, рассмотрим в аспектах локуции, иллюкуции и перлокуции.

Локуция предполагает реализацию высказывания. Применительно к предмету нашего исследования это текст, включающий в себя квазисимвол.

В высказываниях квазисимволы реализуют одно из своих возможных значений. Данный процесс связан с коммуникативной импликацией высказывания [Власян, 2014], то есть с фоновыми знаниями, поддерживающими реализацию символического значения. Г.П. Грайс отмечает: «При выводе определенной коммуникативной импликации слушающий опирается на следующую информацию: 1) конвенциональное значение использованных слов и знание всех их референтов; 2) Принцип Кооперации и постулаты; 3) контекст высказывания – как лингвистический, так и любой другой; 4) прочие фоновые знания; 5) тот факт (или допущение), что вся указанная выше релевантная информация доступна для обоих участников коммуникации, и что они оба знают или предполагают, что это так» [Грайс, 1985, с. 227]. Например, высказывание *вбить осиновый кол* содержит импликацию, отражающую магическую практику вбивания осинового кола в могилу колдуна или ведьмы для того, чтобы они не могли делать зло после своей смерти. Согласно данным словаря «Славянские древности», импликация выска-

зываний *лапти сделать* ‘изменить’, *лапоть подвязать* ‘отсутствие физической связи между супругами’ (диалект.) связана с образом соединения, плетения. Импликация высказывания *лапоть вешать* ‘отказаться’ (диалект.) апеллирует к использованию лаптя в свадебных обрядах как символа отказа. Импликация высказываний *Лапти кверху, лапти сплел* ‘умер’ (диалект.) основана на наблюдениях за покойником, которому надевали лапти (Славянские древности, т. 3, с. 79–82).

Импликации обеспечивают восприятие высказывания как истинного, формируют типовую иллюкуцию и перлокуцию речевого фрагмента, содержащего квазисимвол. Так, импликация выражения *Стать на (одни и те же) грабли*, основанная на наблюдениях за граблями: длинная ручка стоящих или лежащих граблей могла сильно ударить человека, который наступал на гребенку граблей, становится основой формирования иллюкуции, связанной, например, с предупреждением о том, что некто будет ощущать нечто плохое, если не учитывает некоторые обстоятельства, приводящие к такому результату, и перлокуции: будь готовым к возмездию за беспечность, самоуверенность, невнимательность.

Культурные аспекты локуции квазисимвола детерминированы культурными категориями, которые воплощает символ, а также культурными функциями, которые он выполняет. Квазисимвол эксплицирует норму, выступающую регулятором поведения, основанием для его оценки. К.М. Хоруженко предлагает понимать под культурной нормой «культурный механизм закрепления и контроля за выполнением определенных функций, значимых с точки зрения удовлетворения жизненно важных потребностей людей или поддержания совместности их существования» [Хоруженко, 1997, с. 344]. Из приведенной выше дефиниции нормы следует, что она имеет, с одной стороны, констатирующий, с другой – предписывающе-долженствующий характер. Например, символическое значение слова *каравай* ‘достаток, богатство’ воплощает констатирующий характер нормы: учти, что нечто имеет высокую материальную ценность. *Заработанный ломоть лучше краденого каравая*. Значение квазисимвола *замок*

‘молчание’ имеет предписывающий характер: не делись тем, что знаешь. *Держи язык за замком.*

Нормы формируются в обществе на основе обобщения типичных практик, выявления из них наиболее адекватных, продуктивных в условиях кооперации. Е.С. Коршунова так определяет функциональную ценность нормы: «Нормы задают стандарты того, как человек должен жить, какими принципами обладать, как строить коммуникации» [Коршунова, 2015, с. 59–60]. В русской культуре действует норма «человек должен трудиться». Она находит свое выражение в императиве – *трудись*. Данная норма и императив объективируются в квазисимволах *волынка, баклуши, лясы, печь* и др. Императивы положены в основу культурных установок, правил поведения человека в обществе. Культурные установки представлены двумя основными видами: можно (нормы) / нельзя (запреты). Культурная норма включает в себя представления об образце той или иной практики, реализуемой в культурном пространстве. Так, квазисимвол *камень* связан с нормой: в некоторых ситуациях люди должны проявлять твердость, постоянство. Семантика лингвокультурной единицы имплицитна, идиоматична. Она представляет собой компрессию разнообразных культурно-семантических аспектов. Культурная норма может находить свое отражение в образном основании единицы. Например, норма низкой ценности чего-либо объективирована образным основанием *барахло*, норма удачи, везения – образным основанием *счастливый билет*. Норма может воплощаться в оценочности и эмотивности. Квазисимвол *бирюльки* связан с нормой жизнедеятельности. Нарушение нормы вербализуется отрицательной оценочностью. Квазисимвол *бодяга* выражает отрицательную оценочность чего-то несущественного, что является следствием соотнесения предъявленной образным основанием нормы с установкой: «Занимайся существенными делами».

Квазисимволы аккумулируют культурную память нации, «выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний» [Лотман, 2000, с. 487]. Они выступают в роли накопителей и трансляторов культурных смыслов. Д.Д. Овсянникова пишет о следующих способах реализации культурной памяти:

«Представляя собой механизм сохранения и передачи важного социального опыта, культурная память воспроизводит его на каждом этапе развития общества в различных формах, адекватных конкретным сферам человеческой деятельности: в сфере религии такими формами культурной памяти выступают обряд и канон, в политической и социальной сфере – нормы морали и права, в науке – идеи, понятия и теории, в рамках искусства – представления о художественном образе» [Овсянникова, 2019, с. 51]. Аккумулирующая функция квазисимволов позволяет обществу избежать деструктивных факторов, сохранить свою самобытность.

Поскольку, по определению А.В. Набатова и М.С. Беженарь, «культурные нормы – это определенные предписания, пожелания, требования, ожидания общественно одобряемого поведения» [Набатов, Беженарь, 2020, с. 37], их система формирует модель культуры, под которой мы понимаем, вслед за О.А. Козловой [2009], А.Я. Флиером [2019], совокупность правил, запретов, установок, приоритетов и других регуляторов жизнедеятельности социума, формирующих фундамент культуры и определяющих процессы текстообразования в семиотическом понимании.

В формировании квазисимволов задействованы разнообразные коды культуры. Под кодом культуры В.Н. Телия понимает «таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия, 1999, с. 20–21]. Разделяя такое понимание кода культуры, отметим, что при образовании квазисимволов русской лингвокультуры наиболее продуктивным является фетишный код, в основе которого лежит базовый образ «предмет». Данную тенденцию мы объясняем вещной природой символа, которая повлияла и на вербальные ресурсы. Анализ прецедентных текстов русской культуры позволил нам выделить 170 квазисимволов фетишного культурного кода.

В результате исследования семантики фетишных квазисимволов обнаружены наиболее актуальные для русской лингвокультурной общности императивы. Степень актуальности определялась с опорой на регулярность использования рассматриваемой единицы в вербальных текстах. В скобках указаны реализующие их квазисимволы.

Трудись (*баклуши, бирюльки, волынка, дудка, игрушка, лясы, печь, солома, шура неубитого медведя*).

Будь дисциплинирован (*барабан*).

Будь скрытен, не делись тем, что знаешь (*замок*).

Принимай все, как есть (*авоська*).

Береги деньги (*кубышка*).

Будь понятен и последователен в своих мыслях и речах (*нить, каша, книга за семью печатями*).

Пользуйся теми же средствами, что и другие (*клин, кол*).

Уважай знание (*книга*).

Держи слово (*крест*).

Не предавай веру (*крест*).

Веди себя по-христиански (*крест*).

Говори правду (*грязь, петля, пыль, сеть, удочка*).

Будь опрятен (*грязь*).

Совершай хорошие поступки (*грязь*).

Помогай (*помочи*).

Терпи, жди (*долгий ящик*).

На основе выделенных императивов возможно реконструировать систему норм: хорошо, когда некто трудится, подчиняется общим правилам, может хранить тайны, исполняет обещанное, уважает другого человека, считается с ним, соблюдает христианские заповеди. Следует заметить, что при реализации жизненных практик поощряются покорность, подчинение и терпение. Выделенные нормы позволяют воссоздать комплекс ценностей русской культуры: труд, порядок, деньги, знание, вера, опрятность. Вполне допустим вывод, что на модели обыденного поведения русского человека повлияли христианские императивы, однако актуальна и другая модель: поступай с другими так, как поступили с тобой, используй те же средства.

Культурные нормы кумулируют опыт народа. Императив следования культурным установкам обеспечивает гомогенность куль-

туры, а для индивида определяет его культурную достаточность. Культурная норма, императив, установка являются ценностно маркированными прагматическими категориями, поскольку они определяют поведение человека.

Культурные аспекты иллокуции квазисимволов выражаются в особенностях кодирования идей и императивов. Это проявляется в отборе образных оснований, обусловленном жизненным опытом. Культурно детерминирована коммуникативно-прагматическая целеустановка употребления квазисимвола: она обусловлена ценностями народа. Так, использование квазисимвола *карман* обусловлено важностью материальных аспектов жизни, прихода и расхода: *Тугой, толстый карман, густо в кармане. В кармане жидко, пусто, нет денег. Набить карман, разбогатеть, набрать много денег. Карман дыряв, хозяин его мотоват. В одном кармане смеркается, в другом заря занимается, пусто. Считай деньги в своем кармане. Держи крепче свой карман. Не по карману затеи. И больно хочется, да в кармане не может-ся. Бить по карманам. Карман трещит*. Употребление квазисимвола связано с желанием адресанта указать адресату на существующую норму. Иначе говоря, культурные аспекты иллокуции квазисимвола связаны с регулятивной функцией культуры.

Перлокуция квазисимвола отражается в его интерпретанте, то есть воздействии, которое испытывает интерпретатор со стороны знакового средства. Е.С. Кубрякова отмечала, что знак окружает целый ореол интерпретант, это определяется многоаспектностью его значения и значимости: «Можно... предложить достаточно расчлененную серию интерпретант – так, чтобы с их помощью раскрывались разные стороны значения знака...» [Кубрякова, 2004, с. 501–502]. Следовательно, можно выделить оценочную, эмотивную, функционально-стилевую и др. виды интерпретант. Квазисимвол, будучи знаком культуры, допускает особый вид интерпретанты – лингвокультурную. Комплекс ментально-семиотических явлений, определяющих условия выделения некой материальной сущности в знак, его прочтение лингвокультурной общностью составляют сущность лингвокультурной интерпретанты. Она предполагает прочтение

семантики квазисимвола, обнаружение культурных установок, норм, запретов и выстраивание поведения в соответствии с ними. Так, квазисимвол *венец* связан с реализацией культурных установок: Будь готов принять что-либо на себя (*Великомученический венец*); Будь готов, что каждое дело имеет окончание (*Конец делу венец*); Квазисимвол *веревка* связан с культурными установками: знай, что некто должен ответить за то, что сделал (*Веревка плачет*); Знай, что некто не желает делать что-либо по своей воле (*Вить веревки, на веревке не затащишь*). Интерпретация вербального знака культуры заключается в его декодировании, предполагающем, что адресат владеет тем же культурным кодом, что и адресант. Заметим, что квазисимволы составляют глубинную основу лингвокультуры и часто не осмысливаются людьми, даже хорошо владеющими русским языком как иностранцами. Интерпретанту квазисимвола составляет намерение адресата подчиниться или не подчиниться императиву, следовать норме или отклониться от нее. По принятому решению интерпретатора воспринимают как своего или чужого, его поведение оценивают как нормативное или девиантное.

Правила семантики и прагматики знаков не формулируются интерпретаторами, включенными в данную знаковую систему. Значения и правила употребления квазисимволов осознаются и легко прочитываются членами лингвокультурной общности [Петрова, 2003]. Этот аспект воплощает процессы культурной идентификации, под которой В.В. Красных предлагает понимать ««опознание» личности как представителя некоторого сообщества» [Красных, 2012, с. 70]. Культурная идентификация заключается в интеграции своих, в самоопределении, самоузнавании, самопостижении субъекта, отождествлении себя со своими и противопоставлении чужим с опорой на средства лингвокультуры.

Выводы

Культурная специфика прагматики квазисимволов проявляется во всех аспектах его использования: локуции, иллюкуции и перлокуции. Локуция квазисимвола связана с культурной нормой, которая трансформируется в им-

перативы и соответственно в культурные установки. Иллокуция связана с кодированием целеустановок, выражающих регулятивный потенциал культуры. Перлокуция проявляется в лингвокультурной интерпретанте, результаты которой трактуются в аспекте культурной идентификации адресата. Изучение прагматики лингвокультурных единиц позволит воссоздавать модель культуры.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-512-18008 «Символика русских и болгарских текстов культуры».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of research project no. 19-512-18008 “Symbolism of Russian and Bulgarian verbal texts of culture”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры. 896 с.
- Власян Н. Р., 2014. Проблема разграничения конвенциональных и коммуникативных имплицатур // Вестник Челябинского государственного университета. № 7 (336). С. 17–20.
- Грайс Г. П., 1985. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М. : Прогресс. С. 217–237.
- Иванова С. В., Чанышева З. З., 2014. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культурности // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». № 4. С. 154–166.
- Козлова О. А., 2009. Конвенциональность нормы в социо-культурном пространстве // Язык: Мультидисциплинарность научного знания : науч. альманах / под ред. О. В. Труновой. Барнаул : [б. и.]. С. 96–101.
- Ковшова М., Гудков Д., 2017. Словарь лингвокультурологических терминов. М. : Гнозис. 192 с.
- Коршунова Е. С., 2015. Национальный характер как культурная норма // Ценности и нормы в потоке времени : материалы VI Междунар. конф. (г. Курган, 9–10 апреля 2015 г.). Курган : Курган. гос. ун-т. С. 59–61.
- Красных В. В., 2012. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Культурология. № 3. С. 67–74.

REFERENCES

- Кубрякова Е. С., 2004. Язык и знание. М. : Яз. слав. культуры. 560 с.
- Лосев А. Ф., 1995. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М. : Искусство. 320 с.
- Лотман Ю. М., 2000. Семиосфера. СПб. : Искусство СПб. 704 с.
- Набатов А. В., Беженарь М. С., 2020. Культурные нормы: виды и социальные функции // Проблема единства и многообразия истории: формы преемственности общественного развития. Серия «Филология и культура: нормы, ценности, выбор». Донецк : Изд-во ДНТУ. С. 32–38.
- Овсянникова Д. Д., 2019. Историческая преемственность в контексте проблемы культурных норм // Культура и цивилизация. № 1 (9). С. 51–54.
- Петрова М. В., 2003. Соотношение семантики и прагматики в лексическом значении в свете теории биологии познания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 162. С. 60–64.
- Рубцов Н. Н., 1991. Символ в искусстве и жизни. Философские размышления. М. : Наука. 176 с.
- Телия В. Н., 1999. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М. : Яз. рус. культуры. С. 13–24.
- Телия В. Н., 1996. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. рус. культуры. 284 с.
- Флиер А. Я., 2019. Культурные нормы // Прикладная культурология. Энциклопедия / под ред. И. М. Быховской. М. : Согласие. С. 307–310.
- Хоруженко К. М., 1997. Культурология. Энциклопедический словарь. М. ; Ростов н/Д : Феникс. 640 с.
- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 896 p.
- Vlasyan N.R., 2014. Problema razgranicheniya konventsionalnykh i kommunikativnykh implikatur [The Problem of Distinguishing Between Conventional and Conversational Implicatures]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 7 (336), pp. 17-20.
- Grice G.P., 1985. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], Moscow, Progress Publ., vol. 16, pp. 217-237.
- Ivanova S.V., Chanysheva Z.Z., 2014. Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drayvery kulturonosnosti [Semantics and Pragmatics of a Linguistic Sign as Cultural Information Drivers]. *Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika»* [Russian Journal of Linguistics], no. 4, pp. 154-166.
- Kozlova O.A., 2009. Konventsionalnost normy v socio-kulturnom prostranstve [Conventionality of the Norm in the Social and Cultural Space]. Trunova O.V., eds. *Yazyk: Multidisciplinarnost nauchnogo znaniya: nauch. almanakh* [Language: Multidisciplinarity of Scientific Knowledge. Scientific Almanac]. Barnaul, pp. 96-101.
- Kovshova M., Gudkov D., 2017. *Slovar lingvokulturologicheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic and Cultural Terms]. Moscow, Gnozis Publ. 192 p.
- Korshunova E.S., 2015. Nacionalnyy kharakter kak kulturnaya norma [National Character as a Cultural Norm]. *Tsennosti i normy v potoke vremen: materialy VI Mezhdunar. konf.* [Values and Norms in the Flow of Time. Proceedings of the 6th International Conference]. Kurgan, Kurganskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 59-61.
- Krasnykh V.V., 2012. Kultura, kulturnaya pamyat i lingvokultura: ikh osnovnye funktsii i rol v kulturnoy identifikatsii [Culture, Cultural Memory and Linguistic Culture: Main Functions and Role in Cultural Identification]. *Vestnik TsMO MGU. Kulturologiya* [Bulletin of the Center for International Education of Moscow State University. Philology. Culturology. Pedagogy. Methodology], no. 3, pp. 67-74.
- Kubryakova E.S., 2004. *Yazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. 560 p.
- Losev A.F., 1995. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Symbol Problem and Realistic Art]. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ. 320 p.

ИСТОЧНИКИ

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. : Терра, 1995.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2020).
- Славянские древности – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. В 5 т. М. : Международные отношения, 1995.
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в. В 2 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1991.
- Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М. : Сов. энциклопедия, 1967. 543 с.

- Lotman Yu.M., 2000. *Semiosfera*. Saint Petersburg, Iskusstvo Publ. 704 p.
- Nabatov A.V., Bezhenar M.S., 2020. Kulturnye normy: vidy i sotsialnye funktsii [Cultural Norms: Types and Social Functions]. *Problema edinstva i mnogoobraziya istorii: formy preemstvennosti obshchestvennogo razvitiya. Seriya «Filologiya i kultura: normy, cennosti, vybor»* [The Problem of the Unity and Diversity of History: Forms of Continuity of Social Development. Series "Philology and Culture: Norms, Values, Choice"]. Donetsk, Izd-vo DNTU, pp. 32-38.
- Ovsyannikova D.D., 2019. Istoricheskaya preemstvennost v kontekste problemy kulturnykh norm [Historical Continuity in the Context of the Problem of Cultural Norms]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Scientific Journal Culture and Civilization], no. 1 (9), pp. 51-54.
- Petrova M.V., 2013. Sootnoshenie semantiki i pragmatiki v leksicheskom znachenii v svete teorii biologii poznaniya [The Correlation Between Semantics and Pragmatics in Lexical Meaning in the Context of the Biology of Cognition Theory]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 162, pp. 60-64.
- Rubcov N.N., 1991. *Simvol v iskusstve i zhizni. Filosofskie razmyshleniya* [Symbol in Art and Life. Philosophical Reflections]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Teliya V.N., 1999. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kultury [Priorities and Methodological Problems of the Study of the Phraseological Composition of Language in the Context of Culture]. *Frazeologiya v kontekste kultury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow, Yazyki russkoy kultury, pp. 13-24.
- Teliya V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya: semantiko-pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology: Semantic-Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kultury. 284 p.
- Flier A.Ya., 2019. Kulturnye normy [Cultural Norms]. Bykhovskaya I.M., ed. *Prikladnaya kulturologiya. Entsiklopediya*. Moscow, Soglasie Publ., pp. 307-310.
- Khoruzhenko K.M., 1997. *Kulturologiya. Entsiklopedicheskiy slovar* [Cultural Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Rostov-on-Don, Feniks Publ. 640 p.

SOURCES

- Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Terra Publ., 1995.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed 15 December 2020).
- Tolstoy N.I., ed. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar. V 5 t.* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. In 5 Vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995.
- Fyodorov A.I., ed. *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII – XX v. V 2 t.* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the End of the 18th – 20th Century. In 2 Vols.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991.
- Molotov A.I., ed. *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. 543 p.

Information About the Author

Grigoriy V. Tokarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Document Science and Stylistics of Russian, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Prosp. Lenina, 125, 300026 Tula, Russia, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Информация об авторе

Григорий Валериевич Токарев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, просп. Ленина, 125, 300026 г. Тула, Россия, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.13>

UDC 81'42:004.738.5
BBC 81.055.51.5

Submitted: 21.02.2020
Accepted: 01.12.2020

THE LANGUAGE MEANS OF COMICALITY IN CLICKBAIT HEADINGS¹

Natalia A. Prokofeva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Irina A. Akulovich

Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI", Saint Petersburg, Russia;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The analysis of material presented in the media discourse demonstrates significant changes in the intentionality of the journalistic text, which are reflected in establishing contacts so as to grab and retain the reader's attention. This feature of modern media text is represented in changing genre preferences, speech tactics and strategies, and, consequently, selecting and combining linguistic means. One of the manifestations of this trend is the phenomenon of clickbait, which is a communicative act of promising to continue communication. This article is dedicated to the clickbait with the semantics of comicality. The collected from the Russian-language Internet research material includes clickbait headings that promise a certain funny content. The study revealed that a clickbait model includes the following semantic components: a stimulating utterance of the subject of speech seeking to involve the reader in the humorous nature of hypertext; the verbal and non-verbal markers of the object of laughter; markers, which reflect Internet user's involvement in the communicative act. The analysis of relationship between the components of a clickbait model resulted in specifying four types of clickbait headlines: 1) narrative headlines, which invite the reader to laugh what some other readers have already laughed at; 2) offering headlines suggesting some comic entertainment; 3) allusive clickbaits that hint on the possibility to continue amusing reading; 4) nominative clickbaits, which name the expected laughing reaction to the presentation of some objects.

Key words: clickbait, comicality, media text, semantics, speech act.

Citation. Prokofeva N.A., Akulovich I.A. The Language Means of Comicality in Clickbait Headings. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 151-165. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.13>

УДК 81'42:004.738.5
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 21.02.2020
Дата принятия статьи: 01.12.2020

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОМИЧЕСКОГО В КЛИКБЕЙТЕ¹

Наталья Анатольевна Прокофьева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Ирина Анатольевна Акулович

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Анализ современного речевого материала, представленного в медиaprостранстве, демонстрирует значительные изменения интенциональности журналистского текста. На первый план выходит интенция контактоустановления – захвата внимания читателя и стремление его не упустить. Эта особенность современного медиатекста реализуется в изменении жанровых предпочтений, особенностей

речевых тактик и стратегий, а следовательно, отбора и сочетания языковых средств. Одним из проявлений указанной тенденции становится распространение кликбейта – коммуникативного акта обещания продолжить коммуникацию. Статья посвящена кликбейтам с семантикой комического. Материалом исследования послужили кликбейты в русскоязычной сети, содержащие обещание смешного. Выявлено, что модель кликбейта включает следующие смысловые компоненты: стимулирующая реплика субъекта речи, стремящегося вовлечь в смеховую стихию гипертекста; речевые и невербальные маркеры объекта смеха; маркеры, отражающие учет присутствия пользователя в коммуникации. В ходе анализа отношений между компонентами модели кликбейта выделены четыре типа: 1) заголовки-нарративы, включающие приглашение читателю посмеяться над тем, над чем уже посмеялись ранее; 2) заголовки-оферты, содержащие предложение смешного; 3) кликбейты-аллюзии, выражающие намек на возможность продолжения забавного чтения; 4) кликбейты-номинативы, называющие ожидаемую смеховую реакцию на представление каких-то объектов.

Ключевые слова: кликбейт, комическое, медиатекст, семантика, речевой акт.

Цитирование. Прокофьева Н. А., Акулович И. А. Языковые средства комического в кликбейте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 151–165. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.13>

Introduction

The hypertext in the news is composed due to the use of multiple means of intertextual linkings, including catchy headlines as if they are some toutings made during the fairs. Such catchy headlines attract reader's attention by promising some cheerful and amusing time spent together and bringing a pleasant sense of belonging. Through referring to obscenities, such preview headlines provide for endless surfing in the web space. Such hypertext toutings make a victim of every user clicking on boldly announced promises, looking through some garbage websites that lack any valuable information (created, in the first place, to hide some advertising links leading to commercial websites) (comp.: [Daoud, El-Seoud, 2019]).

When browsing the Internet, Internet-users often look for attractive form rather than for interesting and informative content. That is the reason why the phenomenon of clickbait is nowadays associated with senseless headlines, so-called fake headings and captions used as "hooks". Clickbaiting appeared in social networks in the form of blog headlines [Potthast et al., 2016], and today it is often found in entertaining, analytical and news media discourse.

Clickbaits are considered a means of falsifying information [Al Asaad, Erascu, 2018; Chanysheva, 2016; Gavrikova, 2018c; Serrano, Romero-Rodríguez, Gómez, 2018; Shu et al., 2018; Vol'skaia, 2018]. We should note that daily routine is presented in a clickbait in such a light that makes it look worse than in reality [Molyneux, Coddington, 2019]. Therefore, the quality of news

presenting is getting lower: more attention is paid to the presentation form rather than the content, clickbait's author intentionally gives an impression that readers are directly involved with the content of the message [Geckil et al., 2018; Gavrikova, 2018b; Agrawal, 2016], though, in reality, the article's content has nothing to do with the topic implied in the headline. Clickbaits are often placed on a par with spam messages (based on YouTube data) [Gavrikova, 2018a; Zannettou et al., 2018].

Last years have seen a lot of posts suggesting that we should get rid of clickbaiting. In this regard, scientists create various kinds of models to identify the headlines that mislead readers. The material that we provide shows that some comic tools are used in clickbaits to attract attention [Gajda, Brzozowska (eds.), 2000; Vasileva, 2017]. Today's Internet discourse ridicules everything: something comic is seen in miserable, sloppy, disgusting and even beautiful things. In clickbaits, the comic becomes a universally used "hook" to fully involve readers in viewing the content that the clickbaits creators want to make attractive.

The subject of any clickbait relies on user activity of readers, provoking their interest in the further reading of texts and some kind of a game, entertainment within a communication act by means of making readers laugh because of the information being "touted".

Entertainment is one of the main functions of the media text, therefore, the laughing reaction caused by reading and, as a result, the relief of social tension can be considered as one of the forms of communication in the media space sought after by the authors (see Fig. 1).

Fig. 1. A promise of laugh moments:

- a* – funny video showing an animal drama has won the hearts of Internet surfers;
b – beach activities with no retouch and photoshop applied: you’ll be crying with laughter;
c – jokey photos making everybody laugh (20 photos)

Clickbait pragmatic implication is to promise communication with some content to further entertain and amuse. The purpose of this article is to describe the common structural patterns of clickbait headlines that use comic tools.

Based on V.V. Vinogradov’s [Vinogradov, 1959] thought about the mutual determination of form and content, it can be assumed that the listed features of the functionality inherent to clickbaits are reflected in their verbal component: in special marker words, in the syntactic structure, in the semantic connotations. This characteristic of clickbait becomes the main objective of the research and entails a number of tasks.

The purpose of this article is to describe the constituency of common structural patterns of clickbait headlines that use comic verbal and nonverbal tools, which requires the search of those clickbaits that make use of comic tools to link the content of the texts they provide with the headlines, finding language markers of comicality (such as referring to precedent phenomena, using of aposiopesis, the reduction of a statement to absurdity, the inclusion of contradictory information, intentional informational emptiness, playing on the verge of a foul) installed into the headlines as well as to work out some classification of utterances and other markers of comicality promises in media content. All these techniques act to form the effect of heightened anticipation in the headline-text system.

The studies of clickbaits have started most recently. By various estimates, the word “clickbait” appeared at the end of the 90s of the

previous century, or even at the 10s of this one [Ageeva, Smyshliaeva, 2019; Molyneux, Coddington, 2019]. Scientific interest in this phenomenon is stipulated by the active spread of online communication, its characteristic phenomena [Brzozowska, 2013] as well as the reaction to such a spread expressed by online communication participants.

Headlines perceived as so-called “toutings” were named “clickbaits”, and due to their getting widely spread all over the world, now they raise genuine interest of the scientists from all over the world [Al Asaad, Erascu, 2018; Anand, Chakraborty, Park, 2017; Fu et al., 2017; Gavrikova, 2018a; Serrano, Romero-Rodríguez, Gómez, 2018; Sladkevich, 2019; Vol’skaia, 2018; Wang, Wu, 2017]. Originally, clickbait is based on some creative headlines and is aimed at attracting public attention to the topical issue using both content and form (comp.: [Molyneux, Coddington, 2019]).

As a rule, study materials include texts posted in social networks [Agrawal, 2016; Anand, Chakraborty, Park, 2017; Khater et al., 2018; Potthast et al., 2016; Serrano, Romero-Rodríguez, Gómez, 2018; Wang, Wu, 2017; Zheng et al., 2017], far less they involve news websites [Geckil et al., 2018; Molyneux, Coddington, 2019]. Attempts have been made to classify clickbaits based on symbols [Ageeva, Smyshliaeva, 2019; Gavrikova, 2018a; Wongsap et al., 2018], wordings or content [Zheng et al., 2018]. A number of research are attempted to create a topic model [Al Asaad, Erascu, 2018; Potthast et al., 2016; Serrano, Romero-Rodríguez, Gómez, 2018],

neurolinguistic model [Agrawal, 2016; Anand, Chakraborty, Park, 2017; Fu et al., 2017], user behaviour model [Zheng et al., 2017], lexical model [Zheng et al., 2018], etc. This article suggests that we put clickbait in the context of dialogics to see the role of comic tools in hypertext formation [Bakhtin, 1996; Duskaeva, 2004].

Study methodology

In search of clickbait definition, the following characteristics have been defined, namely, headline function within the text and advertising function as a part of communication. The latter is realised through attracting attention due to the shocking character of the form and it is often not linked with the content of the headlined text [Ageeva, Smyshliaeva, 2019; Khater et al., 2018; Nikolaeva, 2017; Solov'ev, 2018; Vol'skaia, 2018].

We would like to direct attention to the dialogical essence of such a headline, taking into account a position taken by the headlines in the structure of hypertext formation. Proceeding from the three-part structure of media talk, developed by L.R. Duskaeva, consisting of paratext, metatext and intratext [Duskaeva (ed.), 2018], we ascribe clickbait to the phenomenon of paratext within hypertext, thus providing the latter with intertextual interconnection formed within the interaction with presupposed reader's reaction to a clickbait. Any promise, like "touting" during a fair or a buffoonery, urges users to communicate cheerfully and plainly in order to receive some kind of pleasure.

This article is aimed at analysing the represented clickbait content that promises convivial communication and specifying direct and indirect speech act means. This task is fulfilled by means of a) delivering a semantic and pragmatic classification of clickbaits; b) specifying, analysing and classifying the means of defining major components of clickbait intention by using verbal and non-verbal means within different media types.

The study materials cover promissive clickbaits implying some comic content posted in Russian-language networks. This choice is not an accidental one. Despite the fact that since 2016 [Ageeva, Smyshliaeva, 2019] the campaign to get rid of clickbaits has been run, this phenomenon is spread so wide that clickbaits can be found even in news media discourse, which is supposed to be

forbidden, as the major value of news reporting is providing information. Nevertheless, to win the reader's attention, headlines appear to become more entertaining. We have collected 50 clickbaiting headlines at the news portal Lenta.ru in order to study the stated topic. To collect empirical database for the research, we have used a continuous sampling method. Lenta.ru is one of the largest Russian news portals covering events in the area of economy, politics, defence and law enforcement agencies, science and technology, culture, sports, etc. The portal covers both Russian and international news. In the latter case, we are talking about translated texts taken from different foreign sources referred to by the authors. Curiously enough, most often those clickbaits that have the semantics of comicality are provided by translated texts of some entertaining character.

The studies performed resort to the means of modelling, for deductive pragmalinguistic interpretation of clickbaiting headlines.

The deductive pragmalinguistic interpretation of clickbaiting headlines resulted in distinguishing several stages of constructing comic clickbaits: 1) inspiring remark of a clickbait actor implying a promise; 2) verbal and non-verbal markers of laughter; 3) markers of a presupposed funny reply to the stimulus. These are the most distinguishing symbols of a clickbaiting promise. Thus, the speech act implying a promise (clickbait) gets a new form in the context of mass media.

Thus, the clickbait promise of laugh is based on establishing a connection of any nature with the text announced in a clickbait. The degree of the explication of possible comic effect can be different as well as the degree of its connection with the text content and the means representing comicality. Proceeding from the links between the components of the comic clickbait model, several types of language-verbalized clickbaits can be specified: 1) narrative headlines proposing the reader to laugh at the things that were laughed at by other readers before; 2) offering headlines providing for the promise of comic content using laughter markers; 3) allusive clickbaits providing for a hint to continue an entertaining reading; 4) nominating clickbaits providing for expected reaction of laughter expressed because some objects are presented.

In accordance with the stated topic, the analysis pays special attention to the semantics of clickbaits and their lexical content, therefore

the proposed analysis also includes certain elements of content analysis and lexical analysis. From the standpoint of the authors of the article, this allows one to achieve the most complete, comprehensive understanding of the phenomenon under consideration.

In addition, when describing the “heading – text” effects, as well as when explaining communicative objectives and tasks, one cannot do without a methodology developed in terms of intentional stylistics. This is the final stage of the analysis, which makes it possible to fully represent the phenomenon of clickbaiting in the broad outlines of the development trends characteristic of the modern media text.

Results and discussion

The results of contextual and pragmatylistic analysis are presented below together with the explication of every type. It will help prove the hypotheses about pragmatic relationship between the title and the text, demonstrate its proximity to fair touting, reveal the techniques of creating clickbait headings in media discourse.

The first type is composed of *narrative clickbaits* that contain a reminder of some comic situation or a story. It is suggested that its details are to be revealed in the course of further reading only:

(1) Несуразный смокинг Трампа на встрече с королевой **подняли на смех** (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/06/10/trumpstuxedo/>) –

“Trump’s absurd tuxedo was laughed at during the meeting with the queen” (hereinafter translated by us. – N. P., I. A.);

(2) Мать жениха **подняли на смех** за попытку перещеголять невесту (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/02/sameasbride/>) –

“Bridegroom’s mother was laughed at for attempting to outmatch the bride”.

As we see it, such a clickbait contains indications of a speech act implying laughter (phraseological unit *осмеян* (laughed somebody out)); there is an object triggering laughter by means of it being not appropriate in a given situation (*absurd tuxedo, attempt to outmatch the bride*). Finally, such a clickbait provides for a subject of laughter; it is indicated by indefinite-personal forms, as a rule (*laughed somebody out, somebody was ridiculed*).

(3) Любимый дешевый бренд россиян выпустил женскую одежду для мужчин и был **осмеян** (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/06/04/menstop/>) –

“Cheap brand admired by Russians started a female clothes line for men and was laughed out”.

In the post titled the headline attracts attention due to the abundance of assessment lexical units. Absolute contact-establishing potential is conveyed by a positively assessing word *admired by*; and there appears some kind of discordance in the word combination *cheap* and *admired by* – so, emotional assessment together with pragmatic assessment provides for such a contact-establishing potential. Visual component, being means of attracting attention, apart from a headline, is a photo of a dark-skinned man with a shirtless torso. This way, an object to laugh at was introduced by Asos brand having released female clothes for men, and it triggered both laughter and indignation of their supporters (users). The text has several comments of Twitter network users, having left their critical opinion on brand’s newcomers. They are in no way linked to the semantics of comicality, though the headline uses the potential of comic tools, namely, the combination of a verb in the past tense and a short form of past participle *осмеян* (was laughed out).

This type of headlines include the following ones:

(4) Невесту **высмеяли** за слишком маленькое помолвочное кольцо (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/05/14/smallring/>) –

“Bride was teased because of a too small engagement ring”;

similar structure is characteristic for the following headlines:

(5) Тучную невесту **высмеяли** за похожее на пижаму платье (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/06/04/dressshaming/>) –

“Plus-size bride was ridiculed at the wedding for wearing a pyjamas-like dress”;

(6) Невесту **высмеяли** за неподобающее нижнее белье и шляпу на свадьбе (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/23/brideshaming/>) –

“The bride was laughed out because of inappropriate underwear and a hat at the wedding”;

(7) Странные пятна на платье невесты **рассмешили** пользователей сети (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/01/coffeebreak/>) –

“Strange spots on bride’s clothes made Internet users laugh”,

where the actor of a speech act in an indefinite-personal sentence involves the addressee to join some combined action using such verbs as *высмеяли* (ridiculed, laughed out), namely, to laugh at a non-ordinary situation with addressee’s attention being focused on the absurdity of bride’s clothes: underwear, hat and strange blots on the dress. Headline (4) has a bride as a speech object and an engagement ring as its subject in order to involve the addressees in the situation for them to laugh at. It uses the picture of the ring for the web users to laugh at its size, suggesting that scientists devise an instrument to examine the size of the ring. Thus, linguistic means used in the headline are predetermined by the adverb of measure *too much*, pointing at the deviation from the norm meaning “way over, beyond measure”, and a qualitative adjective “small” characterizing a substantial deviation from average size values. An indirect indication of a subject to be laughed at is provided by using the verb *высмеяли* (laughed out).

Such type of headlines is often eliminating the line between the intimate (private) and the public.

(8) Студентку **подняли на смех** за отказ брить ноги из-за лени (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/04/03/depressed/>) –

“Female student was made fun of because she refused to shave her legs claiming that she is lazy”.

The headline cites the student from Valencia saying that she was “just too lazy” to shave legs, though her protesting position was to a great extent connected with her refusal to follow the rules being observed by the public. The text starts from the photo displaying an unshaved leg, and there is no object of a speech act in the picture. The phraseological unit *подняли на смех* (made fun of) together with a word combination *because of being lazy* triggers more negative reactions and implies disapproval of the public. The phraseological unit by itself relates to the conversational (informal) style. This fact is used as a means of contact establishing, getting closer to the author and the addressee. Thus, the heading attracts attention as it triggers misunderstanding and the barbed wit of the public: “A lot of people were labelling her awful and disgusting, the others

were claiming that she had low self-esteem and she was suffering from depression”.

Thus, the first type is composed of narrative headlines describing the situation that implied laughter and promised a reader to laugh at some person, as the others have done it already. Such clickbait model is the following: it contains the marker of a laughter speech act, the object being laughed at – some phenomenon that breaks rules and norms. This type of headlines provides for the names of the sources of the comicality, though they are not further disclosed. Using the names of laughter speech acts in indefinite-personal meaning ensures the impression that the stated source of the comic is being laughed at by everybody. Due to the joint social action, the reader is supposed to join a message to continue communication. Thus, the headline contains the narrative of a funny situation; the contact-establishing intention is being realized. Often, the attention is attracted by promising to laugh at something extraordinary, some clumsy and strange things.

The second type is made up of so-called “*offering*” headlines containing no information on the source of comicality, though promising some entertainment to the reader. Often, the object of derision is implied in political opponents of Russia, e.g.:

(9) Спикера Рады **развеселила** инаугурация Зеленского (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/05/20/parubii/>) –

“Rada speaker was livened up by the inauguration of Zelensky”.

where the referral to the name of a politician, attended with a commentary demonstrating a laughter reaction, is used as some kind of a “hook”. The text referred to by the clickbait is about the dissolution of Verkhovna Rada by the president of Ukraine. This moment is a dramatic one in the history of the country and it usually provokes no laughter. Meanwhile, the text mentions the reaction to the dissolution act by Andriy Parubiy, when he characterized the inauguration of a new president Vladimir Zelensky as a funny one, as well as reaction to this statement expressed of the deputies of Verkhovna Rada meeting it with a burst of laughter. Contact-establishing effect of a clickbait is increased due to introducing an informal word *развеселила* (was livened up) to

the context of usual terminology. The collision of lexical units stylistics appears as it introduces some ironic implication to the headline. Readers are suggested that they find out its reasons. Though the text states that the president of Ukraine announced disbanding of Verkhovna Rada and gave the deputies two months to meet his requirements, and Andriy Parubiy, a speaker of Verkhovna Rada, is just slightly mentioned as well as him saying that the inauguration of a new president Vladimir Zelensky is a funny one, and the deputies met these words with a burst of laughter. An allusion is used (namely a hint, that Zelensky is a former comic actor and the deputies consider his presidential activities as a continuation of his former activities). Thus, Russian mass media continues to take advantage of the topic of the “might-have-been state control establishment” in Ukraine. The ambivalence in the attitude to the president of Ukraine, with everybody expecting a burst of laughter at him, is used as a “hook” to attract the reader’s attention in Russia. Turned up expectations are formed due to the fact that there is no mentioning of the reasons provoking the laughter of the deputies of Verkhovna Rada.

One more heavily ridiculed object in today’s Russian mass media is the prime minister of Great Britain Theresa May:

(10) Премьер Британии поблагодарила Бориса Джонсона и **рассмешила** парламент (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2018/07/10/theresa/>) –

“Prime minister of Great Britain thanked Boris Johnson and made the Parliament laugh”.

The text states that Theresa May thanked the Minister of International affairs Boris Johnson barely containing the laughter at “the passion he had while advancing country’s interests”, and this way she triggered laughter of all the attendees. Boris Johnson left the post of the Head of the Foreign office as he was opposing the measures taken by Theresa May, who was demanding a stricter scenario of the country’s exit from the supranational union. The headline misleads the readers, as some logical links connecting the predicates are left not clear: whether the laughter of the Parliament was caused by the gratefulness of the Prime minister or the Prime minister has become the reason for the laughter herself or the fact that her gratefulness was addressed to Boris Johnson.

In order to find it out, readers have to go through the text following the clickbait.

The promise of laughter is contained in the following example as well:

(11) Представление российского игрока в НХЛ **рассмешило** пользователей сети (Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2019/07/30/lol_goose/) –

“The introduction Russian hockey player to the NHL team made Internet surfers laugh”.

In this case, the headline can be named bivalent: the names of a derision object (*the introduction of a Russian hockey player*) and laughter subject (*Internet users*) are given to indicate the laughter reaction. The very situation does not give any explanation. Thus, the author of the headline ensures the effect of turned up expectations by using a word referring to the semantic field named “comicality”. Hint to the possible laughter reaction becomes a so-called “hook”, and this way it incites a desire to read the following text.

Hint to the comic nature of the situation is present in the article headlined:

(12) Незадачливый ухажер **выдал** набор фактов о себе и **рассмешил** пользователей сети (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/04/30/mujchina/>) –

“Down-on-his-luck boyfriend has revealed some facts about himself and made Internet users laugh”.

Here, we again face a not fully informative headline containing a lot of hints with no explanation to the questions appearing while reading the article. Characteristic of the laughter object attracts attention due to a casual word *boyfriend*. Here it is used ironically in combination with an adjective *незадачливый* (down-on-his-luck), defining a naive person. Lexical unit “*выдал* (revealed, disclosed)” suggests comic nature of the action in this context as well. The semantics of the comic element is increased with each word contained in the headline. The very situation provoking laughter is left unclear.

(13) Парней из Tinder **подняли на смех** (Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2019/04/25/typical_tinder/) – “Guys from Tinder were ridiculed”.

The text headlined tells the story of Jon Foor from Los Angeles, scriptwriter working for UCB Theatre. Together with friends, he made a mock video to show an “average guy from Tinder”. The headline uses a casual phraseological unit “to

ridicule” to make somebody an object to be laughed at. As all the forms are similar, the author of the video got the feeling that he is looking through the pages of the same person. Comic effect is created due to the literalization of the set phrase *поднять на смех* (literally “to raise on laugh”) which is usually understood as “to laugh somebody out”, “to ridicule”, though in the context (after reading the text) it is perceived in the meaning of “writing a comic play scene that will make somebody laugh”.

(14) Пациент с опухолью мозга принялся **шутить** прямо во время операции (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/04/07/joker/>) –

“Medical patient suffering from a tumour started to joke right during the surgery”.

The article headlined tells that after the patient comes round from anaesthetic he asks whether the surgeons have taken his brain outside. This phrase gives no reason to laugh. Though the headline intrigues readers by means of disturbing situation’s picture. Within the situation, the patient stays unconscious, and the possibility to laugh in this case is more likely a mystification. Moreover, the magnetism of the given headline is related to the referral to a taboo subject: health, surgeries, etc. Most commonly, these topics are not laughed at and pose no reason to laugh. The attractive nature of the headline is ensured by means of interfering with private life.

While speaking about taboo topics, we cannot but mention that such clickbaits, which authors refer to as “below-the-belt” topics, are often used. Inclusion of this topic into a “comic” headline is expected to strengthen “a standpoint of a headline”.

(15) Телеведущие **расшутились** о пенисе во время эфира (Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2019/04/22/lil_or_big_dicky/) –

“TV presenters couldn’t stop joking about penis during the broadcast”.

This headline constitutes a sentence with a message on the subject of a speech act with no clarification of the nature of the discussion. In other words, here we see another bivalent headline with a hint to the situation of laughter indicating subject and object of laughter. Such delivery form of intrigues provides the effect of turned-up expectations. Everything linked with obscenity is always interesting and triggers

curiosity. This is what the author of a given headline counts on. The text is accompanied by the video taken from the British morning television show called Good Morning Britain, where the broadcaster Kate Garraway made a joke on the size of the “cock” of his colleague Richard Madeley. As is often the case, such headlines are associated with language games: laughter reaction put in the headline was realized while discussing creative activities of a rapper with an expressive pseudonym Lil Dicky, which can have “small penis” as one of the possible translation options.

(16) **Смеявшиеся** над докладом о зарплатах врачи раскрыли свой реальный заработок (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/03/28/bashkir/>) –

“Doctors who were laughing at the report on doctors’ salaries revealed the information on how much they earn”.

The article headlined tells about the salary amounts received by the medical staff of a maternity hospital in Bashkiria. Topics that are linked to money and salary issues always provoke public interest. Moreover, curiosity is fuelled by the semantics of a secret introduced by means of the lexical unit *раскрыли* (revealed). Here, there is only one indication of the laughter subject with no further information on the situation caused laughter. The desire to read the text is provoked by turned up the expectation to learn the secret linked to the salaries issue as well as the cause of laughter.

Allusive headlines

The difference of such clickbaits is in the *nomination of a laughter act* with no reason provoking it. Meaning of such headlines is not only to provoke laughter or invite to laugh together but also to provide a hint that text contains some message being of interest for the readers. As for allusive headlines, first of all, we focus on those using comic lexical units to increase the reader’s interest rather than to reveal the content of the text.

(17) He is 3e! Президент (YouTube. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCp2zBKrqP0ZQF6RN4RjF2Q>) –

“3e (in Russian)! President”.

Generic name for the type of texts discussing political activities of Zelensky. In other

words, the political figure turns into a private one belonging to the circle of the closest acquaintances, who can be given a funny nickname [Vasileva, Prokofeva, 2015] and whose private life can be discussed in some leisure moments. We would pay attention to graceful language games implied in the headline: *Зе* – these are the first two letters of the last name of the president of Ukraine as well as imitation of a vulgar pronunciation of the definite article in the English language. The headline's ambiguity is conveyed in the following: the fact whether the author laughs at the main character or admires his activities becomes the most intriguing part of the text as well as the means to form the effect of turned-up expectations from the text or a type of texts following.

Another example of allusive headlines can be seen in the following clickbait:

(18) **Насмешливые** школьники заставили женщину похудеть на 63 килограмма (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/06/10/zatravili/>) –

“Sarcastic students made a woman lose 63 kilos”;

the attention is attracted by the promise to explain how to lose 63 kilos. The semantics of comicality is conveyed in the comic subject (*students*). The very situation stated in the headline cannot be accepted as a funny one. The headline rather promises information on a person whose deed is worthy of respect or admiration. Comic object (promising the reader some interesting information to read) is a woman from the British city of Warrington, who lost weight for the sake of her daughter who was laughed at by the classmates. In this regard, we can state that semantics of comicality here is a contact-establishing means only. Further on, it is counted on supporting the contact by maintaining the interest in the actions of the main character of the article.

Another example goes about shocking the public due to the violation of behaviour stereotypes:

(19) Ребенок громко **высмеял** пренебрегающую гигиеной пассажирку самолета (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/06/07/barefooooot/>) –

“A child laughed out loud at an airline passenger neglecting hygiene rules”.

We can hardly expect that a child can laugh intentionally to make a monkey out of an adult.

Contact is established due to announcing something impossible: subject situation a child *высмеял* (laughed out loud) does not correlate with the expected behaviour of children. The interest of the public is provoked by the following dissonance: *neglecting hygiene*. While watching the video going before the text, we see an intentional misleading of the reader: the parent is the one who laughs, not the child. Promising communication by referring to two factors violating the image of the typical behaviour of adults and children proves effective for clickbaiting: the headline under analysis was viewed a record number of times.

(20) Дикие **пранки**, задницы и никаких правил (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/06/13/zdorovetsky/>) –

“Wild prank calls, ass holes and lack of any rules”.

Allusive mechanism of clickbaiting is seen in the heading (20) where attention is attracted not by a lexical unit *пранки* (prank calls), but a colloquial rude word *ass hole* which indicates a subject of the comic situation. Text is accompanied by the video showing a half-naked American top-model Kinsey Wolanski entering the football field during the match between British “Tottenham” and “Liverpool”. Such a thought-out campaign made up and prepared by a young guy Vitaly Zdorovetsky is aimed at the majority of views and increasing online popularity. Barbarism *prank* adopted from the English language is used in combination with the word *wild* highlighting rudeness, uncontrollability, clumsiness and strange nature of these jokes.

(21) Тренер сборной России по хоккею отреагировал на **насмешки** американских СМИ (Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/05/24/vorobiev/>) –

“Russian hockey team coach reacted to the mockery in American mass media”.

The headline uses the word *mockery* as one associated with the semantic field of comicality, though the text does not tell us that the journalist of an American newspaper laughs playing of the Russian team out. Reason for writing the article is in the comment of the head trainer of the Russian hockey team Ilya Vorobyev to the critical words of American journalist from The New York Times July Robenhaimer, who labelled the tactics

of the team as absurd in the interview to the TV channel “Russia Today”. The cheating is in the fact that the text has the comments of the journalist writing for one magazine only, though after reading the text we get the impression that all American mass media sources laugh at the Russian hockey team. Clickbait meaning, as it appears, does not tell something extremely funny, but rather attracts attention to some intrigue using the words belonging to the semantic field of comicality. The word *насмешки* (mockery) provokes interest in the readers; contact-establishing potential is referred to the promise to tell us about the trainer’s reaction. Thus, the conflict that is interesting for the readers is indicated. Such headlines are intended for those readers who are interested in the announced subjects and who will read the text till the very end.

The promise containing a hint to the comic character of the situation is contained in the headline:

(22) Телеведущий непристойно **пошутил** о собаке и **рассмешил** ведущую (Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2019/04/22/doggy_style) –

“TV presenter afforded a **joke** about a dog and made a female TV presenter laugh”.

The text is accompanied by the video featuring a host of the American channel NBC4 David Ushery telling a story about a dog who had swam 217 kilometres and was saved by the worker of a drilling installation unit, who said that the dog “definitely gave a new meaning to the phrase ‘doggy style’”. Ushery immediately corrected his words saying that it was a slip of the tongue and he meant to say that doggy style meant “doggy paddle”, thus making program’s co-host laugh. People who are not in the know will see nothing funny in the given phrase of the American host, though in reality, it provides for a dirty joke relating to some sexual transactions. Most readers will not understand it if no translation is provided. Though everything that is dirty provokes interest, and *пошутил* (made a joke) and *рассмешил* (made somebody laugh) are some type of a “hook” for a reader. Russian readers get an association with a film clip “My doggy style”.

Nominative headlines

Promising laughter markers while perceiving online content can be referred to in a lot of texts (pictures), rubrics, etc.:

(23) Странные люди в общественном транспорте или чудики среди нас: самые смешные фото (YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PCss5xyYZIE>) –

“Strange people in public transport or freaks among us: the funniest photos”;

(24) Самые смешные видео про котов (YouTube. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCBe-obq2p6OVmJSO9Eualgg>) –

“Funniest cat videos”;

clarifying relations between semantically heterogeneous objects (photos, videos, news stories selections, etc.). Such headlines are mostly focused on the word with the semantics of comicality in the direct meaning of this word. They invite readers to relax and get some positive emotions (see Fig. 2).

We would like to pay attention to the following promises of the comic element: *to laugh hysterically*. Here we see an exaggerated statement proved by a casual assessment characteristic of the object provoking laughter: “*all-thumbs*” *photographers*. It is a light-hearted joke starting the succession of photo materials having the same light-hearted nature.

The promise of entertainment can be conveyed in clickbaits by means of using corresponding verbal nominations of comic acts: *scandals, hardcore stuff, not for weak-nerved, lol, laughed my ass off, prank, to force tears for laughter, it is pretty messed up, to scandalize, shock, secrets are revealed*, etc. Such clickbaits express the failure to meet expectations as the most often used effect in the interconnection of a headline and a text. Promised (declared) things do not correspond the reality (text content). Such examples are often found among YouTube videos, and they get in the area of interests of clickbaiting researchers (see Fig. 3).

It seems to us that it is a kind of game played with the reader. By clicking a clickbait headline the reader is ready to get frustrated. Thus, switching between clickbaits and looking for some entertainment, as if the reader was making the expectations come true: the headline does not correspond to the text content. This way Internet surfers increase their self-esteem playing a guessing game, namely, that headlines do not correspond to the text content.

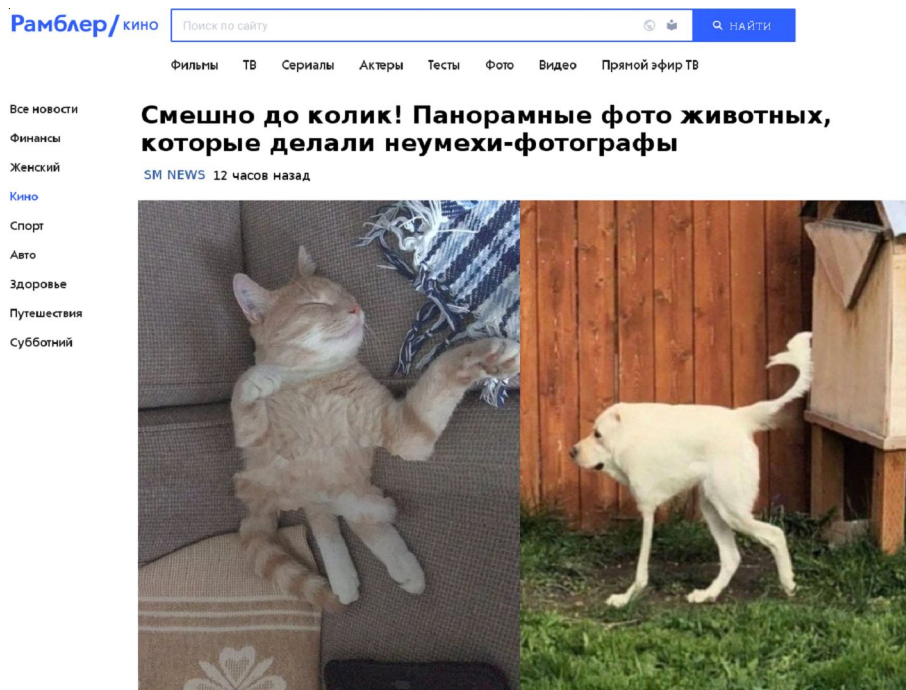

Fig. 2. An invitation to laugh:

Title: It makes you laugh hysterically! Panoramic photos of animals made by “all-thumbs” photographers

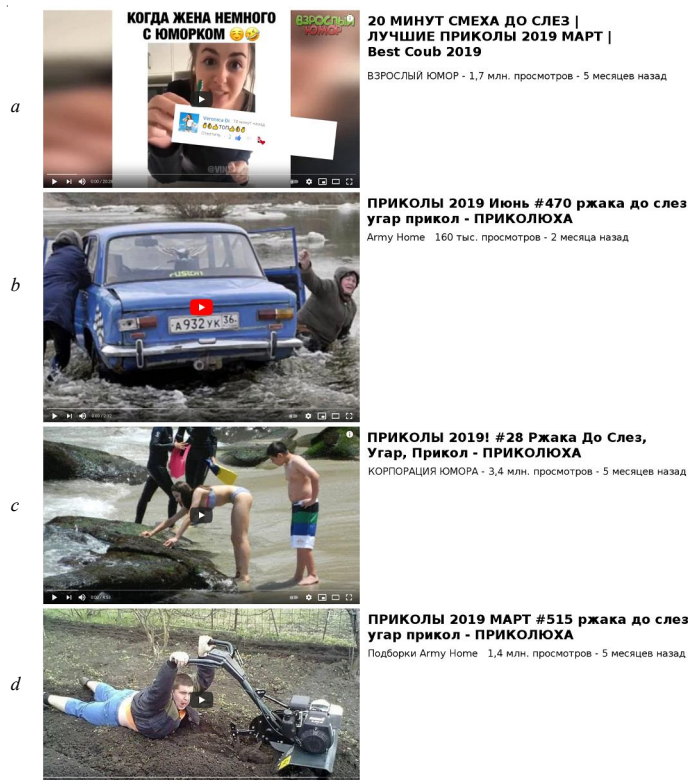

Fig. 3. An invitation to have fun:

- a* – 20 minutes of laughter moving to tears | Best kickers of March 2019;
- b* – kickers of June 2019 #470 lol moving to tears, messing up, kickers – tricks;
- c* – best kickers of 2019! #28 lol moving to tears, messing up, the kicker – tricks;
- d* – kickers of March 2019 #515 lol moving to tears, kickers – tricks

Conclusion

Clickbait is a communication act implying a promise to continue communication. The analysis provides a classification of clickbaits according to the techniques of attracting attention used in them. Several types of headlines are highlighted in the paper, namely narrative headings, offering headings, allusive and nominative headings.

One of often used “hooks” is promising funny and entertaining reading. In this regard, language-enabling resources of comicality are being resorted to, though a headline and a corresponding text are far from correlating with each other in terms of content. Such “hooks” are aimed at attracting as much attention as possible to “own” content.

The proposed research highlights the mechanisms of creating a clickbait in the semantic field of “funny” from the positions of the addressee, the subject of laughter, the object and the matter of laughter. This approach allows us to create a most complete description of each of the analysed clickbait headlines and sets a precedent for the further development of the given line of research.

What is noteworthy is the repetitiveness and uniformity of analysed headings, which confirms the possibility of developing a model for identifying clickbaits in each of the designated semantic fields. Moreover, from our point of view, it is the lexical model that is especially promising, since keywords allow us to detect clickbait most easily and quickly.

The properties of the structure of clickbait promising message:

- the subject of a speech act aimed at involving readers in the situation implying laughter;
- the object of a comic reaction implying laughter;
- user;
- attracting attention to some interesting information.

Clickbaits are often accompanied by some shocking value provoking the referral to the taboo topics (“below-the-belt” topics), suggesting that readers laugh at the things that usually provoke no laughter (death, physical disadvantages, etc.). Promise message attracts attention by implementing an active usage of various language expressive means such as phraseological units, conversational vocabulary, precedent names,

verbal markers of comicality and expressive lexical units.

As clickbait is easier and quicker by using keywords, the most significant role is played by the following lexical units: *laughed out, are laughing, was laughed at, has livened up, made a joke, started joking, laughing, made laughing, ridiculed, couldn't stop joking, smiled, had somebody in stitches, to mock, refused joking around*. We view clickbait as a means of hypertext formation usually based on the appeal to join those who have already enjoyed reading the news. A significant place in a clickbait phenomenon is occupied by the headlines implying direct or indirect promises to make readers laugh. Verbal and non-verbal means are used in the process of clickbait formation to indicate the reaction implying laughter. It constitutes a so-called hook used to involve the user in the communication act. Having learnt the details, readers are not always eager to laugh, though the actor of a communication act hopes to increase “appeal’s” productivity.

NOTE

¹ The study was carried out with the financial support of the RSF: project no. 19-18-00530 “Humour as a communicative resource in the digital news environment”.

REFERENCES

- Ageeva G.A., Smyshliaeva V.A., 2019. Clickbait: etimologiya, semantika, sredstva vyrazheniya [Clickbait: Etymology, Semantics, Expression Means]. *Molodezhnyi vestnik Irkutskogo natsional'nogo issledovatel'skogo tekhnicheskogo universiteta* [Young Researchers' Journal of ISTU], vol. 9, iss. 1, pp. 153-158.
- Agrawal A., 2016. Clickbait Detection Using Deep Learning. *2nd IEEE International Conference on Next Generation Computing Technologies (NGCT), Dehradun, India*. S. 1., IEEE Publ., pp. 268-272.
- Al Asaad B., Erascu M., 2018. A Tool for Fake News Detection. *20th International Symposium on Symbolic and Numeric Algorithms for Scientific Computing (SYNASC), September 20–23, Timisoara, Romania*. S. 1., IEEE Publ., pp. 379-386. DOI: 10.1109/SYNASC.2018.00064.

- Anand A., Chakraborty T., Park N., 2017. We Used Neural Networks to Detect Clickbaits: You Won't Believe What Happened Next! *39th European Conference on Information Retrieval (ECIR), April 8–13, Aberdeen, United Kingdom*. S. 1., Springer, pp. 541-547. DOI: 10.1007/978-3-319-56608-5_46. (Lecture Notes in Computer Science (LNCS), no. 10193).
- Bakhtin M.M., 1996. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Sobranie sochinenii. V 7 t.* [Complete Works. In 7 Vols.]. Moscow, Russkie slovari, vol. 5, pp. 159-206.
- Brzozowska D., 2013. Demotivators as a New Type of Media Texts. *Medialingvistika* [Media Linguistics]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, iss. 2, pp. 124-130.
- Chanysheva Z.Z., 2016. Informatsionnye tekhnologii smyslovykh iskazhenii v klikbeit-zagolovkakh [Information Technologies of Semantic Distortions in Clickbait Headlines]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy iazykoznanii i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], no. 4, pp. 54-62. DOI: 0.15593/2224-9389/2016.4.5.
- Daoud D.M., El-Seoud M.S.A., 2019. An Effective Approach for Clickbait Detection Based on Supervised Machine Learning Technique. *International Journal of Online and Biomedical Engineering (iJOE)*, vol. 15, iss. 3, pp. 21-32. DOI: 10.3991/ijoe.v15i03.9843.
- Duskaeva L.R., ed., 2018. *Medialingvistika v terminakh i poniatiiakh : slov.-sprav.* [Media Linguistics in Terms and Concepts. Reference Dictionary]. Moscow, Flinta Publ. 442 p.
- Duskaeva L.R., 2004. *Dialogicheskaiia priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [The Dialogical Nature of Newspaper Speech Genres]. Perm, Izd-vo Permskogo universiteta. 276 p.
- Fu J., Liang L., Zhou X., Zheng J., 2017. A Convolutional Neural Network for Clickbait Detection. *4th International Conference on Information Science and Control Engineering (ICISCE), 14 November, Changsha, China*. S. 1., IEEE Publ., pp. 6-10. DOI: 10.1109/ICISCE.2017.11.
- Gajda S., Brzozowska D., ed., 2000. *Świat humoru*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. 628 p.
- Gavrikova O.A., 2018a. Kriterii vyiavleniia klikbeit-zagolovkov [Identification Criteria of Clickbait Peadlines]. *Iazykovye edinitsy v svete sovremennykh nauchnykh paradigm: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (20 dek. 2018 g.)* [Linguistic Units in the Light of Modern Scientific Paradigms. Proceedings of the 4th Scientific and Practical Conference With International Participation, 20 December, 2018]. Ufa, Izd-vo Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 23-28.
- Gavrikova O.A., 2018b. O fastsinativnom vospriiatii klikbeit-form v interdiskursivnom prostranstve [Fascinating Perception of Clickbait Forms in an Interdiscursive Space]. *Doklady Bashkirskogo universiteta*, vol. 3, iss. 1, pp. 94-99.
- Gavrikova O.A., 2018c. Smyslovoe iskazhenie informatsii v klikbeit-zagolovkakh v tekstakh politicheskogo mediadiskursa [Semantic Distortion of Information in Clickbait Headers in the Texts of a Political Media Discourse]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], vol. 23, iss. 1, pp. 173-178. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2018.1.28.
- Geckil A., Mungen A.A., Gundogan E., Kaya M., 2018. A Clickbait Detection Method on News Sites. *10th IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM), Barcelona, Spain, 28–31 August*. S. 1., IEEE Publ., pp. 932-937.
- Khater S.R., Al-Sahlee O.H., Daoud D.M., El-Seoud M.S.A., 2018. Clickbait Detection. *7th International Conference on Software and Information Engineering (ICSIE), British University in Cairo, Egypt, 2–4 May*. Cairo, IEEE Publ., pp. 111-115. DOI: 10.1145/3220267.3220287.
- Molyneux L., Coddington M., 2019. Aggregation, Clickbait and Their Effect on Perceptions of Journalistic Credibility and Quality. *Journalism Practice*. Taylor & Francis, vol. 14, iss. 4, pp. 429-446. DOI: 10.1080/17512786.2019.1628658.
- Nikolaeva A.V., 2017. Klikbeit: k opredeleniiu poniatia [Clickbait: Defining the Concept]. *Aktual'nye problemy stilistiki* [Actual Problems of Stylistics], no. 3, pp. 146-151.
- Pothast M., Köpsel S., Stein B., Hagen M., 2016. Clickbait Detection. *38th European Conference on Information Retrieval Research (ECIR), Padua, Italy, 20–23 March*. S. 1., Springer, pp. 810-817. DOI: 10.1007/978-3-319-30671-1_72. (Lecture Notes in Computer Science (LNCS), no. 9626).
- Serrano J.G., Romero-Rodríguez L.M., Gómez Á.H., 2018. Análisis del Clickbaiting en Los Titulares de la Prensa Española Contemporánea. Estudio de Caso: Diario El País en Facebook. *Estudios Sobre el Mensaje Periodístico*, vol. 25, iss. 1, pp. 197-212. DOI: 10.5209/ESMP.63724.
- Shu K., Wang S., Le T., Lee D., Liu H., 2018. Deep Headline Generation for Clickbait Detection. *18th IEEE International Conference on Data Mining (ICDM), Singapore, 17–20 November*. Singapore, IEEE Publ., pp. 467-476. DOI: 10.1109/ICDM.2018.00062.

- Sladkevich Zh.R., 2019. Zagolovki-anonsy v setevykh mediaservisakh: mezhdru informirovaniem i klikbeitingom [Announcement Headlines in Network Media Services: Awareness and Clickbaiting]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], vol. 6, iss. 3, pp. 354-369.
- Solov'ev A., 2018. Klikbeit-zagolovki v reklame: ispol'zovat' nel'zia ignorirovat' [Clickbait Headlines in Ads: Should Be Used and Cannot Be Ignored]. *Zhurnalistyka-2018: stan, problemy i perspektivy: materyialy 20-i mizhnarodnai navukova-praktychnai kanferentsyi (Minsk, 15-16 list. 2018 g.)* [Journalism-2018: Current Situation, Issues and Prospective Directions: Proceedings of the 20th International Scientific and Practical Conference (Minsk, 15–16 November, 2018)], Minsk, BDU, pp. 253-255.
- Vasileva V.V., 2017. "Obeshchanie smeshnogo" kak strategiiia privilecheniia massovoi auditoria ["Promising Some Comic Entertainment" as a Strategy to Attract Mass Audience]. *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike: tez. Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 22–23 noyab., 2017 g.)* [Strategic Communication in Business and Politics. Thesis Statements of International Scientific Conference (Saint Petersburg, November 22–23, 2017)]. URL: <http://jf.spbu.ru/conf-pr/7558/7562-gr2.html> (accessed 20 December 2019).
- Vasileva V., Prokofeva N., 2015. Slang Toponyms and Newsmakers' Nicknames as a Communicative Contact and Indicator of Comic Culture in the Modern Russian Journalism. *International Review of Management and Marketing*, no. 5, pp. 1-10.
- Vinogradov V.V., 1959. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [About the Language of Fiction]. Moscow, Goslitizdat Publ. 656 p.
- Vol'skaia N.N., 2018. Klikbeit kak sredstvo sozdaniia lozhnoi informatsii v internet-kommunikatsii [Clickbait as a Means of Producing False Information in Internet Communication]. *Mediascope* [Mediascope], no. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2450> (accessed 19 December 2019). DOI: 10.30547/mediascope.2.2018.12.
- Wang S., Wu Q., 2017. An Empirical Study on the Clickbait of Data Science Articles in the WeChat Official Accounts. *International Conference on Frontier Computing (FC), Osaka, Japan, 12–14 July*. S. l., Springer, pp. 131-140. DOI: 10.1007/978-981-10-7398-4_14. (Lecture Notes in Electrical Engineering (LNEE), no. 464).
- Wongsap N., Lou L., Jumun S., Prapphan T., Kongyoung S., Kaothanthong N., 2018. Thai Clickbait Headline News Classification and its Characteristic. *2018 International Conference on Embedded Systems and Intelligent Technology and International Conference on Information and Communication Technology for Embedded Systems, (ICESIT-ICICTES), Khon Kaen, Thailand, 7–9 May*. S. l., IEEE Publ., pp. 1-6. DOI: 10.1109/ICESIT-ICICTES.2018.8442064.
- Zannettou S., Chatzis S.P., Papadamou K., Sirivianos M., 2018. The Good, the Bad and the Bait: Detecting and Characterizing Clickbait on YouTube. *1st Deep Learning and Security Workshop, co-located with the 39th IEEE Symposium on Security and Privacy, San Francisco, 21–23 May*. S. l., IEEE Publ., pp. 63-69. DOI: 10.1109/SPW.2018.00018.
- Zheng H.-T., Yao X., Jiang Y., Xia S.-T., Xiao X., 2017. Boost Clickbait Detection Based on User Behavior Analysis. *1st Asia-Pacific Web and Web-Age Information Management Joint Conference on Web and Big Data, APWeb-WAIM, Beijing, China, 7–9 July*. S. l., Springer, pp. 73-80. DOI: 10.1007/978-3-319-63564-4_6. (Lecture Notes in Computer Science (LNCS), no. 10367).
- Zheng H.-T., Chen J.-Y., Yao X., Sangaiah A.K., Jiang Y., Zhao C.-Z., 2018. Clickbait Convolutional Neural Network. *Symmetry*. Multidisciplinary Digital Publishing Institute (MDPI), vol. 10, iss. 5. DOI: 10.3390/sym10050138.

Information About the Authors

Natalia A. Prokofeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Media Linguistics Department, Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University, Vasilyevskiy ostrov, 1-ya Liniya, 26, 199004 Saint Petersburg, Russia, n.prokofieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3105-4530>

Irina A. Akulovich, Assistant, Chair of the Public Relations Department, Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI", Professora Popova St, 5, 197376 Saint Petersburg, Russia; Postgraduate Student, Media Linguistics Department, Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University, Vasilyevskiy ostrov, 1-ya Liniya, 26, 199004 Saint Petersburg, Russia, iaakulovich@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4804-7014>

Информация об авторах

Наталья Анатольевна Прокофьева, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Васильевский остров, 1-я линия, 26, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия, n.prokofieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3105-4530>

Ирина Анатольевна Акулович, ассистент кафедры «Связи с общественностью», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, 5, 197376 г. Санкт-Петербург, Россия; аспирант кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Васильевский остров, 1-я линия, 26, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия, iaakulovich@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4804-7014>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.14>

UDC 81'1:791
LBC 81.006

Submitted: 25.01.2020
Accepted: 16.02.2021

**MOTION PICTURES AS A SOURCE OF EMPIRICAL LANGUAGE DATA
(A CASE STUDY OF COUNTERFACTUALS)**

Andrey S. Druzhinin

MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on the problem of research methodology in linguistics and argues that motion pictures, or feature films, provide a good source of empirical data for a realistic investigation of language as a communicative behavior. Evidence from epistemology and philosophy of science shows that scriptism and rationalism as two dominating methodologies in traditional linguistics do not give a whole picture of language functionality because through them we cannot observe a human's communicative behavior in dynamics. The aim of the article is to offer an alternative understanding of the subject-matter, method and data for linguistic research which would be grounded on human experience observable in films. In particular, the term 'linguaging' is adopted to describe the dynamic process of experience construction in referential and attentional framings. The investigation of linguaging is thus based on the principle of holism, circularity and 'double perspectival' view of one's experience. The author of the article gives a number of reasons why written texts alone do not provide reliable data in this respect and why motion pictures are a more viable alternative. The paper introduces the methodology of holistic research and opened experiential analysis and demonstrates in a case study how counterfactuals as grammatically and experientially enacted patterns can be observed and investigated in the film *Atonement*.

Key words: experience construction, experiential context, motion pictures, linguaging, enactivism, holism.

Citation. Druzhinin A.S. Motion Pictures as a Source of Empirical Language Data (A Case Study of Counterfactuals). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 166-175. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.14>

УДК 81'1:791
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 25.01.2020
Дата принятия статьи: 16.02.2021

**КИНОФИЛЬМ КАК ИСТОЧНИК ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ О ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ КОНТРАФАКТУАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ)**

Андрей Сергеевич Дружинин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Россия

Аннотация. Статья затрагивает проблему методологии в науке о языке. Установлено, что художественные фильмы предоставляют адекватные эмпирические данные, необходимые для реалистичного изучения языка как коммуникативного поведения человека. Доводы эпистемологии и философии науки свидетельствуют о том, что методология «скриптизма» и рационализма, до сих пор востребованных в лингвонаучной практике, не способна раскрыть сущность языка, поскольку она не дает возможности наблюдать коммуникативное поведение человека в динамике. Цель данной статьи – предложить альтернативное понимание предмета, метода

и эмпирического материала лингвистического исследования, в центре внимания которого будет опыт человека, доступный для наблюдения посредством динамики видеоряда. Вводится и объясняется термин «языковое поведение» (languaging), обозначающий процесс конструирования человеком своего опыта в динамике меняющихся объектов внимания и референции. Утверждается, что изучение языкового поведения основывается на принципах холизма, циркулярности и диалектического взгляда на опыт человека. Автор статьи приводит ряд доводов, объясняющих, почему в такой исследовательской парадигме одни только тексты не могут выступать в качестве надежного источника данных о языке и почему фильмы являются лучшей альтернативой. На примере кинофильма «Искушение» демонстрируется, как фильм, изучаемый в ракурсе предлагаемого подхода, помогает раскрыть экспериенциальную сущность определенного грамматического явления.

Ключевые слова: конструирование опыта, экспериенциальный контекст, игровые картины, поведение в языке, энактивизм, холизм.

Цитирование. Дружинин А. С. Кинофильм как источник эмпирических данных о языке (на примере контрфактуальных высказываний) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 166–175. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.14>

Introduction

Why sciences are concerned with the dynamics of experience. As Paul Valéry put it, “science is the collection of recipes that work always” [Valéry, 1957, p. 1253]. Any scientific research sets out to explore things and processes. By doing so, a scientist pursues the goal of explaining how they function to make sure he / she knows when, how and where they happen. It is the knowledge of these conditions that provides a truly scientific understanding and definition of what things and processes are. It is what “our faith in science rests upon” [Valéry, 1957, p. 1253].

We cannot refer to things and processes independent of what we do. The Nobel Prize winner Percy Bridgman in his *The Logic of Modern Physics* (1927) made a case for the operational origin of all fundamental concepts of time, space, length, etc., and the respective terms used by science. “The true meaning of a term is to be found by observing what a man *does with it* (emphasis added. – *A. D.*), not by what a man says about it” [Bridgman, 1958, p. 7].

Later, Humberto Maturana [1988] in his philosophy of cognition maintained that reality, however objective it might seem, has biological roots in ourselves – more precisely, in our doings. What we call the phenomena of reality are but our experiences. ‘What is this or that thing or how does it happen?’ is not what we should ask ourselves in an effort to unearth the truth of reality. Instead, questions like ‘What do I do when I distinguish a thing?’ are more scientifically effective [Maturana, 2012]. For example, to investigate and define a concept in physics, psychology or chemistry one

must isolate an object of observation, propose a hypothesis explaining how, where and when the phenomenon is, and is to be, repeatedly observed, and then put this hypothesis to ‘life test’ to check if it fits the real experiential situation [Glaserfeld, 1995, p. 117]. This procedure requires a scientist to observe the dynamics of (his / her) doings, otherwise neither physics nor chemistry nor any other science would be able to validly explain the reality of our life, or rather, living.

Thus, it appears that any science is meant to observe phenomena as experiences rather than objects ‘out there’, and it proves valid as long as it is experientially grounded, i.e. it can provide explanation of how, when and where this or that experience can recur without fail. In this respect, linguistics should pursue the same objectives. The present article will discuss why it does not happen and why mainstream theory of language has a too heavy legacy of Aristotle’s analytical logic to focus on human experience lived in the dynamics of communication. There will also be given a methodological alternative of studying cinema as language-in-motion which may help the language science to move from the (mono-)logical, text-oriented stance towards the eco-logical and experiential one.

Why linguistics tends to study static objects. Per Linell [2005] in his provocative critique of linguistics gives 101 reasons why mainstream linguistics chooses to approach language as literacy and the art of alphabetic writing rather than as human’s natural bodily behavior situationally embedded in the social and cultural environment. He explains how linguists have become biased in their research towards written, static texts ever

since literacy began to play a big cultural and even political role. States have needed standardized national languages to stand out in the political arena, societies have needed educated people with good writing skills. Moreover, literacy has always served as a social distinction between those who can speak the proper and correct language and those who speak the vulgar vernacular. Language issues thus stand 'proxy' for wider social issues [Rickford, 1999, p. 272]. "Inscriptions, in the concrete sense of static marks on paper, have been the dominant technology of language. At the same time, it is in the development of literacy, in the schooling needed for learning to read and write, that theories of language structure have become necessary" [Linell, 2005, p. 5].

According to Linell, the age-long tradition of language studies is characterized by *scriptism*, i.e. the influence of writing on the conceptualization of speech. Speech is a dynamic activity distributed in real time with both speaker and listener being physically present in the immediate context, while texts are offline, displaced and deferred. In terms of the dialogical property of interactivity, the written text is "suspended dialogue" [Peters, 1999] lacking any immediate situational context [Linell, 2005, p. 21]. Suffice it to say that writing and reading belong to the so-called secondary socialization, while the primary empirical interactions in the form of speaking and hearing are overshadowed in texts.

Thus, the structure of speech, or talk-in-interaction, is mainly studied from the perspective of its regular counterparts in conventional writing. Even those linguistic disciplines concerned with the grammar or pragmatics of spoken language treat utterances (a unit of speech) in comparison to sentences (a unit of text) and analyze what is analyzable textually ('spoken texts' or 'spoken grammar'). For example, utterances which do not display full clause structures are interpreted as 'elliptical', i.e. incomplete, lacking explicit proposition or even dysfunctional. In fact, any utterance in a spoken interaction may be called 'elliptical' because it is natural for participants in a dialogue to exploit properties of each other's utterances and thereby dynamically co-construct meanings and attitudes [Bakhtin, 1981]. Another case in point is gestures. Gestures cannot be (fully) represented in writing, that is why their role in language analysis is often minimized. Indeed, gestures, bodily postures, facial

expressions, gaze behavior are perfectly integrated with verbal conduct. Alongside with linguistic features, gestures help people construct meanings and attitudes and "exploit features of the built environment" [Goodwin, 2000].

It follows that the main methodological gap in scriptism as posited by Linell and his supporters is the failure to depart from dualism. The desire to look at isolated structures as if independently existing objects is a hallmark of the Cartesian philosophy which dualizes our understanding of the world in terms of subject-object relationships. This tradition has persisted in linguistics ever since literacy made it possible to observe inscriptions, marks and other textually demarcated symbols on paper. With writing, language becomes a static, 'photographic' (or rather, representational) object existing 'out there'. "Linguists are not dealing with complex bodily conduct, behaviors, which exhibit recurrent structural properties. <...> Instead, they hypostatize, arrest, paralyze language structures as a body of knowledge, posit them as abstractions existing in and of themselves" [Linell, 2005, p. 9]. Another epistemological trap of scriptism is rationalism. Written texts are by definition logically organized intellectual products because writing is a purely linear affair. Studying texts linguists tend to find explanation not for what, how and why the author organized in his / her writing (it is physically impossible, as the context of writing is never observable), but for how the author's writing can be *described* and thus logically organized once again. In such a way, mainstream linguistic theory aims to establish double logical coherences which are detached from the reality of our perceptual acting in the immediate context.

The overview of scriptism in linguistics allows us to arrive at one important conclusion: language studies are basically associated with textology; generalizations made by linguists as a result of their observations of speech are grounded mainly upon *what is or is not common to see on paper, not in life*. Indeed, language goes far beyond writing. If it were not the case, illiterate people would either be proclaimed a miracle or considered non-linguistic at all.

From texts to experiences. In his studies of children's cognitive development, Leo Vygotsky became the first Soviet scientist who proved that language should not be approached analytically, because language is synthesis by definition.

Language, he maintained, is not what we write, nor what speak, but is *what we do towards, in and through* writing, speaking or any other social and cultural interaction. According to Vygotsky, “to understand another’s speech, it is not sufficient to understand his words – we must understand his thought. But even that is not enough – we must also know its motivation” [Vygotsky, 1962, p. 151]. He claims that traditional methods of verbal definition, by which he evidently meant describing things, are totally “inadequate for studying concepts... as they overlook the dynamics and the development of the process of concept formation” [Vygotsky, 1962, p. 96]. To find a term or definition for a concept is to deal with ready-made knowledge as the resulting product rather than the process of thinking or knowing. This method also confines research material to isolated verbalizations as the only source of empirics.

There are two important implications of this finding. First, language with all its structures, components or units cannot be investigated from within these units – it requires a much more holistic effort. Namely, we must look at the *generative source* of language, the process that takes place in a domain other than the domain of definitions or terms (cf.: [Maturana, Verden-Zöller, 2008, p. 154]). Second, we must integrate our abstractions back into the dynamics of bodily experience to check how they fit the conditions of our living.

Experiential view of language underlies the philosophy of enactivism in which language is equated with the operational dynamics of experience construction, or enactment of the world [Piaget, 1937; Varela, Thompson, Rosh, 1993; Glasersfeld, 1995]. There can be given three reasons to prove this point. First, “experience – that which we distinguish as happening to us and in us – cannot be denied” [Maturana, Verden-Zöller, 2008, p. 13]. Second, language is the root of all experience, i.e. all things happening to us and in us, since “the language I speak is my language, it makes me aware of myself” [Foerster, 2003, p. 297], it makes me *an experienter*. Third, experience or language is not something ready-made or passively received. It is actively constructed and organized in the course of cognitive development. Otherwise, we humans would not need to learn or live anything, instead we would be a machine waiting to be adjusted for the reception of the right signal.

What would be more appropriately termed as *linguaging* is thus a cycle of changes happening to/in our body to reciprocally maintain the continuity of our focused and unfocused attention on “a sort of universe we shall appear to ourselves to inhabit” [James, 1890, p. 401]. The fact that our attention can be unfocused on some sensorial data and be still ‘experientially active’ is crucial for us humans: our attention once focusing on a perceptual item can refocus on it later by some power of volition and through recognition matrices [Ceccato, Zonta, 1980; Glasersfeld, Ackermann, 2011] which all, in turn, are made possible in and through linguaging only [Kravchenko, 2016]. In this way we construct our experience out of the attentionally organized sensorial data, or else, our experiences. They are what we can easily isolate (abstract) from the sensorial flow, displace, or turn upon themselves (reflect upon them), and live again (enact) in a new context of interactions. Thus, linguaging as experience construction can be characterized by the following ecology of enaction:

framing (isolating certain items from the bodily dynamics) + **reference** (interacting with these isolations: reflecting upon them and acting upon these reflections) + **attention** (selection of frames and their reference through changing interests and desires, or relations).

Thus, *to study reference frames*, what we commonly understand as names as well as their constellations – texts, *means to study experiences*, i.e. probe into our bodily operations (sensorimotor functioning and thinking processes) and their attentional triggers (relations).

Method of investigation of experiential dynamics in linguistic research

The dynamics of linguaging as attentional and referential framing makes our living cognitively ‘eco-logical’. It means that we operate in such an ecology where our interests and desires, our attentional processes determine our bodily actions and operations (thinking, moving, sensing), and vice versa. It means that every doing of ours changes a relation in which our next doing occurs; every decision we make, every word we say is related to our previous experience and can be adequately understood only in relation to this experience. If, for instance, you move your hand from a basin of

cold water into one that is tepid, the second feels hot; if you begin with hot water, the tepid feels cold; the true temperature of the water, therefore, cannot be determined because our judgment depends on the experiential context.

It follows that the object of linguistic study should be a frame of reference as an item of experience enacted in the operational bodily dynamics under certain contextual conditions. To investigate such an object, we must rely upon two methodological techniques by which we (1) *analyze* a frame in one domain of observable doings, as an action performed by the agent in relation to something or someone (*what exists out there*), and (2) *synthesize* all the accessible epistemological, psychological, and even physiological data to look at this frame in another domain, as an interaction between the agent and his / her relations (his / her experiential reality as *what he / she distinguishes as existing out there*).

Thus, a hypothesis about a frame of reference as a linguistic abstraction must be based on the explanation of what, how, when and where we do 'to make this reference happen'. It implies looking at the practical context of interactions in which this frame of reference is enacted to construct experience.

One way to do this is to study children at different times of their cognitive development. A problem may arise because interrelated complexes in languaging do not take shape by default but are actively constructed and tested through trial and error over a course of time when, later, they become a more or less stable and sustainable structure or pattern of action.

Another path to approach direct experience in its perceptual, empirical sense is to explain the circumstances under which it is enacted as an abstraction, or else, re-enacted as an already viable and stable conceptual structure, internalized pattern of action. In explaining the circumstances (when, where, why?) we will also be able to identify the mechanisms (how?) underlying this cognitive enactment. Such mechanisms are epistemological ways of concept construction in and through abstractions, generalizations, and reflections (for a detailed account see: [Piaget, 1937; Glasersfeld, 1995]).

For the sake of clarity, I have summarized the procedural components of open-ended experiential analysis after Varela et al. [1993] and Glasersfeld [1995] and propose the following step-by-step question-answer algorithm of scientific observation and explanation of languaging-as-experience-construction (see Table 1).

Table 1. Methodological algorithm of holistic research and open-ended experiential analysis of language

<p>(Step 1) Hypothesizing: What experience is enacted in/through a particular frame of reference?</p> <p>(Step 2) Observation and analysis: When / where is it enacted?   What are the experiential circumstances driving one to refer to this experience? What new emerging experiences and emotional perturbations 'here and now' cause one to recreate the old experience in question?</p> <p>(Step 3) Observation and analysis: Why is it enacted?   What kind of desired result does one seek to achieve? What kind of experiential balance does one strive to restore?</p> <p>(Step 4) Observation and analysis: How is it enacted?   What operations does one do to experience something again?</p> <ul style="list-style-type: none"> – Is it a direct experience that is acted out almost automatically, without much thinking? (= <i>Do I enact an empirical abstraction from raw sensory material?</i>) – Is it an indirect experience, i.e. one not only enacts an isolated item of (abstraction from) raw sensory material, but also reflects upon it to an extent that the experience is not re-created as it was? – How exactly does one reflect upon the abstracted sensory material? – Does one reflect upon the way one has this experience? (Does one change and develop an understanding of an experience to figure out how else one can have this experience? = <i>Do I enact a reflective abstraction?</i>) – Does one reflect upon the way one abstracts this experience? (Does one change or develop one's understanding of understanding an experience = <i>Do I enact a reflected abstraction?</i>) <p>(Step 5) Synthesis and verification of the hypothesis: Does the hypothesis work? Is the hypothesized experience enacted in the observed circumstances non-controversially? Can the deduced hypothesis predict the happening of the experience under the circumstances similar to those observed? How is the investigated experience distinguished from other phenomena? What is a better term for the investigated experience?</p>

Results and discussion

Motion pictures as enactive data for linguistic research

Why a picture in motion is better than a picture in isolation. To be able to grasp the dynamics of languaging, we should find ways to observe the experiential context of our semantic interactions, or else, our semantic living [Maturana, 2006]. The reason why it is not enough to study and describe language in its semantic abstractions is because isolated linear structures will never ‘tell us the whole (holistic) story’: they can only help de-fine, de-terminer, find limitations to what we set out to observe (cf. step 1 in our methodological algorithm).

Motion pictures provide more or less reliable data for investigating languaging processes because *in films we see what people do and how they act, not just what they say*. More than that, we can observe the movement of people’s (fictitious characters’) attention in their thinking about what is displaced from the immediate perceptual field. The latter becomes possible in such a special form of filmed interactions that is directed, i.e. when somebody (a film director) takes responsibility for the viewers’ holistic perception and understanding of what is happening on the screen. In other words, in a feature film, somebody’s living is projected as a complete, meaningful story of which a viewer is expected to make some whole sense. The experiential context in such a story is always thorough enough to rely upon because every doing of the character is shown as preceding from, and proceeding to, another doing of his / hers. All interactions of the character stand in some generative relation to each other, that is why the context of each interaction, in our case – referential and attentional framing, can be made easily explicit rather than speculated upon. Thus, motion pictures provide data on ‘living through talking’, acting upon language while other semantic data offer us mainly talks about talking, texts in and of themselves.

I will try to make it more explicit why motion pictures go beyond familiar textual data and are useful in any linguistic research which is aimed at studying experience.

1. Uninterrupted non-linear dynamics: films help follow non-linear cognito-perceptual changes

as they unfold in the human mind. There are no visible textual demarcations hindering us from experiencing the projected flow of living as it is. Motion pictures are free from the bias of linear written language where a reader is tempted into becoming a researcher by looking at structures and dialogical practices in isolation, as static product-oriented objects on paper [Linell, 2005] admitting of reading and rereading.

We should remember that repeating an experience or interrupting the experiential flow is another experience. The director will never replay a series of shots for no particular reason, the director will make this replay a part of the continuous experiential flow as planned and determined by the story. Under ordinary circumstances, a viewer in the cinema cannot stop the movie and go back to the previous shot or the titles unlike a reader who sometimes has to refer to the footnotes, appendices, etc. The author of a book may choose to diverge from the narrative by introducing philosophical reflections that have little to do with the experiential dynamics of the character. The director of a film is unable to show anything but the flow of attention and experience of the characters or / and narrator in the projection of their living. In this way film watching can guarantee natural conditions for non-linear uninterrupted experiential dynamics.

2. Broader contextuality: it should be once again stressed that in films we can observe practical, empirical domains of every semantic operation, while in texts we are confined to the semantic domain of the same semantic operations. Communication like any other interaction must be observed and scientifically explained across the domains of ‘action in’ and ‘action out’ (or generative mechanism and resulting process), otherwise what we would be observing and explaining is not an *inter-action*.

Even if we rely on data from corpora, what we will be studying in the final analysis are written texts, transcripts as linear affairs. Even if we find instances of spoken communication, we will not be able to make explicit the actual conditions in which the interaction in point occurred. As objects of study, texts are always bounded, while experiential background to the object of our study is never bounded; therefore, (experiential) *context is not wholly observable in texts*. To hypothesize about the experiential nature of this or that

semantic structure, we should go deeper into the person's emotioning, thinking, and sensorimotor being in language. To make it possible, we must make sure we get ahold of the person's relevant semantic living in totality. How can we make sure what is relevant and what is not in written texts?

3. Distinctions between thinking and perceiving at one time: as a rule, films project not only something a character is perceiving, but also something a character is thinking. The director's camera not only frames the perceptual dynamics of the character's (or someone else's) body, but it also captures the flow of attentional focalizations through which the character selects ways of relating the perceived dynamics to his / her earlier experiences. It means that films allow one to observe attentional processes that are unobservable in normal conditions (even in psychological experiments), let alone in texts (where we do not directly observe anything, but are engaged in reading only). Such a narrative technique of the moving image helps the viewer not only 'experience' the character's living as it is, in the flow, but also follow the process of reality construction in the character's world.

4. Embodiment of knowing: films, as said before, project sensorimotor dynamics, thus making bodily movements (gaze, gestures, etc.) and sensoriality (hearing, seeing) observable.

A case study: a concept of time reversibility in/through counterfactuals. To demonstrate how effectively motion pictures can be methodologically applied to linguistic research, I will give one example that is connected with the study of some fundamental concepts and grammatical problems connected with them. The concept of time, in particular, can be easily approached from a dynamic perspective in which we can more clearly see the experiential context of *time as a way of acting* and then deduce (or even observe) the attentional and referential mechanisms underlying this acting. A choice of those films which tell their story around or throughout changing temporal reality will help. For instance, *Atonement* (2007) is interesting in this sense.

It is an *if-only-I-had-not-done-it* or *it-would-have-happened-differently* story about undoing the irreparable damage the main character once caused to her loved ones. Right from the point of dramatic and critical decision to

wrongfully testify against her sister's boyfriend and get him imprisoned amid the waging World War II, Briony begins to live a life which will never get back to normal. Her sense of guilt and regret are portrayed as reflections upon the lived past which repeatedly interrupt the linearity of her experiential flow as well as the film's storytelling. Her attention is refocused on the earlier experiences and these refocalizations are often shown in reverse order to emphasize her desire to 'restore' the past. In the end she manages to beg forgiveness from her sister and her boyfriend, but later we see that this never happened and was part of her imagination. The people she betrayed were killed in the war. It appears that the bigger part of the story was told counterfactually, from the *as-if* perspective. Overwhelmed by the irreversible consequences of her light-minded behavior (her sister and her boyfriend's death), the main character has created a reality of her own (that comes out as another narrative) and acts upon it to cope with a sense of guilt. Throughout this reality she repeatedly goes back to the moment of the regrettable wrongdoing, enacting the "if-only-it-had-happened-otherwise" cognitive program. This, in turn, illuminates the cognitive mechanism of experience construction in terms of counterfactuals (or the subjunctive, in their linguistic abstraction).

The film director uses a number of techniques to portray Briony's experience, among which flashback reversion is of the greatest interest. It visualizes the reverse motion of the mind, the refocalization of the character's attention on some earlier salient experience. In particular, the farewell scene of Briony's sister (Cecilia) parting with her (Cecilia's) boyfriend at the doorstep of her mansion at the beginning of the film is shown in reverse order in the middle of the film to highlight the *relational change* which has happened in Briony's mind. This change of value occurred right after the fatal mistake she made to get her sister's boyfriend (Robbie) imprisoned and later killed in the war. She recognized this tragical mistake and now goes back to the lived experiences and replays them in reverse order. In doing so, the narrator (Briony) decides to construct a positively valued reality (the reality of begging forgiveness) which dominates the narrative and appears as a true story until her confession in the final scene. At the end of the

film we see older Briony who has just finished a novel *Atonement* about Cecilia and Robbie. She says that her sister and Robbie reunited only in the book, in reality they died and Briony never met them to claim forgiveness after what happened when she was a mindless teenager. Briony's confession is shown to us as two sequences of moving images, the one is a negative reality of Robbie and Cecilia dying in the war, the second one is a positive, desired reality of Robbie and Cecilia enjoying their holiday by the seaside together.

The analysis of how older Briony's mind 'moves' in her reflections on the past as shown by the director in the last scene suggests that the realities constructed are not of the 'more true' or 'less true' kind, they belong to one and the same level of actuality of the storyline: *they both are objects of Briony's attention*. Both the death and the happy life of her sister are depicted sequentially. Their counterfactuals status emerges as a new understanding of the past and a change of relation Briony produces in her actuality ('here and now', at the moment of answering the interviewer's questions, at the moment of regretting her mistakes and getting more dissatisfied with her present life), not in the 'irreal' world.

The enactive data provided in the motion picture allow us to look at counterfactuals *as a*

way of semantic living rather than a grammatical construction or logico-semantic structure. Briony lived a 'counterfactual life' throughout the second half of the story. Counterfactuals became for her a way of dealing with her sense of guilt, with the world that tragically changed for her the moment she made a life-changing decision to testify against her sister's boyfriend. She enacted counterfactuals in and through her reflections upon the past where she re-organized the past experience by changing the relational value of this experience from the negative to the positive. The summary of our findings are given in Table 2.

The findings will help us make a few linguistic generalizations on counterfactuals. Linguistically, counterfactuals are *frames of reference in which the agent reverses the past time*, or rather, his / her lived experiences, to counterbalance what he / she is actually living in the present. In other words, the value of the lived experience is not satisfying for the agent to live on and anticipate the coming changes in a normal, linear direction; he / she begins to (reflectively) change the direction of this experiential flow and act upon this change by constructing new experience out of the old one.

This complex, non-linear process of attentional and experiential counterbalancing may well explain the complex and non-linear grammatical choices we make in our languaging.

Table 2. Counterfactuals as an experience (a case study of *Atonement*)

Step	Research Procedure	Results
Step 1	Hypothesizing	time is specifically experienced in/through a counterfactual way of dealing with the world
Step 2	Observation and analysis: when / where?	the experience is enacted after the character's fatal mistake, in the circumstances of repentance and atoning
Step 3	Observation and analysis: why?	the experience is enacted to deal with a sense of guilt, to beg forgiveness from the wrongfully betrayed people
Step 4	Observation and analysis: how?	The experience is enacted <i>attentionally</i> : through refocalizations on the lived experiences, the refocalizations counterbalancing (helping to restore the balance in) the dynamics of the actual living; <i>cognitively</i> : through reflecting upon what happened in the past and acting upon this reflection (constructing a new experience by reverting the way the past experiences happened); <i>relationally</i> : through a change of value attached to the lived experience
Step 5	Synthesis and verification	The investigation fits the following hypothesis: a concept of <i>time reversibility</i> is enacted in/through counterfactuals; the experiential result (the enactment) is <i>counterbalancing reality</i>

Namely, the pattern *If I only I had not done such a mistake, everything would have happened differently* involves a number of complicated and ‘illogical’ structures for a reason. Contrasting negation (If I had ... = in fact, I don’t have) helps to create a relational change and reverse the experience, past tense forms specify what kind of the lived experience we are reversing (in a reflective abstraction) and ‘future-in-the-past’ *would* frames the result of this reversion, namely the construction of a new, counterbalancing experience. All in all, the *counterfactual enactment of the world creates counterbalancing reality* in referential frames of which we act to satisfy our changing interests and desires.

To sum it up, the motion picture provided significant data for a holistic understanding of experience construction in terms of non-linear temporal reality. Different techniques of film making and our holistic perception of the story, the character’s living, rather than his / her talking, assured a maximum of methodological integration in the observation and synthetical study of languaging.

Conclusion

Motion pictures remain a good source of enactive data for linguistic research unless they are treated as texts. If they are, linguists find themselves “epistemologically trapped in the fragmentary understanding of language, culture and cognition” [Kravchenko, 2016]. Texts will never provide a whole picture of what human language is because in texts a human cannot be observed. In particular, texts are what we have already produced in the process of our experience organization, but they are far from this process itself, they have very little to say about how, where and when we organize our experience. If we cannot investigate such factors, we cannot construct a valid hypothesis about this or that experiential item generating our recurrent communicative behavior, or languaging dynamics. If we cannot do so, we fail to meet the requirements of scientific research to explain “how something works always”.

Viewed holistically, motion pictures can safely be used in the study of languaging as experience construction because in them we can observe *actors acting* upon, and *enacting*, bodily

dynamics. Just as our ‘moving’ attention selects some part of our perceptual field to frame for reference, the moving camera selects an image to capture for the meaningful development of the story. Just as the flow of our living causes us to construct meaningful experience by relating one experiential item to another, the developing story of a film makes sense to let one event happen after, before or during another. Just as for a scientific understanding of reality we explain the recurrent coherences of our experiential dynamics across separate relational domains, films allow us to look at the experiential dynamics of the characters in totality which gives us a better understanding of the latter’s behaviors.

Linell expresses hopes that computer-supported visualization of languaging dynamics will offer a methodological alternative to the product-oriented approach of mainstream linguistics [Linell, 2005, p. 220]. Some work has been done in this regard with Druzhinin et al. [2020] attempting to investigate such relational phenomena as dysphemisms and euphemisms in experiential contexts on the basis of TV drama shows and concluding that the distinction between the ‘phemes’ depends upon the experience of the distinguisher. A lot of work is still to be done in the area of linguistic and cross-disciplinary research, and once we approach language in experiential totality, as where and how we humans organize our being, we will be able to write the long sought-after linguistic “recipes that work always”.

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1981. *The Dialogical Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin*. Austin, University of Texas Press. 480 p.
- Bridgman P.W., 1958. *The Logic of Modern Physics*. New York, Macmillan, vol. 3. 246 p. (First Published in 1927).
- Ceccato S., Zonta B., 1980. *Linguaggio, Consapevolezza, Pensiero*. Milan, Feltrinelli. 269 p.
- Druzhinin A.S., Fomina T.A., Polyakov O.G., 2020. Evfemizmy, disfemizmy, ortofemizmy iekspierientsialnyi kontekst: kholisticheskii vzglyad na lingvisticheskuyu problemu [Euphemisms, Dysphemisms, Orthophemisms and Experiential Context: A Holistic View of the Linguistic Problem]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 50 (2), pp. 23-40.

- Foerster H. von, 2003. *Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition*. New York, Berlin, Springer Science & Business Media. 362 p.
- Glaserfeld E. von, 1995. *Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning*. Bristol, Falmer Press. 213 p.
- Glaserfeld E. von, Ackermann E.K., 2011. "Reflections on the Concept of Experience and the Role of Consciousness". *Constructivist Foundations*, no. 6, pp. 193-203.
- Goodwin C., 2000. "Action and Embodiment Within Situated Human Interaction". *Journal of pragmatics*, no. 32, pp. 1489-1522.
- James W., 1890. *Principles of Psychology*. New York, Henry Holt and Company, vol. 1. 716 p.
- Kravchenko A.V., 2016. Constructivism and the Epistemological Trap of Language. *Constructivist Foundations*, no. 12, pp. 39-41.
- Linell P., 2005. *The Written Language Bias in Linguistics: Its Nature, Origins and Transformations*. London, Routledge. 256 p.
- Maturana H., 1988. Reality: The Search for Objectivity or the Quest for a Compelling Argument. *The Irish Journal of Psychology*, no. 9, pp. 25-82.
- Maturana H., 2006. Self-Consciousness: How? When? Where? *Constructivist Foundations*, no. 3, pp. 91-102.
- Maturana H., 2012. Reflections on My Collaboration with Francisco Varela. *Constructivist Foundations*, no. 7, pp. 155-164.
- Maturana H.R., Verden-Zöllner G., 2008. *The Origin of Humanness in the Biology of Love*. London, Andrews UK Limited. 252 p.
- Peters J.D., 1999. *Speaking into the Air: A History of the Idea of Communication*. Chicago, University of Chicago Press. 304 p.
- Piaget J., 1937. *La Construction du Réel Chez L'Enfant*. Neuchâtel, Delachaux et Niestlé. 345 p.
- Rickford J.R., 1999. The Ebonics Controversy in My Backyard: A Sociolinguist's Experiences and Reflections. *Journal of Sociolinguistics*, no. 3, pp. 267-275.
- Valéry P., 1957. *OEuvres*. Paris, Bibliotheque de la Pleiade. 1872 p.
- Varela F.J., Thompson E., Rosh E., 1993. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Massachusetts, MIT Press. 309 p.
- Vygotsky L.S., 1962. *Thought and Language*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press. 168 p.

Information About the Author

Andrey S. Druzhinin, Candidate Sciences (Philology), Associate Professor, English Language Department no. 3, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russia, andrey.druzhinin.89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9971-4019>

Информация об авторе

Андрей Сергеевич Дружинин, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Россия, andrey.druzhinin.89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9971-4019>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 1930 руб. 02 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 1930.02 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

